

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2015

Содержание

1. ПОМНИТЕ!
2. СОЛЖЕНИЦЫН
3. УГРОЗА НАЦИОНАЛИЗМОВ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. УКРОТИТЬ СОЛНЦЕ
6. ОТБОР В НОВОМ ФОРМАТЕ:
7. ОБСТАВЛЕННЫЙ ПОЛЬСКОЙ МЕБЕЛЬЮ МИР
8. ПАМЯТИ ЕЖИ ВЫШОМИРСКОГО
9. ИЗ НЕИЗДАННОГО
10. ЧУЖОЙ
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. «ИЗ ОСКОЛКОВ»
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ ЯРОСЛАВА
ИВАШКЕВИЧА
15. СИМОН ПЕТЛЮРА
16. ХВАТИТ УЖЕ «ПОМОГАТЬ» УКРАИНЕ
17. КВАСНЕВСКИЙ: ЕВРО УКОРЕНИТ НАС В ЕВРОСОЮЗЕ

ПОМНИТЕ!

Председатель украинского парламента Владимир Гройсман накануне визита в Варшаву опубликовал в «Газете выборчей» (28 апреля) статью о необходимости польско-украинского союза перед лицом угрозы со стороны великорусского империализма.

Он представил картину польско-украинских отношений в XX веке, в которой на первый план вынес сотрудничество между II Речью Посполитой и Украинской Народной Республикой Симона Петлюры, а также совместный триумф польской и украинской армий в «Чуде на Висле».

Если такие люди, как Ежи Гедройц или Юлиуш Меровский, наблюдают откуда-то за нашими здешними делами, то наверняка улыбаются. В течение нескольких десятилетий круг парижской «Культуры» стремился осуществить именно такую переоценку ценностей в польско-украинских отношениях, выдвигая на первый план то, что объединяет.

Политика Третьей Речи Посполитой доказала, что в Польше эти усилия принесли плоды и привели к формированию политических элит, не отягощенных балластом прошлого. Статья Владимира Гройсмана демонстрирует, что аналогичная эволюция взглядов начинается также на Украине.

Это уже половина успеха. Но лишь половина. Ибо недостаточно показать только светлые страницы в истории польско-украинских отношений. Надо каким-то образом осмыслить темные страницы, что в Польше делали многие общественные группы, во главе с упомянутой выше «Культурой».

Это задача на годы, даже для нескольких поколений, и нам в Польше еще далеко до завершения этого процесса. Но все же первые шаги сделаны. Мы не отвернулись от болезненной правды об операции «Висла» — и решением Сената осудили действия наших предков. Мы также признали вину за, как минимум, некоторые действия поляков по отношению к другим народам: отважились на акт покаяния за Едвабне, попробовали отыскать и покарать виновных в погроме в Кельце, устами наших епископов попросили прощения перед изгнанными немцами.

Текст В. Гройсмана показывает, что украинцам все это еще предстоит. Автор, политик молодого поколения (р. 1978), допускает, что отдельные солдаты УПА могли осуществить деяния, «имеющие признаки преступлений в отношении мирного населения». Однако останавливается за шаг до констатации того, что убийства мирного польского населения в 1943 г. являлись не случайными спонтанными инцидентами, а спланированной операцией, приказ о которой пришел сверху (подобно тому, как, безусловно, организованный характер носили ответные акции, осуществленные в меньшем масштабе польской стороной в украинских деревнях).

Мы, поляки, по собственной инициативе предприняли усилие перечитать мрачные страницы нашей истории. Мы сделали это во имя себя, а не для других. Чтобы, стоя перед зеркалом, не опускать очи долу. И я думаю, что если бы другие — немцы, евреи, украинцы — оказывали здесь на нас давление, то это бы дало обратный эффект.

Поэтому и мы не должны сегодня слишком уж нажимать на украинцев, понимая, сколь серьезный вызов стоит перед ними в деле расчета за грехи прошлого. И уж, конечно, от этого не должно зависеть наше сотрудничество и политическая поддержка украинского государства, борющегося с российской агрессией.

Давайте же болеть за украинцев, искренне желая им успеха в трудной встрече с правдой. Пусть у них получится. В конце концов, они делают это ради себя, а не для нас.

СОЛЖЕНИЦЫН

Каждый, кто хоть в самых благородных целях предал свой разум, не присовокупив к нему всего себя — тем самым предает и правду, потому что правда — это не только знание, но жизнь сама.

Норвид

Пресс-конференция в Цюрихе у Солженицына. Гедройц и я среди человек 30-и приглашенных журналистов мирового уровня. Резкий свет телевизионных ламп, бьющий хозяина по глазам, магнитофоны журналистов, переводчицы, которые вполголоса будут переводить слова Солженицына.

Первое впечатление — огромная, мощная фигура Солженицына. Насколько же моложе он выглядит, чем на всем известных фотокарточках; он стоит, опершись о высокую, ошетилившуюся микрофонами кафедру и медленно говорит четыре часа кряду (под рукой у него несколько исписанных страниц) громким, ни на минуту не ослабевающим голосом. Столпившиеся, опутанные телевизионными кабелями журналисты среди ослепляющих ламп — все это в двух небольших комнатах. Мы сидим увлеченные содержанием и уровнем этой речи, но еще больше — самой позицией оратора, бьющей от него двузначной, но не притворной силой убеждения.

Почему этот цюрихский вечер я считаю одним из самых значительных впечатлений моей жизни? Я не ищу и, честно говоря, не переносу шумных сборищ, которые так же легко могут заразить слушателя стадным восторгом, как и развеять и угасить то, что существенно. После прочтения его книг — от «Одного дня Ивана Денисовича», от «Ракового корпуса» и «В круге первом» до «Архипелага Гулаг» — у меня не было потребности видеть автора, чтобы понять, кто он такой, и от всего сердца отдать ему должное, но эта встреча, эта возможность посмотреть друг другу в глаза добавила тот единственный в своем роде человеческий акцент, который ничто не заменит.

Солженицын, до этого так избегающий толпы напирающих на него журналистов и репортеров, собрал нас всех, чтобы сообщить, что днем раньше (14 ноября) в Москве состоялась

параллельная пресс-конференция, которую провели его друзья в связи с выходом в свет в той же Москве новой, тайной самиздатовской публикации — сборника эссе, «какого у нас в России не было за последние 50 лет». Из этих эссе три написал он сам, остальные — его ближайшие соратники: мировой славы математик Шафаревич, историк Борисов, кибернетик Агурский, Баранов, Гордонов и еще двое, чьих фамилий он предпочел не называть. Эта книга, готовившаяся в течение шести лет, касается наиболее насущных проблем настоящего — это своеобразный символ веры определенной части угнетаемой российской интеллигенции. Озаглавлена она «Из под глыб».

О книге он рассказывал не только как человек, который должен передать информацию, но всем своим существом — страстно и искренне.

«Вы не знаете, вы представить себе не можете, как разбредаются мысли, когда нет возможности диалога, когда нельзя вместе подумать, высказаться».

Вся его речь подчеркивала связь писателя со своими друзьями, которые там, в России, выдали эту книгу, имеющую для него исключительное значение. Во имя этого в России все ее авторы и издатели рискуют быть арестованными и сосланными, понимая, что им грозит.

Большая часть доклада Солженицына была посвящена содержанию отдельных эссе и оценке людей, принимавших участие в этой совместной работе. Книга вскоре должна выйти на русском языке в издательстве «YMCA Press» в Париже и во французском переводе в издательстве «Seuil».

Я не буду здесь кратко передавать содержание этого огромного доклада, хочу, однако, представить несколько основных направлений сборника, сохранив ту структуру и иерархию важности отдельных вопросов, которую предложил докладчик. Основной упор был сделан прежде всего на христианскую, религиозную в самом широком понимании этого слова сторону вопроса, на религию как источник силы, готовность полностью посвятить себя делу, готовность к лишениям, жертвам, включая смерть. Эти великие слова, звучащие так часто и уже истершиеся от повторений, в его устах прозвучали так, словно были произнесены впервые, со всей силой полного переживания.

По мнению Солженицына, именно это религиозное течение, которое с новой силой только пробуждается в России, во всем

мире ослабло, исчезло в современных цивилизациях, отсюда их хрупкость и бессилие.

Говоря о советском строе, Солженицын добавляет, что не хочет заниматься политикой, не призывает к еще одной революции, потому что верит, что правда может быть грознее пулеметов, достаточно чтобы ни один из подчиненных советской власти граждан не врал, не выражал своей солидарности с ней ни поклоном, ни даже улыбкой, чтобы эта власть обратилась в прах. Он с грустью добавил, что эту его мысль, столько раз озвученную, написанную, западные журналисты даже не заметили.

Слушая эти слова веры и готовности к огромным жертвам во имя великого общего дела, я не мог не вспомнить о другом известном каждому поляку тексте.

«Каждый из вас в душе носит зерно будущих законов и меру будущих границ. И если расширить и улучшить души ваши...»
[1]

Тот же самый моральный, безапелляционный императив, тот же акт веры, но здесь — в устах Солженицына — он одним отличался принципиально: в нем полностью отсутствовали иллюзии мессианизма, и возможно, именно в этом — вся суть его высказывания. Это была жесткая речь. Он требует от русского народа — а за ним и от каждого народа — самоограничения, требует признать свои прошлые вины и отказаться от всего, что его родина отобрала у других, от всего, чем она сама не является.

Когда Солженицын говорил об этом с заразной магией собственной веры, я, признаюсь, слушал его с волнением, но и с опаской. В моей памяти мелькнул юный Саня из книги Солженицына «Август Четырнадцатого», притаившийся в парке Ясной Поляны, куда он пришел, чтобы от великого старца получить ответ на вопрос: «Как жить?». Хмурый старик ответил: «Служить добру и тем самым создавать Царство Божье на земле, никто ничего лучшего не придумал, любовью и только любовью». А Саня на это, хоть и с дрожью в голосе: «А что, если любовь не так сильна, не так обязательна во всех, и не возьмет верха? Если она не победит, ведь тогда ваше учение, Лев Николаевич, окажется... бесплодным?»

Следует основательно обдумать вопрос, что общего у Солженицына с Толстым, а в чем они расходятся. Толстой, этот король Лир, сбежавший из Ясной Поляны и умерший на маленькой провинциальной станции, глубочайшим образом

русских, и не только русских, перепахал. У него были тысячи последователей, непротивленцев, для которых важнее всего была заповедь «Не убий». Сколько же их сидело по царским тюрьмам! Но спасла ли отчизну эта горсточка чистых?

И вот тут, мне кажется, между Толстым и Солженицыным нет согласия: Солженицын, как человек борьбы, представляется мне бесконечно менее догматичным и более гибким, чем Толстой — старец, объявивший непротивление злу практически единственным путем. Солженицын понимает, глубже чувствует ту сеть противоречий, в которой барахтается человек, те разные слои исторического сознания и необходимости, в которых человеку — если он хочет жить в обществе — приходится существовать.

Как я уже писал, Солженицын в своей речи постоянно возвращался к тому, что он не призывает к новой революции, к еще одной революции, что цель его доклада не политическая, а моральная, что суть прежде всего в том, чтобы возвыситься, вырасти — в победе над собой, но не только отдельно взятого человека, а целых народов, — без этого ничего сделать нельзя. Но результаты этой речи не могут не быть политическими. Верит ли Солженицын в то, что стены Иерихона падут от одних лишь «трубных гласов» и «воинственных кличей»? Отношение Солженицына к коммунизму предельно ясно: он, словно старую ветошь, отбрасывает его прочь, считая эту теорию, эту идеологию в Советском Союзе на сегодняшний день уже мертвой. Классовая борьба уже никого не вдохновляет, слишком много крови было пролито.

Сталинизм? Это слово он перечеркивает с презрением — оно ничего не значит, это лишь ширма, которой люди прикрывают уже мертвую идею. И добавляет: «Я сам попал за решетку, утверждая, что Сталин искажил идеи Ленина, что Ленин был хороший, а Сталин плохой. Я ошибался — Сталин прилежно продолжал ленинскую линию. Сегодня мы уже слышим, что и Ленин нехороший, потому что фальсифицировал идеи Маркса; может быть на Западе Маркс все еще является движущей силой для тех или иных начинаний, но в России, в стране Советов, благодаря власти этих советов, в течение ста лет имени Маркса даже упомянуть будет нельзя».

Пересказывая содержание одного из эссе подготовленного в Москве сборника, оратор подчеркивает, что критика эта касается всего социализма, от самых его основ, от Платона до Маркса, его мифологии, его устаревшей идеологии, ставшей сегодня настолько многозначной, что напоминает мешок, в который каждый может засунуть все, что пожелает.

Основным вопросом этой речи была проблема национализма. Я знаю, — говорил писатель, — что на Западе эта проблема тоже принадлежит к болезненным, но это мелочь по сравнению с воспалительным процессом, которым охвачены национальные вопросы в Советском Союзе. Проблема национализма стоит сегодня в России на острие ножа, достаточно одной искры, чтобы советский мир погрузился в огонь и хаос.

Как русские должны себя вести в этой ситуации? Прежде всего категорически отказаться от классического советского метода, то есть от разжигания в многонациональном государстве национализмов малых народов, чтобы — после того как к власти придут коммунисты — со всей жестокостью и решительностью уничтожать эти национальные устремления, прибирая к рукам появившиеся новые государственные структуры.

Следует увидеть, что национальные идеи вовсе не «преодолены», наоборот, никогда еще они не были так жизнеспособны. Увидеть это и принять всю ответственность за свое национальное прошлое и свои национальные преступления. Следует ограничить собственные национальные амбиции, и если речь идет о России, следует быть готовыми отказаться от всех территорий, население которых хочет отделиться, стремясь к собственной национальной независимости.

«Этой мысли в том, что я пишу, пресса тоже до сих пор не замечала», — с грустью замечает Солженицын. — Ведь я именно поэтому сказал, что наш океан — это не Индийский океан, а Северный Ледовитый, потому что все народы, стремящиеся отделиться от России, должны иметь на это свободное право».

Все это было сказано в таком порыве убеждения, когда человек всю душу вкладывает в свои слова.

Закончил свою речь Солженицын ответами на вопросы; рассказывал о «Континенте», недавно появившемся журнале (пока только в русской и немецкой языковых версиях), в редакцию которого он не входит, но с линией журнала солидарен. В связи с этим дал резкий ответ на открытое письмо Гюнтера Грасса, напоминая о том, что левые силы, которые сегодня упрекают журнал в том, что он воспользовался помощью издательства Шпрингера — как все эти левые силы всего земного шара в течение многих лет приглашали в гости, угощали и сами навещали «наших палачей». Говоря о палачах, Солженицын упомянул Катынь, Варшаву, Будапешт и Прагу.

*

После этого многочасовой речи мы, я и Гедройц, могли переговорить с Солженицыным с глазу на глаз. И что нас поразило, так это болезненная судорога его голоса, когда он говорил о Варшаве. Ведь в 44-м он еще был на западном фронте, его еще не арестовали.

«Красная Армия не могла вам помочь? Какой бред! Артиллерия молчала, а они в бинокли наблюдали, как гибнет Варшава!»

Чувствовалось, что это воспоминание до сих пор занозой сидит в сердце Солженицына, потому что он действительно понимает родину в категориях коллективной ответственности.

*

Я хотел бы к этому отчету, составленному из записанных по горячим следам заметок, добавить несколько слов, процитировав самого себя. В 1948 году во вступительном слове к своей книге «На бесчеловечной земле» я написал, сколь многим я обязан России, русской литературе и своим русским друзьям, добавив, что несмотря на это «в ходе работы над этой книгой не ослабевало во мне, а усиливалось осознание трагического противостояния Польши и России, наших концепций, наших исторических путей. Усиливалось чувство, что Польша находится в смертельной опасности».

«В моем, в нашем отношении к России (я могу сказать в «нашем», поскольку линия «Культуры» изначально была одна и та же) существенно то, что так же как 27 лет назад, так и теперь мы верим, что угроза может и должна исчезнуть, когда там, в России, у нас будет, как говорил Норвид, собственная партия, то есть настоящие союзники и друзья, когда мы не только освободимся от советского гнета, но когда и Россия, и мы, поляки, преодолеем собственный национальный шовинизм и вечное искушение империализма. Эта открытая, полная надежды по отношению к будущему позиция была и есть позицией «Культуры». Солженицын — это наша надежда на общую борьбу за одну цель: за свободу народов Востока Европы».

«Культура», № 12/327, 1974

Каждый, кто хоть в самых благородных целях предал свой разум, не присовокупив к нему всего себя — тем самым предаёт

и правду, потому что правда — это не только знание, но жизнь сама.

Норвид

Пресс-конференция в Цюрихе у Солженицына. Гедройц и я среди человек 30-и приглашенных журналистов мирового уровня. Резкий свет телевизионных ламп, бьющий хозяина по глазам, магнитофоны журналистов, переводчицы, которые вполголоса будут переводить слова Солженицына.

Первое впечатление — огромная, мощная фигура Солженицына. Насколько же моложе он выглядит, чем на всем известных фотокарточках; он стоит, опершись о высокую, ошетилившуюся микрофонами кафедру и медленно говорит четыре часа кряду (под рукой у него несколько исписанных страниц) громким, ни на минуту не ослабевающим голосом. Столпившиеся, опутанные телевизионными кабелями журналисты среди ослепляющих ламп — все это в двух небольших комнатах. Мы сидим увлеченные содержанием и уровнем этой речи, но еще больше — самой позицией оратора, бьющей от него двузначной, но не притворной силой убеждения.

Почему этот цюрихский вечер я считаю одним из самых значительных впечатлений моей жизни? Я не ищу и, честно говоря, не переношу шумных сборищ, которые так же легко могут заразить слушателя стадным восторгом, как и развеять и угасить то, что существенно. После прочтения его книг — от «Одного дня Ивана Денисовича», от «Ракового корпуса» и «В круге первом» до «Архипелага Гулаг» — у меня не было потребности видеть автора, чтобы понять, кто он такой, и от всего сердца отдать ему должное, но эта встреча, эта возможность посмотреть друг другу в глаза добавила тот единственный в своем роде человеческий акцент, который ничто не заменит.

Солженицын, до этого так избегающий толпы напирающих на него журналистов и репортеров, собрал нас всех, чтобы сообщить, что днем раньше (14 ноября) в Москве состоялась параллельная пресс-конференция, которую провели его друзья в связи с выходом в свет в той же Москве новой, тайной самиздатовской публикации — сборника эссе, «какого у нас в России не было за последние 50 лет». Из этих эссе три написал он сам, остальные — его ближайшие соратники: мировой славы математик Шафаревич, историк Борисов, кибернетик Агурский, Баранов, Гордонов и еще двое, чьих фамилий он предпочел не называть. Эта книга, готовившаяся в течение

шести лет, касается наиболее насущных проблем настоящего — это своеобразный символ веры определенной части угнетаемой российской интеллигенции. Озаглавлена она «Из под глыб».

О книге он рассказывал не только как человек, который должен передать информацию, но всем своим существом — страстно и искренне.

«Вы не знаете, вы представить себе не можете, как разбредаются мысли, когда нет возможности диалога, когда нельзя вместе подумать, высказаться».

Вся его речь подчеркивала связь писателя со своими друзьями, которые там, в России, выдали эту книгу, имеющую для него исключительное значение. Во имя этого в России все ее авторы и издатели рискуют быть арестованными и сосланными, понимая, что им грозит.

Большая часть доклада Солженицына была посвящена содержанию отдельных эссе и оценке людей, принимавших участие в этой совместной работе. Книга вскоре должна выйти на русском языке в издательстве «YMCA Press» в Париже и во французском переводе в издательстве «Seuil».

Я не буду здесь кратко передавать содержание этого огромного доклада, хочу, однако, представить несколько основных направлений сборника, сохранив ту структуру и иерархию важности отдельных вопросов, которую предложил докладчик. Основной упор был сделан прежде всего на христианскую, религиозную в самом широком понимании этого слова сторону вопроса, на религию как источник силы, готовность полностью посвятить себя делу, готовность к лишениям, жертвам, включая смерть. Эти великие слова, звучащие так часто и уже истершиеся от повторений, в его устах прозвучали так, словно были произнесены впервые, со всей силой полного переживания.

По мнению Солженицына, именно это религиозное течение, которое с новой силой только пробуждается в России, во всем мире ослабло, исчезло в современных цивилизациях, отсюда их хрупкость и бессилие.

Говоря о советском строе, Солженицын добавляет, что не хочет заниматься политикой, не призывает к еще одной революции, потому что верит, что правда может быть грознее пулеметов, достаточно чтобы ни один из подчиненных советской власти граждан не врал, не выражал своей солидарности с ней ни поклоном, ни даже улыбкой, чтобы эта власть обратилась в

прах. Он с грустью добавил, что эту его мысль, столько раз озвученную, написанную, западные журналисты даже не заметили.

Слушая эти слова веры и готовности к огромным жертвам во имя великого общего дела, я не мог не вспомнить о другом известном каждому поляку тексте.

«Каждый из вас в душе носит зерно будущих законов и меру будущих границ. И если расширить и улучшить души ваши...»
[2]

Тот же самый моральный, безапелляционный императив, тот же акт веры, но здесь — в устах Солженицына — он одним отличался принципиально: в нем полностью отсутствовали иллюзии мессианизма, и возможно, именно в этом — вся суть его высказывания. Это была жесткая речь. Он требует от русского народа — а за ним и от каждого народа — самоограничения, требует признать свои прошлые вины и отказаться от всего, что его родина отобрала у других, от всего, чем она сама не является.

Когда Солженицын говорил об этом с заразной магией собственной веры, я, признаюсь, слушал его с волнением, но и с опаской. В моей памяти мелькнул юный Саня из книги Солженицына «Август Четырнадцатого», притаившийся в парке Ясной Поляны, куда он пришел, чтобы от великого старца получить ответ на вопрос: «Как жить?». Хмурый старик ответил: «Служить добру и тем самым создавать Царство Божье на земле, никто ничего лучшего не придумал, любовью и только любовью». А Саня на это, хоть и с дрожью в голосе: «А что, если любовь не так сильна, не так обязательна во всех, и не возьмет верха? Если она не победит, ведь тогда ваше учение, Лев Николаевич, окажется... бесплодным?»

Следует основательно обдумать вопрос, что общего у Солженицына с Толстым, а в чем они расходятся. Толстой, этот король Лир, сбежавший из Ясной Поляны и умерший на маленькой провинциальной станции, глубочайшим образом русских, и не только русских, перепахал. У него были тысячи последователей, непротивленцев, для которых важнее всего была заповедь «Не убий». Сколько же их сидело по царским тюрьмам! Но спасла ли отчизну эта горсточка чистых?

И вот тут, мне кажется, между Толстым и Солженицыным нет согласия: Солженицын, как человек борьбы, представляется мне бесконечно менее догматичным и более гибким, чем Толстой — старец, объявивший непротивление злу

практически единственным путем. Солженицын понимает, глубже чувствует ту сеть противоречий, в которой барахтается человек, те разные слои исторического сознания и необходимости, в которых человеку — если он хочет жить в обществе — приходится существовать.

Как я уже писал, Солженицын в своей речи постоянно возвращался к тому, что он не призывает к новой революции, к еще одной революции, что цель его доклада не политическая, а моральная, что суть прежде всего в том, чтобы возвыситься, вырасти — в победе над собой, но не только отдельно взятого человека, а целых народов, — без этого ничего сделать нельзя. Но результаты этой речи не могут не быть политическими. Верит ли Солженицын в то, что стены Иерихона падут от одних лишь «трубных гласов» и «воинственных кличей»? Отношение Солженицына к коммунизму предельно ясно: он, словно старую ветошь, отбрасывает его прочь, считая эту теорию, эту идеологию в Советском Союзе на сегодняшний день уже мертвой. Классовая борьба уже никого не вдохновляет, слишком много крови было пролито.

Сталинизм? Это слово он перечеркивает с презрением — оно ничего не значит, это лишь ширма, которой люди прикрывают уже мертвую идею. И добавляет: «Я сам попал за решетку, утверждая, что Сталин искажил идеи Ленина, что Ленин был хороший, а Сталин плохой. Я ошибался — Сталин прилежно продолжал ленинскую линию. Сегодня мы уже слышим, что и Ленин нехороший, потому что фальсифицировал идеи Маркса; может быть на Западе Маркс все еще является движущей силой для тех или иных начинаний, но в России, в стране Советов, благодаря власти этих советов, в течение ста лет имени Маркса даже упомянуть будет нельзя».

Пересказывая содержание одного из эссе подготовленного в Москве сборника, оратор подчеркивает, что критика эта касается всего социализма, от самых его основ, от Платона до Маркса, его мифологии, его устаревшей идеологии, ставшей сегодня настолько многозначной, что напоминает мешок, в который каждый может засунуть все, что пожелает.

Основным вопросом этой речи была проблема национализма. Я знаю, — говорил писатель, — что на Западе эта проблема тоже принадлежит к болезненным, но это мелочь по сравнению с воспалительным процессом, которым охвачены национальные вопросы в Советском Союзе. Проблема национализма стоит сегодня в России на острие ножа, достаточно одной искры, чтобы советский мир погрузился в огонь и хаос.

Как русские должны себя вести в этой ситуации? Прежде всего категорически отказаться от классического советского метода, то есть от разжигания в многонациональном государстве национализмов малых народов, чтобы — после того как к власти придут коммунисты — со всей жестокостью и решительностью уничтожать эти национальные устремления, прибирая к рукам появившиеся новые государственные структуры.

Следует увидеть, что национальные идеи вовсе не «преодолены», наоборот, никогда еще они не были так жизнеспособны. Увидеть это и принять всю ответственность за свое национальное прошлое и свои национальные преступления. Следует ограничить собственные национальные амбиции, и если речь идет о России, следует быть готовыми отказаться от всех территорий, население которых хочет отделиться, стремясь к собственной национальной независимости.

«Этой мысли в том, что я пишу, пресса тоже до сих пор не замечала», — с грустью замечает Солженицын. — Ведь я именно поэтому сказал, что наш океан — это не Индийский океан, а Северный Ледовитый, потому что все народы, стремящиеся отделиться от России, должны иметь на это свободное право».

Все это было сказано в таком порыве убеждения, когда человек всю душу вкладывает в свои слова.

Закончил свою речь Солженицын ответами на вопросы; рассказывал о «Континенте», недавно появившемся журнале (пока только в русской и немецкой языковых версиях), в редакцию которого он не входит, но с линией журнала солидарен. В связи с этим дал резкий ответ на открытое письмо Гюнтера Грасса, напоминая о том, что левые силы, которые сегодня упрекают журнал в том, что он воспользовался помощью издательства Шпрингера — как все эти левые силы всего земного шара в течение многих лет приглашали в гости, угощали и сами навещали «наших палачей». Говоря о палачах, Солженицын упомянул Катынь, Варшаву, Будапешт и Прагу.

*

После этого многочасовой речи мы, я и Гедройц, могли переговорить с Солженицыным с глазу на глаз. И что нас поразило, так это болезненная судорога его голоса, когда он говорил о Варшаве. Ведь в 44-м он еще был на западном фронте, его еще не арестовали.

«Красная Армия не могла вам помочь? Какой бред! Артиллерия молчала, а они в бинокли наблюдали, как гибнет Варшава!»

Чувствовалось, что это воспоминание до сих пор занозой сидит в сердце Солженицына, потому что он действительно понимает родину в категориях коллективной ответственности.

*

Я хотел бы к этому отчету, составленному из записанных по горячим следам заметок, добавить несколько слов, процитировав самого себя. В 1948 году во вступительном слове к своей книге «На бесчеловечной земле» я написал, сколь многим я обязан России, русской литературе и своим русским друзьям, добавив, что несмотря на это «в ходе работы над этой книгой не ослабевало во мне, а усиливалось осознание трагического противостояния Польши и России, наших концепций, наших исторических путей. Усиливалось чувство, что Польша находится в смертельной опасности».

«В моем, в нашем отношении к России (я могу сказать в «нашем», поскольку линия «Культуры» изначально была одна и та же) существенно то, что так же как 27 лет назад, так и теперь мы верим, что угроза может и должна исчезнуть, когда там, в России, у нас будет, как говорил Норвид, собственная партия, то есть настоящие союзники и друзья, когда мы не только освободимся от советского гнета, но когда и Россия, и мы, поляки, преодолеем собственный национальный шовинизм и вечное искушение империализма. Эта открытая, полная надежды по отношению к будущему позиция была и есть позицией «Культуры». Солженицын — это наша надежда на общую борьбу за одну цель: за свободу народов Востока Европы».

«Культура», № 12/327, 1974

Цитата из мессианского манифеста Адама Мицкевича «Книги народа польского и польского пилигримства». Прим. пер.

1. Цитата из мессианского манифеста Адама Мицкевича «Книги народа польского и польского пилигримства». Прим. пер.
- 2.

УГРОЗА НАЦИОНАЛИЗМОВ

Большой друг России талантливый польский художник Иосиф Георгиевич Чапский является еще и известным общественным деятелем, писателем, публицистом и журналистом. В 1948 году он был одним из основателей издающегося в Париже польского эмигрантского общественного, политического и литературного журнала «Культура».

— Иосиф Георгиевич, как сделать так, чтобы национализм, т.е. естественное чувство своей принадлежности к определенному народу и, с этой точки зрения, чувство положительное, не вырождался в чувство ненависти к другим народам и тем самым не становился бы одним из отрицательнейших явлений нашего времени?

— Чтобы ответить на ваш вопрос, я хотел бы прежде попробовать определить, как звучит для меня слово национализм. В моей молодости «естественное чувство принадлежности и любви к своему народу», как вы говорите, называлось патриотизмом. В самом же слове национализм звучала и до сих пор звучит для меня черта агрессивная по отношению к другим, чем моя, нациям и народам. Но сегодня само слово патриотизм звучит устарело, и везде употребляется лишь слово — национализм, вмещающее в себе и гордую воинственную по отношению к другим странам агрессивность, и просто любовь к родине.

Ведь мы живем в эпоху, где крайний национализм имеет страстных сторонников чуть ли не на всем земном шаре, и что особенно интересно, в странах управляемых коммунизмом, который ведь родился под знаком интернационала — национализм представляет там грозную для коммунизма и все возрастающую опасность.

— С вами трудно не согласиться. Но не думаете ли вы, что тот национализм, который вас так отталкивает — и который я, конечно, не имел в виду — порождение русского коммунизма и немецкого национал-социализма? Ведь это они до предела обострили вражду народов, сделали неизбежным столкновение национальностей.

— Я с вами не совсем согласен. Ведь национализм существовал много раньше. Можно было бы привести тысячи примеров: великий Бисмарк писал, что во имя Германии необходимо

истребить (ausrotten) поляков, как кроликов. В части же Польши, находившейся под русским владычеством, до 1905 года борьба за польскую школу считалась государственным преступлением, тогда как сто лет назад на Украине министр Валуев издал указ, запрещающий издание книг на украинском языке.

Француз же Шарль Моррас создал целую теорию о национализме, имевшую большое влияние до гитлеризма и большевизма, и не только в одной Франции.

— Не считаете ли вы, что безбожный, атеистический коммунизм породил все эти отрицательные явления, как своего рода реакцию на безбожие? Люди стали искать абсолютное там, где этого абсолютного нет.

— Хотел бы я с вами согласиться, но ведь в Ирландии, в Ливане, где люди, подчеркивающие свою религиозную принадлежность — католики и лютеране в Ирландии, христиане и магометане в Ливане — живут уже сколько лет среди диких взаимных погромов и убийств. Они также стали искать абсолютное — и какими методами! — там, где абсолютного нет.

Если теперь говорить об отношениях между народами Советского Союза, то коммунизм действительно своими бесчеловечными преследованиями с настоящими пытками, с уничтожением целых народов (напр., крымских татар) или целых слоев населения (напр., украинских крестьян), настолько обострил центробежные силы, стремящихся к национальной независимости и поработенных Москвой народов, что уже до последнего предела ожесточил и укрепил все националистические движения. Таким образом, обостренный национализм этих народов включил в себя и их стремление к свободе и их борьбу за свою душу, но одновременно повлек за собой, увы! — жажду мести и ненависть к поработителю.

Тут дело зашло так далеко, как напр. на Украине или в Прибалтике — что ни о каком возвращении назад, в обозримом будущем во всяком случае не может быть речи. Здесь может быть лишь один выход: создание на совершенно новых началах совершенно новых отношений, для обогащающего всех нового сожительства свободных народов.

— Каково в этом отношении положение в современной Польше? Делают ли там различие между «советскими» и «русскими»?

— Основываясь на многочисленных встречах с поляками из Польши, мне кажется, что происходит отождествление там «советских людей» с «русскими», увы, различий почти не делается. Для Польши очаг коммунизма — Россия. Это из России он обрушился на нас. Коммунизм еще больше разжег старую «семейную вражду».

Все же надо сказать, что не только мы, здесь в эмиграции, но и поляки в Польше, благодаря, между прочим, волне новой русской эмиграции и прежде всего книгам Солженицына, которые, несмотря на цензуру, проникают в Польшу, начинают распознавать и другой облик современной России, России ГУЛАГа, России борьбы с советской властью, нашей общей борьбы. Здесь в эмиграции и там в самой Польше существуют настоящие друзья России, борющиеся с этим ложным отождествлением советского и русского.

Журнал «Культура», в котором я сотрудничаю с момента его возникновения, вот уже скоро тридцать лет, с самого начала поставил своей задачей преодоление этой вековой польско-русской вражды, вражды с Россией, с которой нас так много разделяет, но и так много связывает и роднит.

Сегодня развязка этой вековой распри неразрывно связана с ясным и недвусмысленным признанием прав всех народов Советского Союза на полное и безоговорочное самоопределение, народов, входивших в царскую Россию, а в свое время в Польскую Речь Посполитую.

«Русская Мысль» № 3107, 10 июня 1976

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «В результате второго тура президентских выборов за Анджея Дуду проголосовали 51,55% активных избирателей (8 360 627 голосов), а за Бронислава Коморовского — 48,45% (8 112 311). Недействительных бюллетеней оказалось 1,47% (250 231). Явка избирателей составила 55,34%. Президент Бронислав Коморовский будет исполнять свои обязанности еще два с лишним месяца. 6 августа к президентской присяге будет приведен Анджей Дуда». (по материалам «Газеты выборчей» и «Жечипосполитой» от 26 мая)

• Новый президент Анджей Дуда: «рост 187 см, вес около 85 кг, возраст — 43 года, родился 16 мая 1972 г. в Кракове, женат на Агате Корнхаузер, имеет дочь Кингу. (...) В 1996 г. получил специальность юриста, закончив факультет права и управления Ягеллонского университета в Кракове. В январе 2005 г. получил степень кандидата юридических наук. В 2006–07 гг. — заместитель госсекретаря в Министерстве юстиции, с 2007 по 2010 гг. — статс-секретарь в канцелярии президента Леха Качинского. Бывший член Государственного трибунала, депутат Сейма 7-го созыва, депутат Европарламента 8-го созыва». («Польска», 22–24 мая)

• В Европейском парламенте «Дуда вместе с 17-ю другими евродепутатами от «Права и справедливости» принадлежал к фракции консервативных реформаторов, вторым крылом которой являются британские тори. В эту фракцию также входит «Альтернатива для Германии», популистская группировка, находящаяся в оппозиции политике Ангелы Меркель». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 26 мая)

• «Новоизбранный президент уже пообещал в своем Твиттере: “Находясь на посту президента, я не подпишу ни одного закона, ухудшающего положение животных, и подпишу любой, который будет способствовать его улучшению”». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 26 мая)

• «Молодой, мало кому известный до избирательной кампании юрист из Кракова выигрывает президентские выборы. Пять ближайших лет он будет первым лицом государства. (...) У него нет «своего» премьера. Пока что ему придется как-то

уживаться с другими политическими деятелями. (...) Он становится президентом расколотой Польши. К расколу на западную и восточную Польшу, на Польшу больших городов и Польшу провинциальную добавились новые разъединяющие страну факторы, олицетворением которых в ходе предвыборной кампании стали Павел Кукиз и Януш Корвин-Микке. (...) Бронислав Коморовский уходит со своего поста. Без сомнения, это глубоко порядочный, рассудительный, ответственный человек. Его место займет политик, чья личность пока таит в себе много загадок. Ясно одно — это человек доброй воли, готовый к самоотверженной работе на благо Польши». (Богуслав Храбета, «Жечпосполита», 25 мая)

• «В первом туре президентских выборов победил кандидат от партии «Право и справедливость» Анджей Дуда, набравший 34,76% голосов. За президента Бронислава Коморовского проголосовали 33,77% избирателей. (...) Павла Кукиза поддержали 20,80% поляков, принявших участие в выборах. (...) Явка избирателей составила 48,96% — это самый низкий показатель после 1995 года». (Рената Грохаль, Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 12 мая)

• По мнению бывшего президента Польши Александра Квасневского, «Анджей Дуда является скорее орудием в руках лидера «Прав и справедливости» (Ярослава Качинского — В.К.), нежели самостоятельным политиком. Павел Кукиз — самородок, наподобие Анджея Леппера. Он продемонстрировал свои коммуникативные способности, естественность, искренность и открытость (Кукиз с самого начала заявлял, что хотел бы разрушить существующую в Польше систему — В.К.). Представители антисистемного лагеря, которым удастся попасть в парламент, как правило, либо довольно быстро становятся частью системы, либо выбывают из игры на следующих выборах. Не думаю, что такие люди представляют угрозу для демократии — это, скорее, что-то вроде предохранителя». («Ньюсуик Польска», 11, 17 мая)

• «Реформаторские идеи, высказанные Павлом Кукизом, в частности введение одномандатных избирательных округов, выглядят весьма наивно, поскольку это лишь укрепит доминирование крупнейших политических партий. В свою очередь, перемены, предлагаемые Анджеем Дудой, станут для Польши ощутимым и болезненным шагом назад — здесь и отказ от пенсионной реформы, и введение тюремного срока за совершение процедуры искусственного оплодотворения, и запрет на обучение в школах детей младше семи лет, и дальнейшее функционирование нерентабельных угольных

шахт... (...) Однако своими лозунгами Дуде удалось соблазнить поляков», — Януш Левандовский, депутат Европарламента от партии «Гражданская платформа». («Газета wyborcza», 12 мая)

- «Обещания, выполнение которых никак не связано с реальными полномочиями президента, а обусловлено исключительно победой на выборах в Сейм и Сенат, просто высосаны из пальца. (...) Но эти обещания артикулируются, а электорат слушает и всерьез верит, что Павел Кукиз, к примеру, самостоятельно создаст в Польше одномандатные избирательные округа, Януш Корвин-Микке вернет смертную казнь, а Януш Паликот легализует марихуану». (Богуслав Храбета, «Жечпосполита», 11 мая)

- «Польшу ждут тяжелые времена. В поисках поддержки со стороны антисистемного электората системные партии (к которым уже можно смело отнести «Право и справедливость») станут подрывать доверие к системе и самим себе, терять всякое достоинство, лишая польскую политическую жизнь остатков серьезности и здравого смысла», — Людвик Дорн, независимый депутат, бывший вице-премьер, экс-министр внутренних дел. («Газета wyborcza», 13 мая)

- «Не стану комментировать политическую агрессию, которую демонстрировали сотрудники избирательного штаба г-на Дуды и сам г-н Дуда. Но что на самом деле было отвратительно, так это вооруженные отряды спецназа, направленные в те города, где были запланированы встречи президента Коморовского с населением. Это уже не лезло ни в какие ворота. (...) Складывалось впечатление, что во всех этих местностях у действующего президента сплошные враги», — проф. Януш Чапинский. («Польска», 11 мая)

- «По мнению полиции и Государственной избирательной комиссии выборы прошли без каких-либо серьезных инцидентов. Установлено, что несколько членов избирательных комиссий работали в состоянии алкогольного опьянения — «рекордсменом» стал сотрудник избиркома в Сулехуве (Любуское воеводство), в организме которого было зафиксировано 2,7 промилле алкоголя». (Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 11 мая)

- «В обстановке приближающихся выборов архиепископ Станислав Гондецкий, митрополит Познанский и глава Епископата Польши, в своей проповеди в Ясной Горе во время торжеств в честь Богоматери — Царицы Польши (...) заявил, что недостаточно просто голосовать — нужно голосовать правильно. Верующие должны отдать свои голоса тем, чьи

взгляды и убеждения им больше всего близки, и уж во всяком случае не противоречат католической вере, а также католическим ценностям и моральным принципам, заявил архиепископ». (Дорота Стейнхаген, «Газета выбора», 4 мая)

• «За несколько дней до голосования главные конкуренты начали напрямую атаковать друг друга. Избирательный штаб президента обвинил Анджея Дуду в поддержке законопроекта, предусматривающего наказание в виде двух лет тюрьмы за осуществление искусственного оплодотворения. В свою очередь, штаб «Права и справедливости» подготовил видеоролик, утверждающий, что президент Коморовский поддерживает приватизацию лесных угодий. Такая стратегия отнюдь не случайна — опросы показывают, что поляки поддерживают применение процедуры искусственного оплодотворения и не одобряют идеи приватизации лесов». («Жечпосполита», 7 мая)

• «Ход нынешней предвыборной кампании приводит к довольно печальным выводам. (...) Польша и ее государственность подверглись беспорядочной, истеричной и часто несправедливой критике. Мы также слышали немало заклинаний политического характера, в которых якобы содержались рекомендации по оздоровлению нашего политического климата и государственных структур. Но Польшу невозможно изменить при помощи одномандатных избирательных округов, победы на многомиллионных обязательных референдумах и всеобщего доступа к оружию. Улучшение ситуации в стране зависит не только от широкого спектра блестящих идей, но в первую очередь от присущей польскому парламентаризму разумной политической воли. Не президент должен изменить Польшу, а наши совместные гражданские усилия». (Богуслав Хработа, «Жечпосполита», 8 мая)

• «С каждым новым президентским сроком поляки, чей избирательский стаж уже измеряется годами, приобретают очередной опыт, связанный с тем, как работает тот или иной глава государства. Время идет, и становится все более очевидно, что хороших лет у нас было больше, чем плохих. А это значит, что выбор поляков, как правило, оказывался вполне рациональным». (Янина Парадовская, «Политика», 6-12 мая)

• «Даже в меру сообразительный человек легко может заметить, что кандидаты в президенты Польши говорят не слишком разумные вещи. Но поскольку в игру вовлечены широкие народные массы, можно болтать все, что угодно. Даже заявления, которые в нормальной ситуации были бы

квалифицированы как государственная измена либо разжигание национальной и расовой ненависти, не вызывают особого резонанса. Выборы — это ведь праздник, общенациональное развлечение, в котором мыслящие люди, коих у нас немало, предпочитают не участвовать, зато с удовольствием участвует толпа, у которой своей точки зрения нет по определению. Открытым остается лишь вопрос: как в такой ситуации сделать правильный выбор?», — проф. Мартин Круль. («Дзенник газета правна», 6 мая)

• «Нет никакого сюрприза в том, что во время президентской предвыборной кампании существенно вырос рейтинг как «Гражданской платформы», так и, с незначительным отставанием, «Права и справедливости». (...) Такая тенденция наглядно демонстрирует, что только конфликт этих двух политических группировок по-настоящему важен для польской политической жизни, а все остальное не имеет никакого значения, пусть это и не совсем правильно. Это фундаментальный конфликт, конфликт культур, и не столько между Коморовским и его соперником Дудой, или даже «Гражданской платформой» и «Правом и справедливостью». Это столкновение между двумя большими общественными группами, интересы которых именно в данный момент представляют две главные политические партии, хотя через какое-то время на их месте могут оказаться совершенно другие политические группировки, поскольку речь здесь идет о мировоззрении, а не о партийной символике. Это две Польши, и сейчас им уже не договориться друг с другом, поскольку дело зашло слишком далеко, и находиться у руля может только одна из них. (...) Этот цивилизационный конфликт, корни которого уходят далеко в прошлое, гораздо шире партийной принадлежности и личной неприязни. И президентские выборы стали его очередным эпизодом. Следующий ждет нас в октябре». (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 6-12 мая)

• В годовщину Конституции 3 мая Бронислав Коморовский произнес речь на варшавской Замковой площади. Президент заявил, что годовщина польского основного закона — это не только праздник первой европейской конституции, но и своего рода предостережение для всех нас. Как известно, в конце XVIII века полякам не удалось защитить ни своей конституции, ни своей государственности. «Отсутствие сильной армии, а также поощряемая Россией предательская политика отдельных кругов, прикрывавшаяся лозунгами защиты традиций и свободы, отбросила тогдашнюю Польшу на обочину цивилизации, в сторону от западных ценностей», — напомнил

президент. По его мнению, это произошло по причине постоянных внутренних конфликтов, бесконечных и бесплодных дискуссий, отсутствия общественного согласия, а также вследствие эгоизма различных социальных групп и отдельных личностей. (...) Бронислав Коморовский также подчеркнул, что впервые за много лет война находится в непосредственной близости от наших границ. “Уже совсем скоро, 9 мая, Красная площадь в Москве снова станет «бронетанковой площадью». Снова продемонстрируют на ней свою мощь дивизии, которые недавно на глазах всего мира осуществили агрессию на территории соседней Украины”, — заявил президент. — Не будем же забывать, что эта милитаристская демонстрация, которая состоится через несколько дней, эта демонстрация силы, не вызывает к историческому прошлому, но напрямую апеллирует к настоящему и будущему”. (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 4 мая)

• «“Сегодня мы оказались перед лицом той же угрозы, что и накануне Второй мировой войны”, — заявила вчера в Гданьске президент Литвы Даля Грибаускайте. Кроме нее в памятных мероприятиях приняли участие президенты восьми стран Центральной и Восточной Европы. (...) Президент Польши и лидеры других стран, прибывшие на Вестерплатте, впервые отмечали окончание Второй мировой войны там, где 1 сентября 1939 года она началась. (...) В итоге в Гданьск прибыли президенты Болгарии, Хорватии, Кипра, Эстонии, Литвы, Чехии, Румынии и Украины, премьер Словакии, главы парламентов Дании, Латвии и Испании, а также вице-спикер парламента Венгрии. (...) Также присутствовали генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун и председатель Европейского совета Дональд Туск. (...) Особых оваций удостоился президент Украины Петр Порошенко». (Павел Вронский, Мацей Седлецкий, «Газета wyborcza», 8 мая)

• «Президенты Венгрии и Польши, Янош Адер и Бронислав Коморовский, открыли в Катовице монумент в честь Генрика Славика и Йожефа Анталла. Совместная деятельность героев началась в октябре 1939 года. Анталл был в то время сотрудником венгерского Министерства внутренних дел, а Славик — председателем Комитета по делам попечительства над польскими беженцами в Венгрии. Вместе они оказывали помощь интернированным полякам, вместе спасали еврейских детей (Славика и Анталлу удалось спасти от смерти более 5 тыс. евреев — В.К.). (...) После того, как в 1944 г. они оба были арестованы гестапо, Славик взял всю вину на себя (...) и погиб в лагере Маутхаузен. Анталл пережил войну. Его сын, которого

тоже звали Йожеф, стал первым премьер-министром демократической Венгрии». («Польска збройна», май 2015)

- «Министерство национальной обороны проводит верификацию нормативно-правовых актов, применяемых во время угрозы безопасности страны. (...) Вице-премьер Томаш Семоняк поручил осуществить проверку всех воинских правил и инструкций, действующих в случае всеобщей мобилизации. (...) Ведомством подготовлен проект распоряжения о приведении страны в боевую готовность на случай обороны. (...) Подготовлен перечень объектов движимого имущества, необходимых вооруженным силам в случае войны. Ситуация настолько серьезна, что президент Бронислав Коморовский в новой редакции закона о всеобщей воинской обязанности конкретизировал понятие «военного времени», предусмотрев также новый порядок действий на этот период». (Артур Радван, «Дзенник газета правна», 16 апр.)

- «Воинские части на востоке и северо-востоке страны будут усилены за счет личного состава и современного снаряжения, пообещал государственный секретарь оборонного ведомства Чеслав Мрочек во время заседания парламентской Комиссии национальной обороны. (...) К 2017 году в этих частях будут проходить службу на 7 тыс. военных больше, чем в настоящее время». («Польска збройна», май 2015)

- «Первые учения с участием созданной в Люблине польско-литовско-украинской бригады состоятся уже в этом году», — заявил министр национальной обороны Томаш Семоняк. («Польска збройна», май 2015)

- «Почти 2 тыс. военнослужащих НАТО и сотни единиц тяжелого вооружения за несколько десятков часов будут переброшены на польский полигон». «В июне на полигоне в Жагане (Любуское воеводство) впервые в Польше пройдут учения “сил очень высокой степени готовности” НАТО. (...) Появление таких подразделений — это ответ НАТО на агрессивную политику России, в том числе на оккупацию Крыма». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 21 апр.)

- «Правительство выбрало поставщика для национальной системы ПРО — им станет компания «Raytheon», производитель зенитно-ракетных комплексов «Патриот». (...) Решение было принято в рекордно короткие сроки. Как признался во вторник президент Бронислав Коморовский, это было связано с тем, что “нам приходится обеспечивать безопасность страны в исключительно опасном мире”. (...) Правительство также решило допустить к тестированию

французские вертолеты «Caracal» производства компании «Airbus Helicopters». Планируется закупить полсотни таких вертолетов». (Енджей Белецкий, Марек Козубаль, «Жечпосполита», 22 апр.)

- «По сообщению дипломатических источников, если бы Франция не отказалась продавать России десантные корабли-вертолетоносцы типа «Мистраль» (стоимость контракта составляла 1,2 млрд евро), Польше было бы сложнее купить у французов вертолеты «Caracal», стоимость контракта по которым равнялась 2,5 млрд евро». («Жечпосполита», 29 апр.)

- «Фирма Петра Войцеховского «WB Electronics» снабжает военной электроникой армии США, Индии, Ирака... Она также производит системы связи для сухопутных войск, компьютеры для артиллерии и дроны, то есть беспилотные летательные аппараты. (...) Разрабатываемые в Ожарове технологии закупают армии Швеции, Венесуэлы и США. Сегодня Войцеховский конкурирует с Израилем и Соединенными Штатами в производстве беспилотных летательных аппаратов. (...) В прошлом году доходы фирмы составили 280 млн злотых. Почти половина этой суммы — доходы от экспорта». (Шимон Кравец, «Впрост», 27 апр. – 3 мая)

- «Мы хотим одного — чтобы Россия не нарушала нормы международного права. Мы не хотим, чтобы она расталкивала всех локтями и создавала сферы влияния. Наша страна напрямую заинтересована в том, чтобы Россия вновь стала на путь нормализации. Такая Россия не будет источником дестабилизации для всей Восточной Европы. Мы выступаем за построение позитивных взаимоотношений с Россией, но не ценой нашего согласия на нарушение норм международного права на Украине. (...) Мы готовы сотрудничать, но мы не намерены отдавать в жертву этому сотрудничеству фундаментальные принципы международного права», — Бронислав Коморовский, президент Польши. («Дзенник газета правна», 27 апр.)

- «Как следует из отчета Агентства внутренней безопасности (АВБ), в 2014 г. активность российской разведки в отношении Польши сохранялась на довольно высоком уровне. (...) Речь главным образом шла о дискредитации позиции Польши и других членов НАТО относительно украинского конфликта. В 2014 г. АВБ проводило подготовительные следственные мероприятия по пяти делам, касающихся шпионажа, а также возбудило четыре расследования». («Жечпосполита», 30 апр. – 1 мая)

- «Пограничная служба не пропустила на территорию Польши мотоциклистов из пропутинской банды «Ночные волки». Они были задержаны на границе и отправлены обратно». (Агнешка Калиновская, Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 28 апр.)

- «Несмотря на то, что отношения России с Польшей и Германией как «плохие» либо «очень плохие» оценивают соответственно 67% и 52% россиян, настоящую угрозу они видят в США: две трети опрошенных заявляют, что они боятся Америки. По-другому оценивают проблемы безопасности поляки: 78% респондентов считают, что Россия представляет для Польши военную угрозу. Немцы боятся России меньше: в существовании российской угрозы убеждены 41% участников опроса. (...) Мы солидарны в том, что Украине необходимо оказывать экономическую помощь. Таких действий от правительства ждут 56% поляков. А вот идею военной помощи не поддерживают ни поляки, ни немцы. Немцы в этом смысле высказываются более решительно — против военной помощи Украине выступают 82%. Поляки менее радикальны: 56% также высказываются против, зато каждый четвертый поддерживает оказание украинцам военной поддержки». (Ягенка Вильчак по материалам отчета Института общественных отношений и Фонда Бертельсмана «Далекие или близкие? Поляки, немцы и русские о российско-украинском конфликте», «Политика», 15–21 апр.)

- «Канцлер Ангела Меркель вместе с членами немецкого правительства в понедельник прибудет в Варшаву на 13-е международные консультации. (...) Весь день они посвятят беседам с польскими коллегами, а также пленарным выступлениям. (...) Столь интенсивные правительственные консультации Германия обычно проводит только с Францией, своим самым близким союзником в Европе. Между официальными Берлином и Варшавой нет принципиальных расхождений по самой ключевой политической проблеме, каковой является конфликт на Украине и участие в нем России». (Петр Ендращик, «Жечпосполита», 27 апр.)

- «Умер подвижник идеи польско-немецкого примирения, проф. Владислав Бартошевский (1922–2015). Будучи выпускником школы, он участвовал в обороне Варшавы в 1939 году. В возрасте 18 лет попал в Освенцим. Освободившись из лагеря, участвовал в конспиративной работе, в том числе в деятельности Совета помощи евреям «Жегота». Участник Варшавского восстания 1944 года. После войны поддержал вернувшегося в страну Станислава Миколайчика и вступил в Польскую крестьянскую партию. С 1946 по 1954 гг. находился в

тюремном заключении. С 1963 г. сотрудничал с радио «Свобода», позже вступил в ряды оппозиции, принимая участие в деятельности Общества научных курсов, Летучего университета, самиздата и «Солидарности», а в декабре 1981 г. был интернирован. Маршал-сеньор польского Сената 4-го созыва, министр иностранных дел в 1995 г. и в 2000–01 годах. Удостоен звания Праведника народов мира. Почетный гражданин Израиля, кавалер ордена Белого орла, также награжден Большим крестом ордена «За заслуги перед ФРГ». Преподаватель, профессор, почетный доктор многих польских и зарубежных университетов». (По материалам «Жечипосполитой», «Газеты выборчей» и «Польски», 27–28 апр.)

- «Уходит поколение авторитетов, сформировавшихся в тяжелые для страны времена. Эти редкие образцы людей напоминают драгоценные камни, появляющиеся в условиях очень сильного давления. Да, исходным материалом этой человеческой породы был обычный уголь, но Вторая мировая война, сталинизм, разного рода репрессии превратили их в настоящие алмазы. Благодаря этому фундаментальные ценности оказались для этих людей важнее карьеры, должностей, жизненного комфорта. Именно к таким людям принадлежал профессор Бартошевский...», — проф. Адам Даниель Ротфельд. («Ньюсуик Польска», 4–10 мая)

- И вновь о смоленской катастрофе 2010 года, в которой погибла президентская чета вместе со многими ведущими польскими политиками и военачальниками. «Пилот “Ту-154” не имел права опуститься ниже, чем на 120 метров. Непосредственной причиной катастрофы стали ошибки экипажа. Кроме того, из трех членов экипажа действительный допуск на выполнение полетов на данном самолете в день вылета имелся лишь у бортинженера, у обоих пилотов его не было», — заявили в пятницу на специальной пресс-конференции представители военной прокуратуры. Результатом продолжающегося уже почти пять лет следствия стало также предъявление обвинения двум россиянам, членам группы управления полетами аэродрома, в “неумышленном доведении до катастрофы в воздушном пространстве”». («Тыгодник повшехны», 5 апр.)

- «Политики изменились. Когда наша демократическая эпопея только начиналась, в политике доминировали такие люди, как Веслав Хшановский, Тадеуш Мазовецкий, Яцек Куронь, закаленные в боях с режимом эпохи ПНР. Они вели независимую политическую деятельность, а до 1989 года для

того, чтобы быть беспартийным или выйти из партии, требовалась смелость и стойкость духа, поскольку это серьезно осложняло человеку жизнь. Вот почему политики той эпохи не руководствовались личными интересами и строго придерживались этических норм и принципов. Сегодня же в политике ключевые места начинают занимать люди, выросшие в условиях демократии. А это уже совсем другая и, к сожалению, не самая идеальная школа жизни. Воспитанные в ней политики ни с кем не поддерживают дружеских отношений, постоянно стремятся четко обозначить свою нишу в политическом мейнстриме и хорошо знают, с кем стоит вести разговор, а с кем — нет. Их интересует только их личная карьера. Это уже не быллой образец независимого политика, который был готов взять на себя ответственность за свою независимость. Это новый тип политического деятеля, который нюхом чувствует, откуда ветер дует, и потому постоянно меняет свою позицию в зависимости от политического климата. (...) Для большинства из них политика становится бизнесом, а также трамплином к хлебным и выгодным должностям», — проф. Яцек Курчевский, бывший вице-маршал Сейма. («Жечпосполита», 18-19 апр.)

• «Польша, находясь с 2004 года в составе ЕС, в целом развивается довольно успешно. (...) Но мы так и не приложили усилий, чтобы решить важнейшие проблемы. (...) Блокируется любая попытка сделать более эффективными или просто продолжить реформы государственных финансов, здравоохранения, социального страхования и угольной отрасли. (...) Только чудом предпринятые нами ранее инициативы не оказались свернуты. В лучшем случае нас ожидает застой, ведущий к регрессу. Но чаще оказывается, что следующие поколения делают всё наперекор своим предшественникам, что приводит к разрухе и хаосу. Мне бы хотелось постоянства и преемственности, которые заключаются в том, что новое правительство не уничтожает достижений предыдущего, а развивает их и модифицирует. Если же оно их отрицает, то делает это под диктовку исторической необходимости, а не исходя из соображений политической конъюнктуры. (...) Состояние нашей политической элиты ухудшилось, что неизбежно повлекло за собой ухудшение состояния государственности. (...) В результате сегодня мы имеем дело с системой безответственности, возведенной в государственный ранг. Политическая безответственность, которая выражается в том, что власть предержащие перестают отвечать за свои слова и поступки, порождает безответственность чиновническую. Та, в свою очередь, приводит к гражданской безответственности. А

безответственность граждан является непосредственной причиной безответственности политической. (...) Личные амбиции и партийное кумовство вытеснили из политической действительности ответственность за происходящее в обществе. (...) В любой партии на ключевые посты выбиваются в основном стратеги-манипуляторы», — Ежи Хауснер, бывший вице-премьер, член Совета финансовой политики. («Жечпосполита», 16 апр.)

• «Сознательных граждан — то есть тех, кто разбирается в программах партий, знает их лидеров, различает формы общественного строя, способен выделить важнейшие спорные вопросы в ходе публичных дискуссий — у нас примерно 20%. Следовательно, если на выборы приходит приблизительно 50% избирателей, то это означает, что более половины участников голосования некомпетентны. (...) Средняя посещаемость выборов в Польше после 1989 года оказалась ниже 50%, став самой низкой в Европе. Наши политические партии представляют из себя весьма жалкое зрелище. Они исключительно малочисленны — в общей сложности в них состоит несколько сотен тысяч человек. По сути, это сообщества людей, которые, вместе с членами своих семей, занимают должности в органах власти и управления. У них нет ни программ, ни общественной поддержки. (...) Крупные партии с массовым членством повсюду уходят в прошлое. Но в нашей стране ситуация с ними выглядит так, что хуже некуда. (...) Дело уже дошло до своеобразной приватизации группировок. Сравнительно открытая вербовка новых членов может представлять угрозу для партийных лидеров. (...) Появление в своих рядах потенциальных активистов партии всячески блокируют, а их безнадежно испорченный имидж отпугивает от участия в политике обычных людей. Это самые настоящие корпорации, которые вдобавок, в отличие от корпораций экономических, не заинтересованы в передовых кадрах и качественной продукции, то есть программе. Они больше напоминают олигархические структуры с непрозрачной системой служебного роста. (...) Партии в Польше существуют в условиях исключительно убогой инфраструктуры гражданского общества, (...) самодеятельных инициатив, общественных организаций разной степени надежности. Все показатели принадлежности к каким-либо общественным структурам у нас находятся на катастрофически низком уровне», — проф. Яцек Рациборский, заведующий кафедрой социологии политики института социологии Варшавского университета. («Политика», 15-21 апр.)

• «Какое определение больше всего подходит для описания сегодняшней польской политической системы? (...) Думаю, что самым точным словом будет «кратократия», то есть власть власти. Цель кратократии — постоянно удерживать власть при помощи самовоспроизводства в рамках одной и той же государственной системы. (...) Кратократия по сути своей с идеологической точки зрения нейтральна, ибо ее цементирует не политическая мысль, а чистый прагматизм, связанный с желанием остаться во власти. (...) Она постоянно щеголяет пышным лозунгом о своей мнимой аполитичности либо напрямую нападает на оппозицию, обвиняя ее в том, что та занимается политикой, причем само слово «политика» в устах кратократов носит негативный оттенок. (...) Своей главной целью кратократия считает контроль над политической системой, который призван исключить возможность демократической смены правящих элит. (...) Страной управляет не партия, а ее аппарат, то есть номенклатура». (Кшиштоф Щерский, «Жечпосполита», 23 янв.)

• «Мы находимся в состоянии довольно опасного штопора, когда администрация все меньше доверяет своим гражданам, а те все меньше доверяют ей. (...) Всех граждан не перекупишь, не заставишь, не обольстишь — их нужно всячески склонять к общей ответственности, часто ценой совместного принятия решений. (...) Граждане все успешнее овладевают искусством «ветократии», легко самоорганизуясь вокруг отдельных групп с их эгоистическими устремлениями. Государство все чаще становится объектом претензий, а не лояльности. Ситуация постоянно ухудшается, и мы должны как можно скорее найти новые возможности для диалога и компромисса. Это самый серьезный вызов, который стоит перед нашим обществом, перед всеми нами», — Якуб Выгнанский, участник Круглого стола, основатель Лаборатории исследований и общественных инициатив «Сточня». («Газета wyborча», 20 апр.)

• «По данным последнего отчета Общества антидискриминационного просвещения, в польских школах хуже всего относятся к детям из бедных семей — над ними смеются, не зовут на мероприятия, которые им не по карману. Издеваются и над теми мальчиками, которые по тем или иным причинам не соответствуют распространенному «мачистскому» стереотипу мужского поведения. (...) Изрядно достается также ученикам с ограниченными возможностями, излишним весом, другим цветом кожи, негетеросексуальной ориентацией и нестандартным происхождением. (...) Многие учителя закрывают на это глаза и даже поощряют возмутительное поведение своих подопечных. (...) Согласно

данным, представленным в отчете Института образовательных исследований, каждый десятый ученик оказывается жертвой систематических преследований. (...) Противодействию же дискриминации будущих преподавателей не обучают ни в ВУЗах, ни позднее, когда те повышают свою квалификацию уже как учителя». (Юстина Сухецкая, «Газета wyborcza», 22 апр.)

- «За восемь лет количество учеников в наших школах сократилось на 816 тыс. человек, зато штатных преподавателей стало на 10 тыс. больше. (...) В настоящее время на одного учителя приходится 9,7 учеников (в 2006 г. их было 11,1). На 20,5 тыс. человек больше, чем в 2006 г., работает на основании карты преподавателя». («Дзенник газета правна», 23 февр.)

- «С 1 мая студенты-иностранцы очной формы обучения смогут легально работать в Польше на протяжении всего года без официального разрешения на работу. Ранее они имели на это право только в течение трех месяцев каникул. (...) В настоящее время в польских ВУЗах обучается около 46 тыс. иностранцев, это на 10 тыс. больше, чем в прошлом году. Среди них больше всего украинцев (23 тыс.) и белорусов (4 тыс.), но также немало норвежцев и шведов (по 1,5 тыс.)». («Газета wyborcza», 2-3 мая)

- «В прошлом году в нашей стране попросили убежища 2318 украинцев. Ни один из них не получил статуса беженца, 6 человек обрели статус так наз. «дополнительной защиты», а в 11 случаях польские власти согласились на «допустимое пребывание» заявителя. (...) Украинцы, которые ищут убежища в других странах, стороной обходят Польшу и другие страны ЕС, зная, что здесь их никто не ждет. (...) Тем украинцам, которым все же удалось получить убежище в Польше, приходится нелегко. В течение года они могут рассчитывать на так называемую «программу интеграции». В рамках этой программы иностранец ежемесячно получает 1 тыс. злотых, причем из этих денег он должен покрыть расходы на жилье и курсы польского языка. По окончании годовой программы ему придется обеспечивать себя самостоятельно. (...) В прошлом году о предоставлении убежища в Польше ходатайствовали в общей сложности всего 8 тыс. человек. С учетом пропорций в контексте численности населения, это в 12 раз меньше, чем в Германии, в 20 раз меньше, чем в Венгрии, и в 40 раз меньше, чем в Швеции. Хотя в целом в ЕС группа лиц, ищущих убежища, растет, в Польше за прошлый год она уменьшилась почти вдвое». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 14 апр.)

- «В 2005-14 гг. количество молодых мужчин, поступающих в духовные семинарии, уменьшилось в Польше почти на 54%. В 2005 году подготовку к принятию духовного сана начали 1 727

первокурсников-клириков. (...) Осенью 2014 г. духовное обучение начали только 784 человека (589 из них — в епархиях, и 198 — в монастырях)». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 21 апр.)

• «“По нашим оценкам, сегодня уже каждый четвертый поляк является атеистом, — утверждает проф. Януш Чапинский, социолог и психолог из Варшавского университета. (...) — С той только разницей, что эти атеисты в массовом порядке отправляют своих детей в церковь. Особенно на первое причастие. (...) Причастие они понимают не как религиозный праздник, а как повсеместный и обязательный ритуал”. (...) Первое причастие принимают и дети неверующих — из страха, что окружающие подвергнут их остракизму». (Анна Шульц, Рафал Гембура, «Ньюсуик Польша», 11-17 мая)

• «В дискуссии «Церковь, мир, диалог» принимали участие кардинал Джанфранко Равази — председатель Папского совета по культуре, проф. Мирослава Грабовская — директор ЦИОМа, Адам Михник — главный редактор «Газеты выборчей», Марек Юрек — депутат Европарламента, проф. Виктор Осятынский — юрист. (...) Мирослава Грабовская напомнила, что в 1989 г. католическая Церковь как организация вызывала доверие у 90% поляков. Сегодня же Церкви доверяет лишь 55% граждан. (...) Виктор Осятынский назвал историческим заявление премьер-министра Эвы Копач о том, что католическая Церковь не будет диктовать в Польше свои порядки. Он заметил, что впервые глава польского правительства настолько четко и решительно заявляет о законотворческой и правовой независимости государства». (Ярослав Миколаевский, «Газета выборча», 18-19 апр.)

• «В Польше уже построено более десяти храмов, небесным покровителем которых выступает св. Иоанн Павел II. Планируется, что в будущем в каждой из 41 епархии будет как минимум один такой храм. По всей стране воздвигнуто более 700 памятников Иоанну Павлу II. «Папа-поляк» является святым покровителем более 2,3 тыс. самых разных объектов, среди которых 1 274 школ, вузов, больниц, фондов и общественных организаций, а также улиц». (Михал Болтрык, «Пшеглэнд православный», май 2015)

• «По моим наблюдениям, многие поляки верят, что после смерти они попадут в торгово-развлекательный центр, как бы саркастически это не прозвучало. Достаточно посмотреть, как каждое воскресенье после богослужения толпа народа направляется в ближайший торговый центр. Оба эти места создают у людей ощущение встречи с сакральным. Торговый

центр предстает как волшебное царство всяческого изобилия, царство, в котором исполнятся все их мечты. Рай становится реальностью, когда у нас есть деньги, чтобы ходить по магазинам, ад — это хроническая нищета, а чистилище — это наши страдания из-за пустого кошелька, смягчаемые надеждой, что когда-нибудь он будет полным», — проф. Збигнев Миколейко, заведующий кафедрой религиоведения Польской академии наук. («Пшеглэнд», 30 марта — 6 апр.)

- «По данным Международного валютного фонда, в этом году доход среднестатистического поляка окажется больше, чем у грека. После 26 лет реформ мы впервые догнали страну из старого состава ЕС». («Жечпосполита», 30 апр. — 1 апр.)

- «Польша вложит 8 млрд евро в Европейский фонд стратегических инвестиций. (...) Собственными деньгами мы поддержим важнейший проект председателя Европейской комиссии Жана-Клода Юнкера». (Анна Слосевская, «Жечпосполита», 22 апр.)

- «Доля экспорта в общем ВВП, 20 лет назад составлявшая 20%, возросла до 50%, а его стоимость за это время увеличилась с 22,9 млрд долларов в 1995 г. до 218,9 млрд долларов в 2014 году. (...) Список стран, с которыми мы ведем торговлю, стремительно растет, и в этой географии появляются все более причудливые направления», — Ежи Следзевский. («Жечпосполита», 11 мая)

- «Как сообщает Национальный банк Польши, совокупный капитал домашних хозяйств в нашей стране превысил 1,6 триллионов злотых. В эту сумму входят наличные деньги, банковские депозиты, средства, доверенные финансовым институтам и инвестиционным и пенсионным фондам, а также приобретенные на бирже акции и инвестиции в закрытые акционерные общества. Стоимость наших сбережений эквивалентна 93% ВВП. (...) Во многих странах Западной Европы капитал домашних хозяйств (без учета недвижимости) вдвое превышает ВВП. Но даже в нашем регионе есть такие страны, как Венгрия, где он равен 115%, и Чехия — свыше 100%. (...) В прошлом году рост финансовых накоплений поляков не превысил 5% и оказался самым медленным с 2011 года». (Лукаш Вилкович, «Дзенник газета правна», 5 мая)

- «80% польских лесов находятся в собственности государства. Это самая настоящая сенсация европейского уровня. Среди этих 80% национальные парки составляют 2%. Государственные леса занимают более 77% всех наших лесов.

1,4% из них составляют заповедники. (...) Чем больше площадь охраняемой территории, тем выше качество всей лесной экосистемы. (...) Лесные прогулки регулярно совершают почти 20% жителей Польши. Еще десять лет назад данный показатель был больше на 10%. Это значит, что интенсивность наших контактов с одним из наших национальных сокровищ начинает уменьшаться». (Михал Ольшевский, «Газета wyborча», 5 мая)

• «В 2008 г. Высшая контрольная палата изучила ситуацию с вырубкой придорожных деревьев на территории Мронговского повета. Оказалось, что 70% вырубленных деревьев не представляли угрозы для дорожного движения. (...) Проф. Бронислав Лаговский писал: «Жители Пруссии столетиями формировали пейзаж этих земель, которые сегодня принадлежат Польше. И во что его превращают поляки? Они вырубают придорожные деревья, оправдывая свое варварство полицейской статистикой, согласно которой частой причиной автокатастроф становятся столкновения машин с деревьями». (Виктор Рачковский, «Пшеглэнд», 11-17 мая)

• «“Здесь росли сосны, диаметр стволов которых достигал полутора метров. Как установили эксперты Мазовецкого воеводства, деревья были отравлены химикатами через просверленные в них отверстия”, — говорит Малгожата Сенковская, председатель общества «Зеленый замок». “Отвоцкие сосны — это особо ценная порода деревьев”, — утверждает Богдан Шиманский, представитель Польского экологического клуба. Именно в Отвоцке инвестор запланировал строительство нового жилого микрорайона. (...) Кассационная коллегия по делам местного самоуправления в Варшаве пришла к выводу, что сохранять больные деревья нецелесообразно, хотя городской план строго предусматривает охрану сосен. По данным Высшей контрольной палаты, в конфликте между новыми жилыми кварталами и растущими здесь деревьями последние явно проигрывают, и гмина Отвоцк совсем не является исключением». (Данута Фрей, «Жечпосполита», 8 мая)

• «В Варшаве вырублено 140 тыс. деревьев. Реакции — ноль. Публичным пространством заправляют беспринципные инвесторы. (...) Охрана памятников, пейзажа, принципов градостроительства, общественного и культурного пространства практически отсутствует как таковая», — Ежи Науман, бывший председатель Высшей дисциплинарной комиссии адвокатуры. («Жечпосполита», 13 мая)

- «Представитель Министерства окружающей среды признал, что в результате неточной стрельбы (главным образом, по птицам) в окружающую среду — воду и землю — ежегодно поступает от 400 до 600 тонн свинцовых боеприпасов, которые отравляют пруды, озера и грунтовые воды. В результате отравления свинцом рыбы и птицы заболевают, а их мясо становится вредным для человека. Представитель министерства также заявил, что в большинстве европейских стран использование таких боеприпасов запрещено». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 13 апр.)

- «Польшу уже покинули гагары и чернозобики, а турухтаны перестали вить у нас гнезда. На наших глазах вымирают целые породы птиц. (...) Ведь дрофы, эти большие, красивые и гордые птицы открытых просторов не исчезли в одночасье — этот процесс шел годами. Погибают — и наверняка вымрут в течение одного человеческого поколения — такие эмблематические птицы, как глухарь и тетерев, и такие яркие, как сизоворонка. Кто знает, не ждет ли такая же незавидная судьба тех птиц, которые еще недавно считались обычными и распространенными, к примеру, хохлатый жаворонок и чибис. Все это — следствие необратимых изменений в окружающей среде, причиной которых являемся мы, люди». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 7 мая)

УКРОТИТЬ СОЛНЦЕ

Ей нет и 31 года, но она уже устроила переполох в физике. Ольга Малинкевич открыла новый метод использования солнечной энергии для получения тока. Это может стать началом революции в энергетике.

Сначала была публикация в престижном научном журнале. Там Ольга Малинкевич описала, как можно дешево и быстро создавать химические соединения, называемые перовскитами, чтобы использовать их для производства солнечных панелей. Однако эта работа не принесла ей широкой известности. «Это была очередная публикация в журнале, в котором было немало хороших работ», — вспоминает она. Однако, когда в марте 2014 года Ольга Малинкевич выиграла организованный Европейским союзом конкурс «Photonics21», о ней заговорили.

— Это было очень серьезно. На съезде в Брюсселе премию вручала Нели Крус, в то время зам. председателя Еврокомиссии. Присутствовало много бизнесменов и журналистов, — рассказывает Ольга Малинкевич. Именно тогда мир узнал об Ольге Малинкевич. Узнал об ее исследованиях: о новой технологии производства солнечных панелей и перовскитах, то есть группе химических соединений, для которых общей характеристикой является одна и та же пространственная структура атомов. Некоторые из этих соединений легко поглощают свет и способны превращать солнечную энергию в ток.

Это был переломный момент. Телефоны не смолкали, шли бесконечные заявки от инвесторов и предпринимателей, так как в этом конкурсе премии получают исследовательские работы, имеющие практический потенциал — их можно внедрять в промышленность. Посыпались предложения, ее приглашали на работу в Лос-Аламос в Соединенных Штатах и в Швейцарию, в лабораторию проф. Майкла Гретцеля, одного из самых уважаемых экспертов в области разработки солнечных батарей. В Валенсию, где в то время работала Ольга Малинкевич, приехали также инвесторы из Польши. Она уговаривала их создать совместно с ней и ее шефом, доктором Генеком Болинеком, фирму, но из этого ничего не вышло. Оказалось, что ее шеф начисто лишен деловой хватки. Поэтому они решили организовать фирму без него. Ей хватило трех

дней на сборы, и после семи лет пребывания в Испании она вернулась в Польшу. Это был август 2014 года.

Гены и работа

Сейчас Ольга Малинкевич является координатором консорциума, объединяющего семь научных центров в Европе, которые занимаются исследованиями перовскита. Однако надо сказать, что когда-то она чуть было вообще не отказалась поступать в вуз. В школе она ненавидела математику и физику. Она так устала от учебы, что ей вовсе не хотелось поступать в вуз и учиться дальше, она хотела сразу идти работать. И только благодаря воле случая все получилось иначе.

За два месяца до экзаменов на аттестат зрелости она нашла в дедушкиной библиотеке очень толстую книгу о физике, о гиперпространстве. «Автор книги размышлял о том, возможны ли путешествия во времени, существуют ли туннели во временном пространстве. Я буквально проглотила эту книгу. И тогда я подумала, что если вот так выглядит физика, то она мне нравится», — вспоминает Ольга. Решив, что будет поступать на физический факультет, она энергично принялась за работу. Хорошо сдала экзамен на аттестат по математике, отлично — по физике и поступила на физический факультет Варшавского университета.

Несомненно, ей помогли гены. Дедушка, работавший в варшавском Политехническом институте, был настолько замечательным инженером, что ему предложили работу в НАСА, американском космическом агентстве. Но дедушка отказался. Он хотел восстанавливать Польшу после войны. Ольга убеждена, что именно от дедушки унаследовала умение все время что-то мастерить и неумное желание познавать мир. Однако оказалось, что гены — это еще не все, что надо для науки. Она быстро поняла, где ее знания хромают. «Я срезалась на тесте по проверке наших знаний, который нам устроили уже после поступления в вуз. От результата этого теста зависело, в какую группу ты попадешь. Я попала в самую слабую», — рассказывает Ольга. Она очень страдала из-за этого, поэтому начала интенсивно учиться.

Именно тогда ей стало ясно, что наибольший интерес у нее вызывает физика лазеров и оптика. В Варшаве после третьего курса она выдержала экзамен на ученую степень лиценциата и, став стипендиатом «Эразмуса», отправилась в Испанию. «Мне очень понравилось, как там велись занятия. Преподаватели читали лекции доходчивым языком. Не понять их было невозможно», — вспоминает она. Окончив учебу, Ольга начала

работать в одной из лабораторий в Валенсии. Она и не предполагала, что будет заниматься солнечными батареями. И перовскитом.

Заново открытые

— Перовскиты — это вовсе не новость, — объясняет Ольга. Они были обнаружены еще в 1838 году в минералах, найденных на Урале. Спустя годы их начали производить в лабораториях. Ими в частности заинтересовались эксперты из IBM, и всего лишь двадцать лет тому назад удалось разработать синтез одного из них, но не затем, чтобы создать на его основе солнечные панели. Ученые надеялись, что перовскит удастся использовать в транзисторах и диодах. Им хотели заменить кремниевые процессоры. Однако из этого ничего не получилось. Тесты показали, что перовскит ничем не лучше кремния, а кроме того, кремний хорошо известен, и его производство достаточно развито. Работу над новым материалом забросили. И только когда несколько лет тому назад истек срок патента на производство перовскита, ученые из нескольких центров решили заново его исследовать.

Первым этим материалом заинтересовался японский химик Тсутому Миясака, который давно уже работал над разными солнечными панелями. Он применил перовскит, но разочаровался. Производительность новых солнечных панелей была невысока, достигала всего 3%, что означает, что лишь 3% из всей перехваченной солнечной энергии удавалось с его помощью преобразовать в электрическую энергию. Это совсем мало, так как уже сегодня продуктивность солнечных панелей, производимых на базе других материалов, составляет более 30%. Хуже того, перовскит, который получил японский исследователь, моментально подвергался распаду. Так что ученый отказался от дальнейших исследований. Шел 2009 год.

Материал этот наверняка был бы забыт, если бы не д-р Генри Снайт из Оксфордского университета. Ему пришла в голову идея несколько модифицировать производство перовскита. Он создал солнечные панели с весьма высокой эффективностью. Она составила 10%. «Такой результат он получил сразу же, при первой попытке. Это стало неожиданностью, так как до сих пор ученым удавалось повысить их продуктивность на 1%, модифицируя шаг за шагом процесс производства», — говорит Ольга. Вскоре д-р Снайт улучшил синтез и получил батарею с продуктивностью более 10%. Его работа была опубликована в журнале «Science» в мае 2012 года.

О перовските вновь активно заговорили ученые. «Меня также начал интриговать этот материал. Я поехала в Севилью на лекцию д-ра Генри Снайта. Лекция оказалась очень интересной. Я тогда подумала, что мне тоже хотелось бы поработать над его производством», — говорит Ольга. Однако в ее небольшой лаборатории в Валенсии никто солнечными панелями не занимался. Она попыталась уговорить шефа, д-ра Генека Болинека, начать исследования перовскита. Ее уговорам он внял лишь спустя некоторое время. Однако он решил использовать для синтеза перовскита иной метод в отличие от того, что был использован учеными из Оксфорда. Он предложил метод выпаривания. Этот метод основан на нагревании двух порошков до такой температуры, чтобы оба порошка достигли газообразного состояния. Тогда без применения растворителя обе субстанции связываются друг с другом, и возникает новое соединение. «Я отнеслась к этому как к обычной задаче, которую надо решить, — вспоминает Ольга. — Было время каникул. Сына я отправила на месяц к бабушке в Польшу, а сама взялась за работу».

Однако поначалу ей никак не удавалась повысить производительность перовскитовой батареи. Тогда она решила изменить состав. Вместо того, чтобы мучиться с окисью титана, для нагревания которого необходима высокая температура в 500°C, Ольга решила использовать органические соединения, с которыми ей уже приходилось иметь дело прежде, и она знала, как они себя ведут. Получилось. «Но меня мучила совесть. Я не выполнила поручение шефа. Я создала перовскитовые солнечные панели по-своему», — вспоминает Ольга. Но все же она отправилась к шефу и открыто призналась, что изменила технологию. «И только он объяснил мне, что я совершила нечто выдающееся», — говорит она. Ее метод позволяет получать перовскиты при гораздо более низкой температуре, чем прежде. Это значит, что их производство станет дешевле. Они быстро запатентовали новый метод, а результат своей работы опубликовали в престижном журнале «Nature Photonics».

Эффективность и стабильность

В Польше Ольга работает всего лишь три месяца, но очень интенсивно. Одна из ее исследовательских работ уже принята на посвященную перовскитам научную сессию, которая состоялась в начале декабря в Бостоне. Надо торопиться, так как каждый день создается какой-нибудь новый исследовательский центр, занимающийся перовскитами. «Это настоящее соревнование», — добавляет Ольга. Выигрывает тот,

кто разработает более дешевый и легкий метод производства высокоэффективных солнечных батарей с использованием перовскита. Ставка высока. Поскольку потребности в дешевой электроэнергии — огромные. Кремниевые солнечные батареи, которые производятся сегодня, хотя и достаточно результативны, но долго окупаются, поэтому такие большие надежды возлагают на перовскиты.

Нелегко победить в соревновании, кто первый предложит рынку готовый продукт. Почти каждый месяц появляется научная работа, авторы которой описывают простой и дешевый метод получения перовскита. Бьются очередные рекорды эффективности. В ноябре вышла работа, авторы которой получили перовскит с производительностью в 20%. Это рекорд. Материал, полученный Ольгой, тоже имеет хорошую производительность — 15%. «Речь, однако, идет не только об этом», — объясняет она. Пока у этих высокоэффективных перовскитовых панелей есть серьезные недостатки. В составе материалов находится олово, являющееся вредным и для окружающей среды, и для здоровья человека. А еще такие перовскиты легко подвергаются распаду. Так что их нельзя будет применять на практике.

Ольга Малинкевич пытается — как, впрочем, и другие ученые — улучшить метод производства перовскита. «Чтобы он был стабильным, более долговечным и, может быть, стал бы при этом более эффективным», — поясняет она. Тот, который удастся создать сегодня, вырабатывает ток на протяжении максимум тысячи часов. «Этого слишком мало, чтобы покрывать им стекла, срок службы которых рассчитан на многие годы, но, может быть, этого будет достаточно для наклеек, которые обеспечат питание для телефонов или ноутбуков. Ведь они служат нам как раз около двух лет», — добавляет Ольга Малинкевич.

Она убеждена, что исследования перовскитов оправдают возлагаемые на них надежды. «Прошло всего лишь два года с момента получения соединения высокой продуктивности, а ученые уже достигли огромных результатов. Производительность батарей возросла с нескольких до 20%. Это действительно невероятный темп», — считает Ольга. Ей самой огромное удовольствие доставляет тот факт, что она тоже задает темп этим исследованиям, но дело не только в том, что ей по душе работа в лаборатории. Она хочет создать кластер — объединить несколько польских вузов, чтобы совместно работать над перовскитом. Она надеется, что этот кластер начнет действовать уже в марте. «Я упрямая, и всегда такой

была. И я люблю принимать вызовы, — говорит она. — Именно таким вызовом стала для меня работа в Польше. Развернуть исследования на самом высоком уровне, изменить науку в Польше, сделать нечто выдающееся. Не воспользоваться таким случаем я не могла. Ведь уехать за границу, чтобы там вести научную работу, всегда успеется».

ОТБОР В НОВОМ ФОРМАТЕ:

Работа ищет поколение «изгрек» так же, как само это поколение ищет себе занятия — практично и по-современному.

Большинство сайтов по поиску работы размещает объявления самой разной направленности. Поэтому предприниматели из Варшавы решили предложить альтернативу, рассчитанную на молодое поколение. Портал называется «Isivi», и от прочих сайтов с объявлениями о работе он отличается тем, что подбирает объявления с учетом умений и навыков пользователей. Это должно оказаться полезным как для потенциальных работников, так и для работодателей. Первым не придется напрасно тратить время и составлять многочисленные варианты резюме, подгоняя их под разные требования. Вторые же получают возможность участвовать в такой форме отбора кандидатов на вакансии, которая в большей мере ориентирована на молодых выпускников.

Для нужд обеих сторон

Как заверяют создатели «Isivi», портал был спроектирован не только с мыслью о предпочтениях поколения, только-только входящего на рынок труда, но и с учетом мнения работников кадровой службы.

— Специалисты отмечали, что используемые сегодня методы отбора не вполне удовлетворяют потребностям молодого поколения. У этого поколения есть своя специфика: молодые люди хотят прежде всего сохранять баланс между работой и личной жизнью. Если они уже работают, то стремятся идентифицировать себя со своим местом работы, поэтому важным для них оказывается образ работодателя, на который влияют, кроме всего прочего, также используемые методы отбора кадров, — говорит Томаш Гжехник, один из создателей портала «Isivi».

Принцип работы сайта прост. После регистрации на портале пользователя просят заполнить анкету, где нужно указать свои умения и навыки. Если кандидат отметит, что его интересует работа в сфере информационных технологий, то его попросят выбрать языки программирования, которыми он владеет, и дополнительные качества, такие, как коммуникабельность или умение работать в коллективе.

Затем программа, отвечающая за подбор объявлений, отсортирует их с учетом навыков данного кандидата. Поэтому если кто-то в своем перечне компетенций укажет какой-либо язык программирования (например, PHP или Windows .NET), то он увидит сперва такие объявления, в которых требуется знание одного из этих языков. А если пользователь, ищущий работу в сфере IT-технологий, не умеет программировать, но обладает другими необходимыми компетенциями, предъявляемыми работодателями в этой сфере, то он увидит вакансии на должность, например, обслуживающего персонала. Каждое из объявлений снабжено процентным показателем, отражающим, насколько компетенции кандидата соответствуют требованиям работодателя.

Друзья-предприниматели

Фирму основали четыре двадцатипятилетних человека. Экономической стороной предприятия занимаются председатель Ян Радзиковский и Томаш Гжехник. За техническую сторону отвечают Конрад Слоневский и Томаш Глувка — единственный в их команде, кто не является выпускником Варшавской школы экономики. Радзиковский и Слоневский вместе учились в средней школе (они окончили Лицей им. Тадеуша Чацкого в Варшаве), а Гжехник познакомился с будущим председателем на подготовительных курсах, готовясь к сдаче школьных выпускных экзаменов. Уже в университете они втроем основали студенческий кружок предпринимательства.

Потом Радзиковский в рамках программы по обмену студентами в 2012 г. на полгода уехал в западную Австралию. Там, в университете Брисбена, он столкнулся с интересной идеей, призванной облегчить переход студентов из мира учебы в мир работы. Это был сайт, на котором студенты местного вуза могли предоставить о себе подробную информацию потенциальным работодателям. Радзиковский подумал, что что-то подобное могло бы прижиться в Польше, где всюду говорилось тогда о том, что высшая школа в большом количестве выпускает продукт, спрос на который на рынке труда ничтожно мал.

Варшавская четверка в течение года продумывала соответствующую формулу сайта. В мае 2013 г., когда первоначальная концепция «Isivi» была разработана, они занялись составлением бизнес-плана и подали заявление о дополнительном финансировании проекта со средств Евросоюза. Полмиллиона злотых из операционной программы «Инновационная экономика» позволили запустить сервис,

первая версия которого была готова в июне 2014 г., уже после двух месяцев работы.

— Как настоящий стартап из Кремниевой долины, мы начинали в гараже дома, в котором я снимал тогда квартиру, — смеется Гжехник.

Выделиться на рынке

Бизнес-модель существует благодаря платежам, взимаемым за размещение объявлений на сервисе. Достаточно пробежаться глазами по объявлениям, чтобы убедиться, что эта модель ориентирована на крупный бизнес. Если выбрать сферу информационных технологий, то можно увидеть, например, предложения от компаний «Комарх», «КПМГ», «Аксенчер», «Миллуорд Браун».

— Нашим партнерам мы обычно предлагаем пробный доступ к сервису, и они, как правило, остаются довольны. Кроме того, не всякое предприятие хочет рекламировать себя на обычных сайтах объявлений, — говорит Гжехник. Он добавляет также, что портал рассчитан на студентов или выпускников в возрасте около 28 лет, поэтому размещаемые на портале объявления касаются главным образом «молодых» должностей; на нем можно найти также много объявлений о стажировках.

Рынок весьма непрост, поскольку поколение «игрек», наученное опытом старших, старается обезопасить свое профессиональное будущее с помощью практик и стажировок еще до того, как окажется на рынке труда. Если молодые люди хотят искать работу в тех сферах, где число предложений особенно велико (прежде всего, в сфере IT-технологий), то они могут рассчитывать на то, что найдут работу менее формальным способом, в частности, отыскивая предложения на многочисленных конференциях стартапов. К тому же, если дело касается объявлений о работе, то в интернете конкуренция подобных сервисов огромна — от бесплатного Gumtree.pl до магната Pracu.pl. При поиске работы молодые люди все чаще пользуются и социальными сетями, ориентированными на специалистов, — такими, как LinkedIn или GoldenLine. Ведь все чаще бывает так, что, к примеру, молодой информатик, окончив университет, уже имеет опыт работы по специальности, а нередко и постоянную работу.

Это не пугает создателей «Isivi». В ближайшем будущем они предполагают выйти за пределы столичного рынка и заняться распространением объявлений также в других городах Польши. Уже сейчас создатели сайта работают над тем, чтобы запустить

его в Кракове, Вроцлаве и Тригороде (агломерация Гданьск-Гдыня-Сопот), активно продвигая портал среди работодателей и принимая участие в ярмарках вакансий. Позже они хотят заняться созданием подобного сайта, который будет ориентирован на работников в возрасте 35 лет. Хотя эти люди и старше поколения «игрек», но они тоже не очень-то любят стандартные формы поиска работы.

ОБСТАВЛЕННЫЙ ПОЛЬСКОЙ МЕБЕЛЬЮ МИР

Отечественный рынок мебели испытывает одышку, поэтому производители делают ставку на экспорт. С превосходными результатами.

В минувшем году общий объем продаж мебели в Польше не превысил 4,8 млрд злотых. Он оказался примерно на 100 млн злотых меньше, чем в 2013 г., и на 1,6 млрд злотых меньше, нежели в 2009 г. Эксперты считают, что ответственна за такую ситуацию прежде всего демография. «Общество стареет, а склонность к покупке новой мебели уменьшается вместе с возрастом. Вдобавок молодые люди все позже принимают решение о создании семьи, а тем самым откладывают и вопрос обустройства своей первой квартиры», — объясняет Томаш Викторский, владелец исследовательской фирмы «B+R Studio», эксперт Всепольской хозяйственно-экономической палаты производителей мебели. Кроме того, из ежегодного исследования покупательских навыков поляков следует, что в 2014 г. частота покупки мебели выросла по сравнению с предыдущим годом только в домашних хозяйствах с самыми низкими (до 1 500 злотых нетто) и самыми высокими (более 5 000 злотых нетто) доходами — соответственно, с 15 лет до 10-и и с 3 лет до 2-х. Остальные потребители заявили, что мебель прослужит дольше (по сравнению с опросом 2013 г.).

При этом далеко не всю мебель мы меняем на новую. Например, упал спрос на традиционные шкафы, которые все чаще замещают встроенные шкафы-купе. Уменьшается также спрос на другую мебель, служащую для хранения вещей. Это в значительной мере заслуга технологического прогресса, заставившего нас изменить организацию пространства. Сегодня, когда на смену традиционным книгам приходят электронные, книжные полки и стеллажи все чаще становятся излишними.

Производство на волне роста

Хотя отечественный рынок переживает моменты ощутимого упадка, производство мебели по-прежнему идет полным ходом. Согласно данным Главного управления статистики (ГУС) в прошлом году с конвейеров сошло 33,9 млн различных

предметов мебели — почти на 5,6 млн штук больше, чем годом ранее. Наибольший прирост наблюдался в 2014 г. в производстве деревянной мебели для спален (более чем на 42%) и кухонь (более чем на 30%).

Как сообщает ГУС, для предприятий, на которых трудится более девяти работающих, стоимость производства проданных предметов мебели в 2014 г. составила 32,4 млрд злотых. Это на 15% больше, чем в 2013 г. По данным за первые два месяца текущего года, эти показатели по-прежнему растут. Стоимость мебели, произведенной с января по февраль 2015 г., составляет 5,7 млрд злотых, что на 9% больше, нежели в предшествующем году.

За прошлый год стоимость всего производства, учитывающая все виды фирм: микроскопические, малые и средние, — оценивается в более чем 34 млрд злотых (8,3 млрд евро). Такой результат дает нашей стране седьмое место в мире. Лидером с производством общей стоимостью свыше 145 млрд евро остается Китай. «Еще в 2011 г. наша страна занимала восьмое место среди мировых производителей мебели, а десятилетие назад она находилась на десятой позиции. За эти годы нам удалось опередить не только Францию, но также Испанию и Канаду», — поясняет Томаш Викторский.

Динамичный рост производства — это заслуга увеличения производственных мощностей крупнейшими рыночными игроками. Шведская фирма «Икеа», у которой в Польше имеется 16 заводов и фабрик, согласно подсчетам экспертов за год изготавливает мебель на сумму свыше 4,1 млрд злотых, что делает ее лидером в нашей стране. Вторым производителем в Польше является отечественная группа «Black Red White». Ежегодно она производит на своих предприятиях мебель общей стоимостью 2 млрд злотых. Третье место принадлежит фирме «Новый стиль», годовые продажи которой исчисляются суммой около 1,2 млрд злотых. Она тоже в прошлом году увеличила свои производственные мощности за счет новой фабрики канцелярской мебели, которая открылась в малопольской деревне Ясло и обошлась фирме в 118 млн злотых. «Теперь мы в состоянии производить примерно в пять раз больше канцелярской мебели, чем до возникновения данного предприятия», — комментирует эту инвестицию Роман Пшибыльский, член правления и торговый директор группы «Новый стиль», которая в общей сложности владеет шестью фабриками в Польше и еще несколькими — за границей.

«Большую пятерку производителей замыкают фирмы «Com40» и «Форте». Объем производства первой из них оценивается

примерно в 1 млрд злотых, второй — в 800 млн злотых», — сообщает Томаш Викторский. Группа «Форте» тоже не сказала еще последнего слова в области производства. Доказательством служит подписанный ею в декабре минувшего года двухлетний договор с акционерным обществом «Pfleiderer Grajewo» на поставку различных видов фанеры и древесно-стружечных плит. Таким способом фирма «Форте» решила обеспечить себе поставки сырья. Она намеревается проводить дальнейшую модернизацию четырех своих предприятий. В прошлом году фирма израсходовала на эти цели 43 млн злотых. «Мы будем стремиться достичь производства на уровне 4 млн различных предметов мебели в год», — пообещал по случаю презентации финансовых результатов фирмы за 2014 г. Мацей Форманович, президент «Форте». В 2014 г. она выпустила 3 млн штук.

Движущая сила — экспорт

Фирмы не скрывают, что к увеличению мощностей на фабриках и заводах их побуждают в первую очередь динамично растущие продажи на зарубежных рынках. В группе «Форте», доходы которой выросли с 666,3 млн злотых до 822 млн злотых, в 2014 г. экспорт увеличился на 25%. Наибольший рост зарубежных продаж эта фирма отметила на французском (продажи возросли на 200%), швейцарском (на 92%), испанском (на 10 млн злотых) и германском (на 12%) рынках.

В случае фирмы «Икеа» глобальные продажи за последний учетно-финансовый год (закончившийся 31 августа 2014 г.) составили 28,7 млрд евро, что означает прирост на 6% по сравнению с предыдущим годом. А вот в Польше ее поступления выросли на 14%, достигнув 2,38 млрд злотых. «На протяжении ближайших 20 лет мы хотим увеличить годовые обороты до 16 млрд злотых», — пообещала Эвелин Хиглер, президент подразделения розничных продаж фирмы «Икеа» в Польше.

Об увеличившемся объеме продаж на иностранных рынках сообщает также группа «Новый стиль», которая реализует свои продукты в 100 странах мира. «Наш экспорт вырос за последний год больше чем на 10%. Самые крупные, двухзначные показатели роста мы констатировали на западных рынках — таких, как Германия, Франция и Великобритания», — перечисляет Роман Пшибыльский, добавив, что и на родине этой фирме тоже удалось достигнуть почти 10-процентного приращения продаж.

В общей сложности за минувший год экспорт мебели из Польши увеличился на 14% и составил 8,1 млрд евро. Самый

важный рынок — это Германия, куда попадает 38% экспортируемой нами мебели. За прошлый год мы отправили в эту страну мебель общей стоимостью 3,1 млрд евро, тогда как годом ранее соответствующая сумма составляла 2,7 млрд евро. На втором месте Великобритания, чья доля находилась на уровне 7,7%, на третьем — Франция (6,4%). В Великобританию на протяжении 2014 г. отправлены товары стоимостью 623 млн евро, тогда как в 2013 г. эта сумма равнялась 525 млн евро. Во Франции продажи возросли с 497 млн евро в 2013 г. до 520 млн евро спустя год. В первой пятерке находятся также Чехия и Голландия.

— Лидирующая группа потребителей польской мебели уже много лет остается без особых изменений. Без особых, так как еще в 2010 г. Великобритания была для Польши четвертым экспортным рынком, — отмечает Томаш Викторский.

Невзирая на напряженную политическую ситуацию, сложившуюся на востоке Европы, сотрудничество польских производителей с Россией пока еще не очень пострадало. При обострившейся в 2014 г. экономической политике России польские фабрики поставили в эту страну мебель стоимостью 175,8 млн евро, в то время как год назад было 169,5 млн евро. Это заслуга прежде всего хорошего первого полугодия. Во втором наступило явное ослабление курса рубля, что нашло выражение в росте цен импортных товаров и тем самым — в падении спроса на них. «В итоге двухзначные показатели роста, характерные для первого полугодия, превратились во втором полугодии в падение на несколько процентов. Следует ожидать, что в этом году результат будет уже хуже», — добавляет Томаш Викторский, подчеркивая, что Россия является теперь для Польши 11-м по значимости экспортным рынком.

Снижения показателей ожидают также производители. «Всё указывает на то, что в нынешнем году российский рынок ждет рецессия. Мы, однако, подготовлены к этому лучше, чем другие производители. Ведь мы обслуживаем указанный рынок прежде всего с предприятий, размещенных как в России, так и в Украине. Благодаря этому ослабление рубля не так ухудшает нашу конкурентоспособность, как, например, у поставщиков из Италии», — отмечает Роман Пшибыльский из «Нового стиля».

За пределами Европейского союза тоже вполне достаточно потребителей польской мебели. Соединенные Штаты занимают седьмое место среди наших экспортных рынков. В 2014 г. на него попала мебель стоимостью 300 млн евро. Среди значимых потребителей фигурируют также Швейцария, куда польские

предприятия отправили в 2014 г. мебель на 124 млн евро, Норвегия — на 113 млн евро и Китай — на 91 млн евро.

— Еще три года назад стоимость экспорта в Китай составляла 57 млн евро. Следует ожидать, что нынешняя квота будет увеличиваться и дальше. В Китае быстро растет спрос на предметы роскоши. Не говоря уже о том, что в указанном географическом направлении экспорт окупается лучше, нежели импорт. Причина состоит в значительно более низких расходах на транспортировку из Польши на Дальний Восток, — комментирует Томаш Викторский. — Отправка товаров из Польши обходится дешевле, поскольку обложение контейнеров в этом случае намного меньше, чем при перевозке товаров из Китая.

По мнению экспертов, в последующие годы экспорт мебели из Польши может еще больше увеличиться. В первую очередь по той причине, что все большее число отечественных производителей начинает пробиваться за рубеж с товарами под собственной маркой, а не только с теми, которые производятся на заказ других западных марок.

К таким принадлежит польское акционерное общество «Мебель Вокс», которому уже удалось запустить около 60 собственных пунктов продажи мебели в Германии и один салон в России, в Москве. «К концу этого года мы хотим иметь 80 фирменных пунктов продажи в Германии. Кроме того, планируем экспансию с собственной маркой на юг Европы, в Азию, а также в Кувейт и Саудовскую Аравию», — перечисляет Марта Рыбак из «Мебель Вокс».

Собственная сеть дает независимость от иностранных контрагентов, которые, если найдут производителей подешевле, могут начать заказывать изготовление своих продуктов фабрикам, находящимся не в Польше, а в других странах.

Поиск ниш

Однако польские производители делают ставку не только на экспорт. Они стараются также искать ниши, которые позволят им по-прежнему добиваться большого роста продаж на отечественном рынке. Одной из них является развивающийся уже около четырех лет рынок мебели для фирм и учреждений. В эпоху растущей конкуренции между предприятиями все важнее становится обслуживание клиента. Дело дошло до того, что крупные корпорации уже каждые два года инвестируют в освежение своего имиджа. По их следам идут более мелкие

фирмы, особенно из сферы обслуживания, в которой пункты обслуживания клиента являются одной из самых важных зон деятельности.

— В прошедшем году оборот на межфирменном рынке, охватывающий в том числе и расходы на закупку новой мебели для учреждений, составил 5,24 млрд злотых. Это означает, что в данном сегменте рынка пал очередной рекорд. В 2013 г. расходы учреждений на названные цели достигали 3,63 млрд злотых, а в 2012 г. — всего лишь 0,45 млрд злотых. Столь низкая сумма является следствием крупных инвестиций за год до этого, которые делались в связи с приготовлениями к чемпионату Европы по футболу. Тогда фирмы выделили на мебель целых 5,19 млрд злотых. Однако эта сумма все равно меньше, чем показатели за прошлый год, — подчеркивает Томаш Викторский.

Кроме того, чтобы увеличить продажи, необходимо сделать ставку на производство сборной мебели. На шаг в указанном направлении решилась, в частности, фирма «Форте». В 2014 г. это решение принесло ей 16 млн злотых дохода. В последующие годы фирма прогнозирует дальнейший динамичный рост сегмента сборной мебели. В этом направлении планируют развиваться и другие отечественные производители. Их побуждает к этому успех фирмы «Икеа».

Каждый день мы производим мебель, общая стоимость которой составляет 95 млн злотых.

ПАМЯТИ ЕЖИ ВЫШОМИРСКОГО

В этом году отмечается 50-я годовщина смерти Ежи Вышомирского. Это важная персона в жизни предвоенного Вильно и послевоенной Лодзи. Поэт, педагог, фельетонист, критик и переводчик был недооценен при жизни, незаслуженно забыт после смерти.

Литературное Вильно межвоенного периода в нашем сознании связано прежде всего с Чеславом Милошем и группой «Жагары», а также со Станиславом и Юзефом Мацкевичами. Литераторам второго плана историки литературы особого внимания до сих пор не уделяли. У меня такое впечатление, что он родился слишком рано, не в свое историческое время. Гуманист, демократ, либерал, человек экуменического диалога, евроэнтузиаст, поэт открытый к культуре Запада, но при этом с уважением относящийся к наследию Востока, глашатай толерантности и неутомимый критик антисемитизма. Он собственным творчеством хотел бороться за облик нового поляка.

Военные пути забросили его из Вильно через оккупированную Варшаву в Лодзь, где он провел последние десять лет своей жизни. В новой действительности его огромный интеллектуальный и творческий потенциал столкнулся с жестокой реальностью сталинизма. Нонконформист. Аутсайдер мимо воли. До самого конца.

Ежи Вышомирский родился 23 октября 1897 г. в Замброве. Сын Габриеля Вышомирского, генерала российской армии, и Валентины из дома Боровских. Выходец из интеллигентской среды. Его отец был комендантом гарнизона в Замброве. Поскольку отец не захотел перейти в православие, от армейской службы его отстранили и перевели в гражданскую администрацию в Ашхабад. Отец тяжело болел. В 1914 году его перевели в Петербург, где он умер. Мать все это время оставалась в Замброве с тремя детьми: Ежи, Иреной и Александрой, заботясь о их воспитании и образовании. Начальное образование дети получили дома под присмотром гувернанток, которые обучали их также иностранным языкам: русскому, французскому и немецкому. Во время Первой мировой войны, опасаясь немцев, семья переезжает в Могилев,

где Вышомирский заканчивает русскую гимназию. Его направляют в артиллеристскую школу в Петербурге, где он часто навещает своего дядю Константина, полковника царской армии. Из окон его квартиры, выходящих на улицу Большая Московская, Ежи наблюдал за кровавыми событиями октябрьской революции. В 1917–1920 гг. Вышомирский служил в корпусе генерала Юзефа Довбора-Мусницкого. В 1919 г. записался на гуманистический факультет Свободного польского университета в Варшаве.

В 1921 г. вместе с матерью и сестрами Ежи едет в Вильно, где в Университете им. Стефана Батория изучает польский язык и литературу. Там в это время преподают такие ученые, как Бодуэн де Куртене, Стефан Сребрны, Станислав Пигонь, Марьян Здзеховский.

В Вильно он издает сборник стихов «Всесоожжение» (1923). Поэтический дебют Вышомирского встретился с неоднозначной реакцией критиков и читателей, но для начинающего поэта самой важной была рецензия Юлиана Тувима. Стихи этого сборника очень неровные, их отличает эклектизм понятий и взглядов, почерпнутых из самых разных философских систем. Мы найдем здесь и конгломерат романтического мировоззрения, и идеи Паскаля, и отзвуки ницшеанства, индусского идеализма, бергсонизма, и мысли русских мистиков: Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Льва Толстого.

Творчество Вышомирского формировалось под сильным влиянием французских и русских символистов и их предшественников (Бодлера и Тютчева). Нельзя не заметить и глубокого родства, связывающего поэтический талант начинающего автора с немецкими экспрессионистами.

В 1924 г., спустя едва лишь год после выхода дебютантского томика, Вышомирский публикует второй поэтический сборник «Миг смятения», вызвавший значительный резонанс среди читателей и критиков. Поэт показывает величие человека, проявляющееся в минуты роковые, когда он остается один на один с судьбой и лишь в своем внутреннем мире может искать поддержки. Если путешествия обогащают внутренний мир, то ничто не обогащает так, как путешествие вглубь самого себя. Такое странствие изменяет человека, он возвращается иным — возрожденным, способным понять другого и восстановить оборванные нити человеческих отношений.

В 1925 г., закончив университет, Ежи Вышомирский некоторое время работает преподавателем в польских и еврейских

гимназиях. И хотя на педагогической ниве он трудится нецелых шесть лет, но проблемы образования будут интересовать его и в дальнейшем. Особенно кодекс учительской чести, материальный статус учителя, система воспитания детей и молодежи, методики обучения — все это найдет свое место в обширном публицистическом наследии Вышомирского.

В Вильно в 1930 г. вышел третий сборник стихов, озаглавленный «Несвоевременное», в который вошли две группы произведений: «Сентиментальные стихотворения» и «Наивные стихотворения». Поэт представил на суд публики две позиции, отражающие его отношения с природой и культурой, где его человеческая натура или полностью раскрывалась в реальном мире, или же оставалась в сфере недостижимого идеала. Общей же чертой обеих частей была автобиографичность.

13 апреля 1929 г. Ежи Вышомирский вместе с другими виленскими поэтами участвовал во встрече, состоявшейся в резиденции Еврейского ПЕН-клуба. Это был своеобразный жест, сигнализирующий готовность польских писателей к сотрудничеству с еврейскими коллегами по перу. Особую ценность этому жесту придавало то, что как раз в это время в Вильно активно действовала литературная группа «Юнг Вильне», ведущие роли в которой играли Авром Суцкевер, Хаим Граде, Эльхонон Воглер, Шмерке Качергинский. На фоне усиливающихся в польском обществе Вильно антисемитских фобий Вышомирский самым демонстративным образом подчеркивал свое дружественное отношение к евреям.

Год 1936 остался в памяти жителей Вильно не только из-за антисемитских акций. Это было время, когда связанная с лагерем санации и национал-демократической партией пресса ополчилась против журнала «Попросту» и группы левой молодежи, сплотившейся вокруг лидера — Генрика Дембинского (1908–1941). Вышомирский неоднократно выступал в защиту журнала. На переломе 20-х и 30-х годов польскую литературную среду Вильно определяли два центра. Многочисленные писатели, члены местного Союза литераторов, в своем традиционном творчестве воспевали регионализм («тутейшость»), мифологизируя «милый город» — Вильно. Эту культурную формацию поддерживала связанная с лагерем санации газета «Курьер виленски». С другой стороны, подобные, однако значительно менее сильные флюиды исходили от такого оригинального, не принадлежащего ни к каким структурам художника-индивидуалиста, каким был

Ежи Вышомирский, создающий вокруг себя своеобразный микроклимат. Его «темная, дионисийская» поэзия концентрировалась на дезинтегрированном, распадающемся человеке. Это была поэзия трудная для восприятия, требующая от читателя определенного интеллектуального усилия. Наиболее близко по духу было Вышомирскому консервативное «Слово», главным редактором которого был Станислав Цат-Мацкевич. Со «Словом» Вышомирский сотрудничал вплоть до сентября 1939 г., публикуя там свои фельетоны. Редакция и авторы «Слова» (в частности Юзеф Мацкевич, Валериан Харкевич, Ксаверий Прушинский, Константин Сыревич) с точки зрения своих конкурентов из газеты «Курьер виленский» были гнездом русофилов, воспевающих культуру «белой» дореволюционной России. В этом весьма специфическом и отличающемся разнообразием художественном климате росли и набирали силу молодые поэты, еще студенты: Теодор Буйницкий, Казимеж Халабурда, Чеслав Милош и Ежи Загурский. 28 января 1931 г. в одну из «Литературных сред», прошедшей под лозунгом «Младшее поколение литературного Вильно», вышеназванные поэты представили на суд зрителей свои стихи.

Среди собравшейся публики (присутствовало ок. 70 человек) преобладала университетская молодежь. К голосу молодого поколения прислушивался в частности и Станислав Цат-Мацкевич, который в марте 1931 г. предложил дебютантом выпускать отдельное литературное приложение к «Слову». Вышомирский был горячим сторонником этой инициативы, поскольку одним из первых заметил процесс формирования, созревания и сплочения литературной группы, являющейся суммой весьма выдающихся талантов. Он с энтузиазмом приветствовал появление авангардной виленской группы, гласившей приближение катастрофы, вводившей в свой художественный мир космическую перспективу. Новая поэзия не боялась воззваний и патетических интонаций. Как кажется, интерес Вышомирского к лирике жагаристов носил очень эмоциональный, личный характер. Возможно, это связано с тем, что в их поэзии он видел много общего со своими собственными стихами. Аналогия главным образом касалась тематики, сводившейся к вопросам о смысле истории и природы, ставящей в центр образ человека, глубоко связанного с обеими стихиями. В этих стихах звучала нота высокого трагизма, который был следствием чувства ответственности за историю.

Поэзия Вышомирского, как и стихи входящего в силу молодого поколения, предвещала катастрофу, указывала на

экзистенциональное бессилие человека, воспевала трагизм и величие его истории. Вышомирский пытался спасти индивидуальность человека.

Жагаристов в некотором роде можно считать продолжателями идей Здеховского и Вышомирского. Их объединяло межпоколенческое эмоциональное родство. Можно бы метафорически сказать, что факел жагаристов разгорелся со всей мощью поэтического жара благодаря огоньку лирики Ежи Вышомирского. Когда спустя год, в феврале 1932 г. Мацкевич изгнал симпатизирующих коммунистическим идеям молодых поэтов с консервативных страниц своего издания, Милош со своими коллегами приняли приглашение Казимира Окулича, главного редактора газеты «Курьер виленски», где и издавали свое приложение под измененным названием «Пёны». Несмотря на это Вышомирский по-прежнему помогал молодым авторам, оказывая им — как сказали бы мы сегодня — медиальную поддержку. Он внимательно наблюдал, как развиваются таланты отдельных поэтов, рекламируя их творчество не только в локальном «Слове», но и в варшавском издании «Вядомосьци литерацке».

В 1933 г. Ежи Вышомирский вместе с братьями Мацкевичами, Юзефом и Станиславом, и Валерианом Харкевичем пишут «Виленский криминальный роман», изданный под псевдонимом Фелиция Романовская. Это был типичный роман с ключом, представлявший собой удачный марьяж политического романа с картиной нравов и быта того времени. Авторы старались писать так, чтобы читатель без труда понимал внелитературные аллюзии. Обличительный характер этого произведения позволяет причислить его к социально-политической сатире. Многочисленные литературно-политические параллели отсылают к критике лагеря санации, представленного в пародийном ключе, и воспринимаются как предостережение нации перед фашистскими тенденциями, как своеобразное литературное *temento*, приправленное специфическим виленским юмором. Этот криминальный роман напоминает литературу гротеска, типичную для таких русских классиков, как Николай Гоголь и Михаил Салтыков-Щедрин, которых Вышомирский необыкновенно ценил.

В 30-х годах «Слово», газета виленских консерваторов, становится местом для новой формы деятельности Вышомирского — публицистики. Его еженедельные фельетоны быстро принесли ему большую популярность. Благодаря ним обнаружился его необыкновенный талант провоцировать конфликты, живительные для культурной атмосферы Вильно.

Вышомирский встряхнул литературной средой и оживил ее. Однако эта популярность не была делом сугубо локальным. В довоенном Вильно Вышомирский воспринимался как человек публичный, довольно экстравагантный, но имеющий вес в журналистских и литературных кругах.

Его фельетоны в сущности не призывали к действию, апеллируя скорее к эмоциям и разуму. Вышомирский был не демагогом, но мыслителем, клерком, интеллектуалистом, предлагавшим своим читателям пищу для размышлений. При этом он жонглировал универсальными формулами, стремясь охватить всю диалектику социальной действительности. Он поднимает самые насущные глобальные вопросы и сталкивает их с «мелочами жизни». Публицистика Вышомирского лишь делает вид, что стремится вызывать возмущение, на самом же деле она иронична и автоиронична. Вышомирский упрямо и последовательно демонстрировал независимость своих взглядов на мир. Независимость была его программой, ценностью писательского призвания. До определенного времени он пользовался в «Слове» полной публицистической свободой. Произошедшие в 1936 г. антисемитские выступления показали разницу во взглядах, которая делила редакцию и ее постоянного автора. Вышомирский на несколько лет прерывает сотрудничество с газетой.

Среди множества публицистических жанров, к которым с успехом обращался Ежи Вышомирский, был также репортаж. Территорией, за которой велось наблюдение, часто были улицы Вильно. Героями его репортажей рассказов были нищие, бездомные дети, представители ночного полусвета, кишящего проститутками, бандитами и люмпен-пролетариями. Вышомирский показывает веленскую улицу как своеобразный театр, сценарий для которого пишет сама жизнь.

В богатом публицистическом наследии Ежи Вышомирского важное место занимают статьи, посвященные фильмам. Он всегда относился к кинематографу как к очень особенному виду искусства. Его знания в этой области были так обширны, что его вполне можно назвать историком, теоретиком и критиком фильма в одном лице. Высокий уровень его посвященных кинематографу статей ставит журналиста из Вильно в один ряд с самыми выдающимися польскими кинокритиками межвоенного периода. Он пропагандировал высокохудожественное, трудное кино и прекрасно видел, чем грозит инструментальный подход к фильму. В 1932 г. он вел в «Слове» постоянную рубрику «На киноленте».

Вышомирский высоко ценил фильмы таких советских режиссеров, как Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин и Александр Довженко. Из целого ряда тенденциозных, пропагандистских, славящих великодержавные устремления Сталина и советскую экономику (пятилетки и колхозы) фильмов Вышомирский умел выбрать высокохудожественные картины и объективно представить их достоинства. Именно он одним из первых обратил внимание на новаторское документальное кино и заинтересовал им польских зрителей, рекомендуя к просмотру «Турксиб» (1931) режиссера Виктора Турина.

Ежи Вышомирский многократно поднимал вопрос необъяснимого и непонятного для него негативного отношения жителей Вильно к русской культуре. Определенная враждебность по отношению к русским, православному вероисповеданию, русскому языку и литературе, возможно, была обусловлена тем, что жители Вильно, были не в состоянии отказаться от предубеждений и неприязни, которые будил в них недавний оккупант. Память о власти царской России была здесь еще слишком свежа. Кроме того, современное положение тоже вызывало опасения, непосредственным соседом Виленщины был Советский Союз, тоталитарное государство с империалистическими амбициями. Время исторических перемен было слишком коротким, чтобы жители Вильно могли успеть изменить свое веками формировавшееся отношение к русским. Не способствовала этому и заграничная политика возродившегося польского государства. Вышомирский взял на себя героический труд просвещения польского общества на Кресах Речи Посполитой. Труд основанный на огромных знаниях истории и литературы, а также личном жизненном опыте.

К тому же Вышомирскому повезло — одним из его университетских преподавателей был профессор Марьян Здзеховский. Этот безусловный моральный авторитет межвоенного Вильно, философ, историк литературы, славист, мистик, оказал огромное влияние на формирование мировоззрения Вышомирского и его творческие поиски. Профессор научил его, как следует смотреть на Россию, помогал с глубоким пониманием анализировать сложные проблемы русского народа, ценить красоту и богатство его языка и любить русскую литературу. Общественное мнение неоднозначно относилось к явной симпатии Вышомирского к русской культуре, а особенно литературе. Антагонисты называли Вышомирского и всю редакцию «Слова» гнездом русофилов.

Ежи Вышомирский был русофилом. Период 1917–1918 гг. был для него важным временем, которое позволило ему дихотомически отнестись к русской проблематике. С одной стороны, он не скрывал своего огромного уважения к той литературе, достойными продолжателями которой были эмигрировавшие писатели и поэты, жившие в Варшаве, Берлине, Париже, с другой стороны, совсем иные чувства будила в нем тенденциозная, полная пропаганды советская литература, сведшая к нулю значение человеческой личности. Большим событием был для Вышомирского визит в Вильно двух знаменитых русских поэтов Константина Бальмонта (1927) и Игоря Северянина (1928). Он принимал участие в обоих поэтических вечерах. В это же время он начал писать стихи по-русски. Сохранилось восемь рукописных текстов, написанных в 1928–1931 гг., среди них такие как: «Смерть Пушкина», «Родина», «Россия», «В сказке». Можно предполагать, что эти стихотворения появились под влиянием встреч с русскими поэтами.

Вышомирский внимательно наблюдал за жизнью русских литераторов на Западе и с огромным знанием дела комментировал ее, информируя польского читателя об издательских новинках, опубликованных за границами царской империи. Особое уважение питал он к Дмитрию Мережковскому, посвятив этому живущему в Париже русскому писателю и философу и его книге «Иисус неизвестный» фельетон, озаглавленный «Книги русского пилигримства». Содержащаяся в заглавии отсылка к знаменитым мессианским «Книгам польского народа и польского пилигримства» Адама Мицкевича заставляла польского читателя проводить параллель между ситуацией русских изгнанников и польской эмиграцией XIX века. Фельетонист отметил сходство исторических судеб обоих народов, сопоставив послереволюционную русскую эмиграцию с массовой эмиграцией выдающихся польских деятелей национального движения и культуры, которые после Ноябрьского восстания 1830 г. были вынуждены покинуть свою страну. Для одних и для других фигура Мицкевича — мастера, пророка, учителя и ясновидящего — была фигурой знаковой.

В фельетоне, посвященном памяти умершего профессора Марьяна Здеховского, Вышомирский использует заглавие любимой книги своего Учителя. Это была «Книга о смерти» русского писателя-эмигранта Сергея Андреевского, изданная в Берлине перед большевицкой революцией. Вышомирский указывает, что на способ мышления русской диаспоры значительное влияние оказал также Роберт Виппер (1858–

1954), автор нескольких изданных в 1923 г. в Берлине трактатов под общим заглавием «Круговорот истории». Много внимания посвятил Вышомирский еще одному «белому» изгнаннику — Александру Куприну (1870–1938), который в конце концов все же отказался от судьбы эмигранта и вернулся из Парижа в Россию. В 1932 г. он публично, на страницах газеты, разделял с русскими горечь поражения, когда Нобелевскую премию не признали — как когда-то Льву Толстому, которого он считал величайшим европейским писателем XIX века — ни Дмитрию Мережковскому, ни Максиму Горькому. С искренней радостью воспринял он известие о присуждении этой премии в 1933 г. Ивану Бунину, которого считал продолжателем поэтических традиций Пушкина и Лермонтова. Вышомирский напомнил польским читателям о причинах, которые вынудили поэта оставить Россию после победы большевистской революции. Культ традиции и любовь к российской деревне — вот ценности, которым Бунин оставался верен на эмиграции. Вышомирский считал, что Шведская академия признав эту престижную премию Ивану Бунину исправила свои прежние ошибки и подтвердила европейское значение русской литературы.

Вышомирский познакомил польского читателя с жизнью и творчеством Михаила Салтыкова-Щедрина, посвящая особое внимание характеристике его иронического взгляда на мир и суровой оценке, которую Салтыков выставил собственной родине. Можно предположить, что, описывая в своей статье российскую действительность XIX века, на самом деле автор под этим историческим прикрытием дает острую характеристику социально-политическим отношениям, господствующим в межвоенной Польше. Признавая за Щедриным право на критику, Вышомирский как бы оправдывает самого себя в глазах польской читающей публики за свою публицистическую деятельность, которая была продиктована искренним беспокойством о судьбах родины. Вышомирский дал положительную оценку исторической повести Юрия Тынянова «Пушкин», которая в переводе Я.П. Зайончковского вышла в издательстве «Рой». С не меньшим энтузиазмом встретил он, впрочем, и польское одноименное издание «Пушкин 1837–1937» под редакцией Владислава Ледницкого, приуроченное к сотой годовщине смерти величайшего русского романтика. В очередной раз польский публицист категорически утверждал, что «необходимость исследовать русскую культуру настолько очевидна, что не стоит обращать внимание на мнения об этой культуре наших отсталых узколобых русофобов».^[1]

В межвоенный период в Варшаве весьма активно в области культуры действовала послереволюционная русская эмиграция. Лекции и многочисленные публикации в прессе Дмитрия Мережковского, Михаила Арцибашева и Дмитрия Филоsoфова всегда живо интересовали Вышомирского, который следил за ними в разные периоды своей жизни: и будучи студентом, и учителем гимназии, и фельетонистом «Слова». Чтение варшавской («Молва», «За свободу!», «Меч») и виленской («Русское слово», «Виленское утро», «День») эмиграционной русской прессы было его обязательным ритуалом. Особым его расположением пользовался Дорофей Бохан, переводчик польской литературы и виленский критик, бывший сердечным другом Польши и поляков. Другой русский литератор, живущий в Варшаве Георгий Соргонин прислал ему в Вильно свою пьесу в четырех действиях «Арифметика жизни». Дарственная надпись на полученном экземпляре пьесы побудила Вышомирского сделать ряд искренних заявлений, в которых он признается в своей симпатии к России: «Русскую литературу я считаю одной из самых великих в Европе. Я ценю и люблю ее. Такое мое отношение естественно проявляется в посвященных ей фельетонах и частенько вызывает с польской стороны упреки в «русофильстве», видимо, из-за этого русские считают меня своим другом и знатоком русской действительности. Другом я несомненно являюсь, а вот знатоком — вряд ли. Чужая душа — потемки, как говорится в известной русской пословице, вот и русская душа покрыта для меня мраком, но этот мрак меня влечет. Французы говорят «*la tentation russe*» — русский соблазн. Однако меня Россия манит не так, как манит Францию или европейский Запад (например, Томаса Манна в «Волшебной горе»). Меня манит Россия Достоевского^[2].

7 июля 1936 г. «Слово» начало публиковать очередные части романа Вышомирского «Труд правды». Это был его очень удачный дебют в прозе. Роман посвящен детству, молодости и процессу взросления польского мальчика, сына полковника царской армии, который вместе с родителями живет на территории военных казарм. Действие этого автобиографического романа с ключом происходит в начале XX века. Место действия носит отпечаток реальных мест, и хотя автор не использует конкретные топонимы, можно предположить, что городок, в котором расположился гарнизон царской армии, это Замбров, а губернский город — Ломжа. Роман Вышомирского типичен для своего времени, представляя собой литературную автобиографию детских лет. Исследуя психику ребенка, автор показывает, что это очень сложный механизм, действие которого осложняется еще и тем,

что главный герой, Роман, занимает весьма специфическое место — на пограничье. Это место заставляет мальчика делать выбор, и часто ему приходится принимать весьма драматические решения, выбирая между отцом и матерью, между поляками и русскими, между жизнью и смертью. Волей писателя его решения иррациональны, принимаются по велению плывущего из глубины души «зова крови».

Чтение романа показывает, что автор прекрасно знаком с армейскими реалиями. Создавая портреты солдат, автор рисует сложные и весьма разнообразные типы личностей. Ментальность людей, живущих в казармах и по законам казармы, проявляющаяся в агрессии, садизме, была предостережением для современного польского читателя. Писатель еще раз показал механизм манипуляции толпой и его трагические последствия. Предложенный Вышомирским анализ русской души глубок и убедителен. «Русская душа покрыта для меня мраком, но этот мрак меня влечет». Этому соблазну поддается главный герой — Роман, в образе которого явственно прослеживается отсылка к Мартину Боровичу, герою романа «Сизифов труд» Александра Жеромского. Мальчику очень импонирует поручик Павлов, друг дома. Русские офицеры в романе Вышомирского страдают, они живут в тени «азиатского комплекса», проявляющегося в склонности к насилию и жестокости. Невероятно мощно описанная сцена солдатского бунта в казармах позволяет предположить, что автор был свидетелем подобных происшествий. Бунт солдат является тут заменителем, а одновременно предчувствием грядущей революции — грозной и варварской, причины которой «должно быть крылись в области недоступной познанию». «Труд правды» — это богатый, многоаспектный роман о взрослении и созревании.

Вышомирский всегда мечтал, чтобы Польша была культурным мостом, связывающим Восток с Западом, хотел, чтобы Вильно, значительный университетский центр, играло ведущую роль в этих цивилизационных переговорах, чтобы было открытым, до мозга костей европейским городом. Его представления столкнулись со взглядами местного консервативного истеблишмента. Вышомирский отдавал себе отчет в том, как опасны для развития города партикулярные интересы правящих кругов. Воспеваемая ими провинциальность, радости жизни в «милом городе», его мифологизация — все это обрекало Вильно на застой. Таким начинаниям Вышомирский неоднократно противился, навлекая на себя всеобщее осуждение и остракизм.

В сентябре 1939 г. Вышомирский с женой Анастасией и месячным ребенком покинули родной город и добрались до Варшавы. Благодаря Леону Помировскому Вышомирский втянулся в конспирационную работу, в частности, помогал редактировать подпольный еженедельник «Голос правды», который издавал Польский союз свободы. Ему же Вышомирский обязан активным участием в жизни оккупированной Варшавы, в рамках «тайного обучения» он вел занятия по русскому языку в Варшавском университете, перешедшем на нелегальное, подпольное положение.

Летом 1940 г. в Варшаве Ежи Вышомирский работал в тайной театральной школе. С 1942 г. сотрудничал с отделом информации и пропаганды главного штаба польской Армии Крайовой. Вышомирский ведет активную политическую конспирационную деятельность. Начальство, используя его писательский талант и опыт журналистской работы, направило его в литературный отдел.

В 1945 г. он сразу же погружается в водоворот творческой работы. Его фельетоны публикуют «Жечпосполита», «Одродзене», «Дзенник лудзки», «Дзенник балтыцки» и «Польска вызволёна». Ему необходим был ежедневный контакт с газетой и читателем. Он часто говаривал: «Писатель, который может не писать несколько месяцев, который может без этого обойтись — не писатель». Сам он писал ежедневно. Живо реагировал на события 1946 года, названные позже «келецким погромом». Вышомирский остро критиковал инструментальное использование литературы в политических и идеологических целях. Этот «неисцелимый гуманист», как он сам себя называл, был не в состоянии принять соцреализм. Ян Копровский, лодзкий литератор, вспоминая своего соседа и друга, описал одну характерную сцену как нельзя лучше отображающую позицию Вышомирского в то время: «Я помню, как во время самого расцвета у нас — и не только у нас — схематизма, Вышомирский вытащил с нижней полки своей библиотеки старое издание Достоевского, раскрыл раздел «Братьев Карамазовых», озаглавленный «На одну минутку ложь стала правдой», и сказал: «Вот, к сожалению, неписанный эпиграф нашей литературы. Нет в ней правды, одна ложь».^[3]

Он боролся с создателями нового литературного течения — соцреализма. Неоднократно полемизировал с Ежи Бореишей, Адамом Важином и Стефаном Жулкевским. В литературной среде Лодзи Вышомирский чувствовал себя изгоем. Печатались далеко не все его фельетоны, многие тексты задерживала цензура. Проблема была в том, что при этом он должен был

как-то зарабатывать на жизнь, ему приходилось мириться с окружающей его реальностью, которую он при этом не одобрял и не принимал. Его отношение к действительности было крайне негативное, даже, можно сказать, враждебное. Однако ему приходилось искать в ней для себя место, несмотря на то, что это было болезненно и неприятно. Когда фельетоны превратились в источник страданий, когда в них ему приходилось предавать самого себя, смысл творческой работы он нашел в переводах. В этой области ему удалось реализовать свой творческий потенциал.

Вышомирский считался прекрасным переводчиком русской литературы, это общепризнанное мнение разделяли Ян Копровский, Ян Хуца, Чеслав Милош, Павел Герц, Земовит Федецкий. Последний из них сказал мне в интервью: «Я считаю его самым выдающимся переводчиком с русского языка, какой у нас вообще когда-либо был. Мне его переводы нравятся больше всего. Они лучше переводов Тувима. Я сам переводчик и знаю, что говорю».

Ежи Вышомирский свой переводческий талант обнаружил еще в 30-х годах в Вильно, когда сотрудничал со «Словом». Его тогда еще робкие анонимные переводы фрагментов стихотворений, текстов русских философов и даже рассказов свидетельствовали как о его интересе к этому роду деятельности, так и о потенциальных возможностях. Во время гитлеровской оккупации он перевел «Осеннюю скуку» Некрасова и рассказы Гоголя. Сразу после войны, можно сказать, по горячим следам, он перевел на польский язык повесть Константина Симонова «Дни и ночи». В июне 1945 г. газета «Жечпосполита», начиная с № 148 начала печатать эту повесть в отрывках. Переводчик свою работу снабдил вступительной статьей «Рассказ о Сталинграде». Описывая проделанную работу, он признавался: «Что касается меня — за текстом Симонова я следую по-рабски, только, конечно, русский синтаксис переделываю на польский, в согласии с духом польского языка. А вот делать стилистические поправки я себе не позволяю, хотя надо признать, что стиль Симонова — очень острый, дельный, точный и живой — иногда грешит небрежностью, которая, видимо, является следствием спешки и журналистского навыка военного корреспондента... Переводчик не имеет права переделывать оригинал.»^[4]

Статья Вышомирского была первым послевоенным голосом на тему искусства перевода. Можно предположить, что его выступление обозначило границу творческих, но далеких от самоволия действий переводчика по отношению к оригиналу.

Он определил образ действий, присущий профессиональному переводчику. Переводом романа Константина Симонова он снискал себе славу в литературной среде и зарекомендовал себя как переводчик.

В 1948 г. выходит сборник рассказов Николая Гоголя в его переводе. Это был официальный переводческий дебют. В сборник вошло шесть рассказов: «Как поспорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Коляска», «Заколдованное место», «Нос», «Шинель», «Утро делового человека». Некоторые из них были переведены еще до войны. Тогда Вышомирского вдохновил заняться переводами Юлиан Тувим, бывший для него образцом поэта и переводчика. Перевод «Шинели» был особенно удачен. Именно его выбрал Земовит Федецкий, редактируя для издательства «Читательник» в 1950–1951 гг. так называемую «Золотую серию русской литературы». Такой же выбор сделал профессор Рене Сливовский в 1992 г., готовя к изданию серию «Шедевры русской литературы». Кроме того, Земовит Федецкий специально заказывал у Вышомирского переводы рассказов Гоголя. В первом томе польского издания «Избранных сочинений» Гоголя Федецкий лишь один текст дал в переводе Тувима («Ревизор»), все остальные вышли из-под пера Вышомирского.

Ежи Вышомирский особенно любил Антона Чехова, который был для него идеалом как писателя, так и человека. Вышомирский восхищался чеховским трудолюбием, а также его необыкновенной скромностью и простотой. Польский поэт полностью разделял взгляды Чехова на жизнь и искусство. Кроме Чехова и Гоголя он переводил на польский язык произведения других русских классиков: Фонвизина, Островского, Толстого, Лескова, а также советскую литературу, в частности «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, «Дни и ночи» Константина Симонова и рассказы Максима Горького.

Вышомирский был не только выдающимся польским переводчиком русской литературы, но и влиятельным теоретиком искусства перевода. В ходе переводческой работы он вел теоретические исследования, предостерегал других переводчиков перед опасностью дословного перевода, старательно копирующего оригинал, перед слепым доверием к данным словаря. Он многократно повторял, что каждое слово имеет смысл только в контексте, только в предложении, и изменение контекста может привести к изменению смысла слова. Остерегал он и перед потерей национального колорита.

Сумма названных элементов складывается на сущность произведения, которую Вышомирский называл «духом языка». Для такого выдающегося практика и теоретика перевода, каким он был, это вовсе не метафора. Из его статей следует, что «дух языка» — это явление конкретное, реальное, создающее многим переводчикам большие трудности, преодоление которых и определяет качество перевода. Лишь переводчика, отвечающего вышеназванным критериям, Вышомирский считал достойным имени творца и художника.

В категории «лучший перевод года» Вышомирский неоднократно номинировался на награду ПЕН-клуба, но лауреатом премии так никогда и не стал. Остракизм польских литературных кругов лишил его этой награды.

За полгода до смерти Клуб общества польско-русской дружбы в Лодзи попросил его представить доклад о творчестве Антона Чехова. Эта просьба была признанием его эрудиции и знаком уважения. В художественной части вечера собравшейся публике была представлена одноактная пьеса Чехова, сыгранная по-русски и по-польски в переводе Вышомирского. Еще за месяц до смерти неутомимый переводчик готовил для издательства «Читательник» перевод никогда ранее не переводившихся рассказов Николая Лескова. Начал переводить рассказы Лидии Сейфуллиной. Он уже знал, что тяжело болен. Операция не помогла. Призрак приближающейся смерти витал над ним. Начались проблемы с алкоголем. Этот период его жизни был периодом деструкции. 2 июля 1955 г. Ежи Вышомирский покончил с собой.

В многочисленных энциклопедиях, справочных материалах и словарных биографических статьях в графе «дата рождения» указан 1900 год. Эта ошибочная дата — одна из его многочисленных мистификаций поэта. Вышомирский не хотел иметь ничего общего с XIX веком, связывая большие надежды с веком XX. Оказалось, что ему суждено пережить все зло этого столетия: Первую мировую войну, октябрьскую революцию, польско-большевицкую войну, Вторую мировую войну, сталинизм. Его творчество — это летопись потерянных иллюзий. Так между Вильно и Лодзью свершилась жизнь этого необыкновенного человека, поэта, фельетониста, переводчика.

-
1. J. Wyszomirski, Smutna refleksja, „*Slowo*” 1939 nr 103
 2. J. Wyszomirski, Zycie bystre jak fale, „*Slowo*” 1939 nr 10.
 3. J. Koprowski, Ludzie i ksiazki, *Lodz* 1965, s. 128.

4. J. Wyszomirski, Opowiesc o Stalingradzie, „Rzeczpospolita” 1945
nr 148.

ИЗ НЕИЗДАННОГО

Родина

Для того ль сверкали молнии
И ревел раскатом гром,
Чтоб в края чужие, дальние
Вал унес, разрушив дом?!

Мне, не верящему в дикую
Распоясанность твою
Разлюбить бы многоликую —
Умереть в чужом краю.

Без измены — стал изменником
И на воле — чужаком
Слез и жизни темным пленником —
От рыданий в горле ком.

Далеко сады раскинулись
В глубь уходят зелены.
Только сумерки надвинулись
Зажечь нечем уж огня.

Рожь, ковыль — в садах смородина —
В городах ночная жуть.
Позади осталась Родина.
Впереди — неведом путь.

1929

Зима

Загораются снежные дали
И уходят куда-то дома.
И просторы из белой эмали
Кажет лентой широкой зима.
И лихие ямщицкие песни
Вспоминаются в неге и в сне.
И понятнее, глубже, чудесней
Их напев о любви и вине.
Вспоминаются зимние ночи
На далекой родной стороне
И — с морозцем — холодные очи
И объятия в снежном огне.
Поцелуй мотыльковых снежинок —
Как холодная влажная сталь —
Тихой скорбью снежных поминок
Затуманена Родины даль.

1929

В сказке

Вы — Спящая Царевна. Иль нет, Вы — Сандрильона
Я Принц — и я примерил на ножку башмачок.
Я Принц, я отыскал Вас среди миллионов,
Нашел и улыбнулся, как Ванька Дурачок.
Накормит и напоит нас скатерть — самобранка,
Мы шапкой — невидимкой укроемся от всех.
Седой Кощей с Ягою, проснувшись спозаранку,
Подавятся от злобы, услыша где-то смех.

И мы уже далеко. Мчит Серый Волк в хоромы,
А в свете мальчик-с-пальчик, Кот — Васька в сапогах,
Жар — Птица золотая — и карлики и гномы —
И ветер свищет песни — в лесах, в полях, в лугах.
Но это все — из сказки. А в жизни: муж и дети,
И дом, и свет, и сплетни, и море слез и зла —
Растаял мальчик-с-пальчик. Ушел и принц в берете,
Ощипана Жар — Птица для буднего стола.

1929

Родина

*Но и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне
Ал. Блок*

Пригорок. Спуск. Корней ступени
С обглоданной корой сосна
С корявою березкой в смене
Плывут в тумане грез и сна.
Крест деревянный у дороги
Густой травой порос валун
И пятна яркие — нестрогие —
В канавке разбросал колдун.
И в пажитях — за вечным плугом
Подпрыгивающая тень.
И на окраине за лугом
Полоской крыши деревень.
И холм — как братская могила...

В зеленом картузе лесник...

О, родина! Все, все мне мило:

И грусть твоя, и скорбный лик.

1929

Странички прошлого

В лавке с скобяным товаром, два отъявленных лентяя,

Долго роясь, покупаем для ошейника замок.

У меня вид Монте-Кристо, Миша слыл всегда
слюнтяем

От сердечного волнения весь в поту. Насквозь промок.

А потом вдвоем у карты. На носу уже экзамен.

Что-то нам споет «Дедюля» (наш географ) поутру ?!

Тут же с нами Мишин пойнтер. Смотрит умными
глазами.

Я влюблен в его собаку, он влюблен в мою сестру.

У меня душа поэта, Миша весь пропах цыганом.

Пса целую прямо в морду, позабыв Смирнова план.

На ошейнике замочек — восемь гривен чистоганом.

Хочешь, получай собаку — отдавай сестру взамен.

Годы столько изменили в всплывшей в памяти
картине:

Пойнтер сдох. Сестра в Париже. Мише тридцать
восемь лет.

Видный он кооператор на Советской Украине.

Я один лишь неизменен. До сих пор еще — поэт.

1930

О Петербурге

Так тягостно, как от недуга острого

Овеяны уж духом старины
И линии Васильевского острова,
И камень Петербургской стороны.
В изгнании, в чужой и в пыльной комнате,
(Реликвией бывшее унеся)
Вы помните, вы помните, вы помните
О городе, что позабыть нельзя.
Пусть время пригрозит седыми буклями
Мечты своей не предадите вы —
Ни в Праге, ни в Варшаве и ни в Бруклине
И Сена не заменит вам Невы.

1931

ЧУЖОЙ

Я лично никого не хочу завоевывать, а тем более не стремлюсь навязать кому-либо свое мнение. Я хотел бы только приоткрыть краешек некоторых истин, о которых не принято говорить, и привести некоторые факты с оборотной стороны медали и тем самым заставить кое над чем задуматься. <...> Ибо я не чувствую себя ни обязанным делать какие-либо реверансы по отношению к международному коммунизму, ни щадить его интересы.

Юзеф Мацкевич

Так писал Юзеф Мацкевич в вышедшей в 1962 году книге «Победа провокации». Вопросы, поднятые в этом документально-публицистическом сочинении автором, знаменитым польским писателем и журналистом, чья долгая и полная всевозможных передряг жизнь была неразрывно связана с борьбой против этого мирового, самого страшного — как считал сам Мацкевич — на планете зла, — вопросы эти оказались столь пугающи, а ответы столь безжалостны и безжалостностью своей столь страшны, что ни одно издательство, в которое Мацкевич посылал свой манускрипт, не захотело его издавать. И тогда автору не осталось ничего иного, как издать книгу самому — за свой счет, на средства, сэкономленные от мизерных гонораров за публикации в польской эмигрантской прессе и от того, что ему платили за выступления на радио.

Когда в свободной от цензуры стране книгу не удастся выпустить начинающему писателю, стремящемуся поразить коллег-конкурентов своими оригинальными идеями, — это заурядная обыденность. Но когда издатели отказываются брать рукопись у человека с именем, и не просто с именем, а с таким, которое вызывает в читательской среде взаимоисключающие оценки — от безоговорочного принятия и восхищения до не менее категорического осуждения и отторжения, — такой факт всегда свидетельствует только об одном: речь идет не столько о тексте, сколько о его авторе. И автор этот — из тех, что в редакторско-издательских кабинетах упоминается обычно с ярлыком «неудобный».

* * *

Бывают такие люди. Неудобные. Всегда и во всем. Поскольку с самого рождения обладают ярко выраженным критическим восприятием окружающей их действительности и совершенно не желают в нее встраиваться, приноравливаться, существовать по принятым в социуме понятиям и уж тем более колебаться вместе с генеральной линией партии. У общества эти люди всегда как бельмо на глазу. Потому что наделены способностью видеть в его, общества, глазу не только телеграфные бревна, но и мельчайшие соломинки. На наличие которых тут же обществу и указывают, для наглядности еще и тыкая ему в очи своим немытым пальцем — а вот! гляньте-ка сюда!..

Это очень нехорошие люди. Их никто не любит. В нормальных, цивилизованных странах их в лучшем случае терпят — как терпят плохую погоду, когда она бывает плохой, как дурное настроение жены или ненароком вздумавшую нагрязнить в гости тещу. В странах ненормальных, чьи обитатели кичатся на весь остальной мир своей неизъяснимой духовностью, но не считают нужным сливать за собой воду в сортире и подбирать говно с асфальта за своими собачками, таких людей обычно стараются изолировать или ликвидировать. Дабы не баламутили людям мозги и не кричали на каждом углу, что национальный лидер — без разницы, как он в данный момент именуется: вождь, фюрер, дуче, генсек, каудильо или, скажем, великий кондуктор и гений Карпат — голый.

Поэтому я считаю, что человеку, о котором пойдет разговор далее, несмотря на все выпавшие на его долю трудности, просто ужасно повезло. Поскольку Судьба, не сумев уберечь его от суммы, от тюрьмы оградить сумела. А для человека, появившегося на свет в начале двадцатого столетия в России и бывшего по рождению не только дворянином, но и инородцем и иноверцем, такое везение является свидетельством несомненной защиты свыше.

* * *

Юзеф Мацкевич родился в Санкт-Петербурге 1 апреля 1902 года. Его отец — Антоний Мацкевич, потомственный дворянин Виленской губернии, был представителем той ветви легендарного шляхетского рода, которая, однажды пойдя в сторону от основной ветви — Мицкевичей, далее развивалась самостоятельно и параллельно, производя на свет поляков хотя и не столь известных как тот самый Адам, но не менее одаренных способностями, в том числе и литературными. Антония Мацкевича литература не очаровала, он был коммерсантом, подвизавшимся в сфере виноторговли

(совладелец и директор фирмы импорта вин «Фохтс и К°»), однако его дети оказались подвержены этой страсти в высшей мере. Мать Юзефа, урожденная Мария Петрашкевич, была родом из Кракова.

В 1907 году семейство Мацкевичей покинуло столицу Российской империи и переехало на родину его главы — в Вильну. (Так звучало на русском название этого городка, который поляки именовали на привычный им манер — Вильно, а литовцы называли Вильнюсом.) Это было место, где очень тесно соприкасались национальные обычаи и привычки трех народов; культурно-этническая среда была крайне пестрой, разношерстной, неустойчивой. Как следствие, и в самом городе и в крае, центром которого он являлся, то и дело возникали очаги межнациональной напряженности, годами тлели различные социально-политические конфликты. Единственной скрепой, до поры до времени скрепляющей сложившееся без малого столетие назад положение, была власть назначаемого из столицы губернатора, единственным аргументом губернатора — штыки и шашки стоящего в городе гарнизона. Ну и артиллерия, конечно же, куда же без нее.

В 1910 году юный Юзеф поступил в классическую гимназию Виноградова. Четыре года спустя безоблачному детству его пришел конец. Сначала умер отец, затем началась Мировая война. Вильна находилась в ближайшем тылу, через считанные недели городок был наводнен госпиталями. Его население, насчитывавшее перед войной примерно 215 000 жителей, резко увеличилось за счет притока раненых и увечных солдат и офицеров Русской императорской армии. Гимназия, в которой учился Мацкевич, была эвакуирована в Москву. Семья Мацкевича уезжать не захотела, Юзеф перешел учиться в школу профессора Костялковского.

В апреле 1915 года немецко-австрийские войска перешли в наступление по всему Восточному фронту. Русская армия, не готовая к такому повороту дел, вооруженная устаревшим оружием и руководимая бездарными командирами, терпя одно поражение за другим, стремительно покатила на восток. 5 сентября в Вильну вошли немцы. Началась жизнь в условиях оккупации, продлившаяся более трех лет.

В феврале 1917-го в России произошла революция. Царь Николай II отрекся от престола, монархия пала. Временное правительство объявило о предстоящем созыве Учредительного собрания, которое должно будет принять решение о форме дальнейшего государственного устройства. Однако в ноябре, за две недели до выборов в это собрание,

Временное правительство было свергнуто, власть захватили большевики, про которых на каждом углу судачили, что они все как один — предатели и германские шпионы, а их главарь Ленин заслан в Россию по приказу кайзера Вильгельма для антироссийской подрывной деятельности на немецкие деньги. Захватившие власть «предатели и шпионы» объявили войну «мировому капиталу и его прислужнице буржуазии» и развязали в России гражданскую войну. В стране начался тотальный хаос и бардак. Кровавое безумие выплеснулось и за пределы собственно России, затронув в том числе и Виленщину.

Воссозданная из ничего, словно Феникс из пепла, Речь Посполитая считала эти земли своей неотъемлемой частью. Провозгласившая государственную независимость Литва считала ровно наоборот. В большевистской Москве считали, что коммунизм должен завоевать весь мир, поэтому ни о какой независимой Польше, тем более Литве, и речи быть не может, а проблема только в том и состоит, что непобедимая Красная армия еще недостаточно сильна для того чтобы двинуться на Варшаву и Берлин. В Берлине же были уверены, что раз германский Генеральный штаб однажды переправил Ленина и его поделщиков в Россию в запломбированном вагоне на мешках с немецким золотом, то Ленин, как агент германского Генерального штаба, должен выполнять ранее достигнутые договоренности и за пределы бывшей Российской империи, урезанной по условиям Брестского мирного договора, никуда нос совать не должен. А кто такой Троцкий, там вообще понятия не имели, поскольку не с ним про деньги договаривались.

Конфликт был неизбежен.

В январе 1919 года шестнадцатилетний гимназист Юзеф Мацкевич уходит добровольцем на войну с большевиками. Оставив школьную парту, он садится на коня и воюет с новыми захватчиками в рядах полка виленских улан. На польской стороне сражались не только поляки, но также и русские добровольцы, в том числе кубанские казаки. Встреча с ними оказала существенное влияние на будущее литературное творчество и политические взгляды Мацкевича.

В июле 1920 года красные орды под командованием бывшего поручика царской армии Михаила Тухачевского вторглись в Польшу с востока и развернули наступление на Варшаву. В середине августа, когда большевики вышли на ближние подступы к столице, польская армия осуществила перегруппировку и перешла в контрнаступление. Мацкевич

сражался на северном участке фронта, его кавалерийская часть действовала против Третьего конного корпуса красных — главной ударной силы большевистского вторжения. В результате решительных действий польского командования Третий конный корпус был окружен и прижат к польско-немецкой границе. Его бойцы и командиры часть были перебиты, частью сдались в плен, остатки же перешли на территорию Восточной Пруссии, где были разоружены и интернированы.

Большевистская авантюра по покорению Европы позорно провалилась. Поляки отбили почти все ранее оставленные территории, в том числе и Виленщину — причем не только у большевиков, но и у литовцев, выступивших хотя и формальными, но союзниками красных во время их агрессии против Польши. В марте 1921 года между Польшей и Советской Россией был заключен мирный договор. Год спустя Польша де-юре присоединила к себе Вильно и прилегающие к нему территории.

Правительство Литовской Республики не признало аннексии Виленского края Польшей. Оно отказалось поддерживать с соседней страной не только дипломатические отношения, но также и транспортное и почтовое сообщение. Более того, Вильнюс был официально провозглашен Литвой своей подлинной столицей, тогда как Каунас, в котором находились все органы государственного управления, именовался столицей временной, до восстановления контроля над настоящей. Естественно, в условиях столь жесткой конфронтации та часть польской национальной и интеллектуальной элиты, что являлась выходцами из Виленского края, не могла восприниматься в Варшаве как полностью благонадежная и безусловно патриотически ориентированная. Мацкевич же принадлежал именно к этой ее части.

* * *

Демобилизовавшись, бывший улан Мацкевич в 1921 году поступил на факультет естественных наук Варшавского университета, откуда вскоре перевелся в только что созданный университет имени Стефана Батория в своем родном Вильно. Местечковый — если данный термин применим к личности Мацкевича — патриотизм оказался сильнее заманчивых столичных перспектив. Кроме того, юноша хотел писать. А путь в литературу довольно часто лежит через журналистику. Газетная поденщина сплошь и рядом вызывает у вынужденного ею пробавляться начинающего литератора головную боль и рвотные позывы, но она же позволяет ему

набить руку и дисциплинирует по части стилистики, способствуя безжалостной отбраковке всего лишнего в угоду главному.

В 1923 году Юзеф Мацкевич начинает работать репортером в редакции виленской ежедневной газеты «Слово».

* * *

И тут никак нельзя удержаться от того, чтобы хотя бы коротко не рассказать о человеке, оказавшем на жизнь и судьбу Юзефа Мацкевича воздействие настолько существенное, что переоценить его просто невозможно.

Человека звали Станислав. Станислав Мацкевич. И был он не кем иным, как старшим братом Мацкевича Юзефа.

Первый сын Антония Мацкевича был старше своего брата на пять лет. Он родился в Санкт-Петербурге 18 декабря 1896 года, и детство его было точно таким же, как впоследствии у Юзефа: переезд вместе со всей семьей из столицы империи в Вильну, учеба сначала в гимназии имени императора Александра I, затем в гимназии Виноградова. С подросткового возраста Стась начал проявлять чудовищную строптивость, никого из родственников в плане авторитета и в грош не ставил. Шестнадцатилетним сбежал в 1913 году из дому и уехал в Краков; там попытался стать студентом местного Ягеллонского университета, не имея законченного среднего образования. Получив от ворот поворот, весной 1914-го вернулся под родительский кров. Однако проявившихся у себя авантюристических склонностей смирять не пожелал, дожидаясь лишь только подходящего для их реализации повода.

Повод появился во время смутного времени, когда в 1919 году на Польшу напали большевики. Станислав Мацкевич сначала присоединился к партизанскому отряду, затем поступил в регулярную армию — уланом, как и его младший брат Юзеф. Демобилизовавшись после победы, навсегда простился с воинской службой, женился и решил стать человеком, оказывающим воздействие на окружающие его умы. А для того чтобы стать человеком, способным оказывать такое влияние, лучшего способа, нежели собственная газета, в те времена не существовало.

В 1922 году, заручившись поддержкой крупных помещиков-землевладельцев Виленщины, Станислав Мацкевич выступил в качестве учредителя и издателя новой ежедневной газеты,

призванной стать рупором интересов коренных жителей Виленского края, заинтересованных в экономическом прогрессе и политической стабильности. Первого августа 1922 года первый номер газеты «Слово» появился на улицах Вильно. Стоит ли лишний раз упоминать о том, что главным редактором этого издания в выходных данных значился все тот же Станислав Мацкевич?

Своего младшего брата Станислав потянул за собой. Тем более что тот не сильно этому и противился.

* * *

По характерам братья Мацкевичи были людьми совершенно разными. Старший — шумный, яркий, стремительный, явно выраженный популист и краснобай, этакая помесь Портоса с Арамисом — из тех, про которых сложена присказка, гласящая, что такой «ради красного словца выпилит домино из костей родного отца». Младший — тихий, сдержанный, себе на уме, под покровом внешней учтивости и кажущихся старомодными манер скрывающий ледяное презрение к тем, кого считал быдлом, и стальную волю, проявлявшуюся всякий раз, когда ему требовалось настоять на своем.

Знаменитый польский поэт и эссеист, лауреат Нобелевской премии 1980 года Чеслав Милош так вспоминал о начале своего знакомства с Юзефом Мацкевичем:

«Перед войной он был сотрудником виленского “Слова”, редактор которого, его брат Станислав Мацкевич, устраивал много шума, сражался статьями, политиканствовал, дуэлянтствовал (на саблях), попал за оппозиционность в лагерь в Березе-Картуской. А Юзеф сидел где-то в редакции, и это все, что о нем было известно»^[1].

Младший из братьев Мацкевичей запомнился Милошу таким:

«Ворчливый, из тех, чей кривоватый нос будто в рюмку заглядывает, в фуражке с околышем, часто в домотканой одежде и сапогах, он мог бы сойти за серенького мелкого шляхтича прямо из деревни. Он любил по ночам выпивать в виленских ресторанах, <...> но <...> литературой не интересовался. А уж о поэзии с ним наверняка не удалось бы поболтать. Хотя, кажется, он обладал начитанностью нередкого тогда у нас рода — в русской литературе XIX века»^[2].

Воспоминания свои Чеслав Милош писал спустя много десятилетий после описанных в них событий. С самого начала

признавшись в том, что Юзефа Мацкевича во времена своей виленской молодости он почти не знал (этому способствовало не только то, что Милош был поэтом, а Мацкевич к поэзии никакого отношения не имел, но также и существенная разница в возрасте: Чеслав был на девять лет моложе Юзефа, а в молодости такие вещи играют более чем существенную роль), — Милош, однако же, сумел нарисовать довольно точный портрет героя своих мемуаров. Обращаясь к тому, что сохранилось в его памяти, нобелевский лауреат извлек из ее кладовки не только кривоватый нос не упускавшего случая выпить-закусить Мацкевича, но и исповедуемые тем в ту пору взгляды на окружающую их действительность:

«Я не сумел бы вообразить его варшавским или краковским литератором. Он жил в городе, который оставался для него столицей Великого княжества Литовского, и был патриотом этой земли. Думаю, что уже сегодня более молодым поколениям трудно себе представить, о каком переплетении лояльности тут шла речь и почему такие, как он, с одинаковой неприязнью относились как к польским патриотам, так и к патриотам литовским или белорусским»^[3].

Судя по всему, таким Мацкевич в предвоенные времена и был. И хотя он, в отличие от своего старшего братца, умудрившегося весной 1939-го, перед самой войной, угодить ненадолго в концлагерь для «подрывных элементов» (предвоенное польское правительство вообще отличалось удивительной способностью совершать поступки не просто на грани идиотизма, но и за гранью оно), никогда прямо на скандал не нарывался, отношение Юзефа к центральным властям Польши было не менее критичным, нежели отношение Станислава. Просто он не трубил о своих взглядах на каждом углу, предпочитая словам — перо, а саблям — газетную бумагу.

* * *

Начав публиковаться в «Слове» как журналист, Юзеф Мацкевич довольно быстро приобрел устойчивую репутацию регионального патриота Виленщины. Через всю его газетную писанину красной, что называется, строкой проводилась мысль о необходимости отстаивать интересы края перед поползновениями со стороны центральных властей, всячески пытающихся ограничить его полномочия и нивелировать присущие Виленщине особенности. При этом он был категорически против бытовых и политических проявлений любого из трех имевших место на его родине национализмов — как польского, так и литовского, а равно и белорусского.

Последний, впрочем, проявлялся не особо заметно, он скорее тлел, как тлеет торф под болотными кочками. Журналистика Мацкевича была направлена еще и против местной администрации, стремившейся покончить с национальным и религиозным многообразием этого края — бывшего Великого княжества Литовского, колыбели польской государственности — во имя неких туманных (на взгляд Мацкевича) «польских государственных интересов». Естественно, наработанная Мацкевичем за долгие годы газетного журнализма репутация никоим образом не способствовала благожелательному к нему отношению со стороны правительственных функционеров из Варшавы. Но главный редактор «Слова» раздражал центральные власти неизмеримо сильнее, чем его младший брат.

* * *

В 1924 году Юзеф Мацкевич женился. Избранницей его была барышня по имени Антония Копайская, и это все, что о ней известно. Брак оказался неудачным, через несколько лет семья распалась. В молодости такие неурядицы случаются со многими мужчинами, но не у многих находится потом желание попробовать завести семью снова. У Мацкевича желание нашлось.

В 1934 году в редакции «Слова» появилась двадцатилетняя начинающая журналистка Барбара Топорская. Она была родом из Варшавы, до приезда в Вильно изучала польскую литературу и философию в университете города Познань. Служебный роман — явление широко распространенное, хотя и не обязательно заканчивающееся венчанием в костеле. У Юзефа и Барбары он завершился именно так. Вторая женитьба оказалась для Юзефа много более удачной, чем первая. Во-первых, потому, что стала не только второй, но и последней. Вся последующая его жизнь — более полувека — прошла рядом с женой. Барбара оказалась для своего мужа не только супругой, но и единомышленницей. Физиологическая страсть между мужчиной и женщиной рано или поздно всегда проходит, интеллектуальная же и духовная близость — если они возникают изначально — чаще всего остаются навсегда. В случае со второй женой Мацкевича это произошло именно так. И за это он не переставал возносить благодарность Богу до конца своих дней.

* * *

Между тем набивший руку на газетной поденщине Юзеф Мацкевич решил попробовать силы и в литературе. Начал, как и

многие начинающие, с малых форм — с рассказов. В 1936 году издательством газеты «Слово» была выпущена первая его книга — сборник рассказов «Шестнадцатого, между тремя и семью». Первое числительное означало, естественно, день месяца, два другие — время на циферблате часов. Два года спустя, в 1938-м, виленское издательство «Gebethner i Wolff» выпустило вторую — «Бунт топей». На сей раз это была уже не беллетристика, а публицистика. Под обложкой книги были собраны тексты журналистских репортажей, которые Мацкевич писал во время своих многочисленных поездок по Виленщине и по другим восточным районам Польши и публиковал в «Слове». Книга хорошо запомнилась Чеславу Милошу:

«Это были его репортажи <...>, собранные в путешествиях автобусом и конной повозкой по дорогам Белоруссии. Когда я <...> думаю об этих краях, они кажутся мне пленительными, обладающими редким богатством переплетенных национальных, вероисповедных, классовых нитей и богатейшей историей. <...> Довоенная Виленщина, хоть и серая, между сосновым бором и топью, должна была и своим прошлым и настоящим вдохновить многих писателей. Что ж поделать, если их не было. Наверно, они появились бы: двадцатилетие — слишком краткий период. Кроме того, существовали препятствия. Пишущие по-польски росли в традициях шляхетского поместья, и, чтобы увидеть более широкую действительность, им пришлось бы вырваться из этого заколдованного круга. <...>

Юзеф Мацкевич в “Бунте топей” составлял свои репортажи с независимостью и чувством противоречия, которые позднее принесли ему всяческие несчастья. Он вышел за рамки обычной польской орбиты и вместо поместья занялся провинцией “тутэйших”, независимо от того, говорили они дома по-польски или по-белорусски, особенно явлением распространенных в этой провинции религиозных сект, равно враждебных как католицизму, так и православию. В книгу широко вошла и повседневная жизнь этих краев»^[4].

Кто знает, как складывалась бы дальнейшая жизнь обитавших в этих, согласно выражению Милоша, пленительных, обладающих редким богатством переплетенных национальных, вероисповедных, классовых нитей и богатейшей историей краях, если бы они снова — в очередной раз — не стали объектом хищнических интересов сопредельных стран. Точнее, не стран, а страны. Той, что

пребывала на востоке, но стремилась вцепиться своей стальной рукой в глотку тем, до кого она могла дотянуться на западе.

* * *

Драматические события, начавшиеся в Европе на исходе лета 1939 года, ныне хорошо известны, хотя все еще не полностью исследованы, а тем более осмыслены. В августе советский диктатор Иосиф Сталин решил, что настало время для подготовки завоевания большевиками Европы. В связи с чем посчитал правильным начать задействовать — в форме спуска с цепи, на которой он его прежде держал — единственного и любимого своего ученика. Ученика звали Адольф. Был он человеком недалеким, обладающим чудовищным самомнением и сверхъестественной наглостью, на полном серьезе считал себя мессией, патологически ненавидел евреев и откликался на кличку Фюрер германской нации. По замыслу Сталина, ученик, которого он воспринимал образно — в качестве ледокола мировой революции, должен был сокрушить силой своего оружия все имевшиеся на континенте демократические страны, оккупировать их территории и начать тотальное ограбление покоренных народов. После чего, когда ограбленные народы вознесут к небесам вопль о возмездии для агрессора, а пресытившийся вампир утратит чувство осторожности, нанести ему внезапный предательский удар в спину — и отправить туда же, куда незадолго перед тем отправит тот тех, кто мог организовать сопротивление его собственному вторжению как захватчика и варвара. Завоевание под видом освобождения от завоевателя, покорение под видом избавления от угнетателя — идея гениальная, слов нет. Но, как показал дальнейший ход мировой Истории, на всякую хитрую жопу у Господа Бога завсегда находится хер с винтом. Нашелся такой прибор и на сталинскую. Но какой неимоверной ценой была достигнута победа и как много времени она потребовала...

Первого сентября 1939 года с запада, юго-запада и с севера в Польшу вторглись пехотные и танковые подразделения Вермахта. Польская армия, не успевшая завершить мобилизацию, плохо вооруженная и отвратительно управляемая своими бездарными генералами, не смогла оказать захватчикам серьезного сопротивления. Через неделю, когда стало ясно, что война проиграна, правительство Польши позорно бежало из собственной столицы в соседнюю нейтральную Румынию, где было интернировано. Брошенные на произвол судьбы польские солдаты и офицеры могли действовать как им вздумается — или продолжать неравную

борьбу с превосходящими силами агрессора, или сдаваться тому на милость.

В самый драматический момент германо-польской войны с востока в Польшу вторглись полчища большевиков. Выполняя ранее данное Гитлеру обещание, советский вождь 17 сентября начал войну с соседней страной, чтобы урвать и свой, заранее оговоренный с фюрером, кусок истекающей крови Польши. Не получившие приказа оказывать сопротивление Красной армии польские войска, находившиеся в восточных районах страны, массово складывали оружие и сдавались в плен.

Катастрофа, вошедшая в историю под названием Четвертый раздел Польши, стала свершившимся фактом. Она затронула судьбы десятков миллионов поляков и жителей этой страны иных национальностей. Были в их числе и братья Станислав и Юзеф Мацкевичи.

* * *

Последний номер газеты «Слово» вышел 18 сентября 1939 года. В тот же день в Вильно вошли части Красной армии. За ними в обозе следовали сотрудники большевистских карательно-террористических органов — НКВД. Каратели немедленно приступили к отлову тех из числа местных жителей, кто был способен хотя бы теоретически оказать сопротивление оккупантам. В первую очередь арестовывались представители интеллектуальной элиты и сотрудники средств информации. В розыскных списках были и братья Мацкевичи. Но ни того ни другого отловить не удалось.

В день, когда вышел последний номер их газеты, Мацкевичи бежали за границу — в соседнюю Литву. При этом Юзеф жену Барбару с собой взял, а Станислав свою семью — жену и двух дочерей — забыл дома. Нагрянувшие в его дом большевики, не обнаружив хозяина, тут же их загребли и долгое время держали потом под домашним арестом — рассчитывая на то, что Станислав не выдержит разлуки, вернется за семьей и попадет в чекистский капкан. Но так и не дождались.

Когда братья Мацкевичи оказались в Литве, их дальнейшие пути разошлись. Осторожный Юзеф решил остаться на неопределенное время в Каунасе — переждать, посмотреть, что будет дальше, тогда как Станислав с присущей ему горячностью решил, что — все, Польша погибла, игра кончена и ловить здесь больше нечего. И немедленно отбыл на запад — во Францию, намереваясь продолжать сражаться с оккупантами по-прежнему — пером, но уже из безопасного далека.

Расставаясь осенью 1939-го, ни тот ни другой и помыслить не могли, что снова свидеться им доведется только через семь с половиной лет.

* * *

Между тем Сталин вел свою геополитическую игру, конечной целью которой было покорение большевиками всего мира, а целью промежуточной — выполнение условий секретных протоколов к советско-германским договорам о дружбе (от 23 августа 1939) и границе (от 28 сентября 1939). В соответствии с этим тайным сговором между большевистской Страной Советов и нацистской Германией помимо уже свершившегося раздела Польши Советскому Союзу причиталось также кое-что еще. А именно: три прибалтийских государства — Эстония, Латвия и Литва — и входящая в состав Румынии Бессарабия. Кроме того, Сталин разъявил пасть также и на Финляндию, но она оказалась довольно большой и целиком в его пасть не влезла. Пришлось ограничиться несколькими хотя и большими, но все же только кусками. Тогда как все остальное удалось захватить целиком, а если посчитать еще и Северную Буковину (про которую вообще с Гитлером никакого разговора не было) — так и с лишком. Сталин был верным учеником товарища Ленина и хорошо усвоил основные принципы своего учителя — «Грабь награбленное!» и «Потом разберемся!».

Подготавливая оккупацию и аннексию прибалтийских стран, Сталин навязал каждой и них так называемый «договор о взаимной помощи», по условиям которого на территории этих стран вводились воинские контингенты Красной армии, превышающие по численности их собственные вооруженные силы — якобы для защиты от возможного нападения неких «третьих стран». Это была оккупация де-факто. Для оккупации де-юре (то есть аннексии) требовался, правда, хотя бы какой-нибудь, но повод. Которого правительства Латвии, Литвы и Эстонии СССР предоставлять не желали, занимая крайне осторожную позицию. При этом, играя со своими жертвами как кот с пойманными, но еще не сожранными мышами, Сталин в отношении одной из них — Литвы — пошел даже на то, чтобы предоставить ей кусок сопредельной территории — той самой Виленщины, которую Литва и так всегда считала своей, но незаконно находящейся в составе Польши. И 28 октября 1939 года большевики убрались из Вильно и небольшой приграничной полосы, а на их место пришли литовская полиция и гражданская администрация. Литовцы первым делом переименовали Вильно в Вильнюс и сразу же принялись

наводить на вновь присоединенных территориях свои порядки. Которые для поляков были как кость в горле.

* * *

Узнав о предстоящей передаче Вильно Литве, Юзеф Мацкевич решил вернуться в свой брошенный дом.

Интеллектуально развитый человек, сталкиваясь с окружающей его действительностью в виде цен в продовольственных магазинах и языка, на котором разговаривает с ним принесший посылку почтальон, обычно не склонен подозревать в том, что они изменились, происки всемирного жидомасонского заговора. Еще меньше он бывает склонен подозревать продавца в том, что ценники переписаны в сторону увеличения, чтобы персонально его обобрать, а почтарь изъясняется как-то непонятно, только чтобы именно его унизить. Тем более что литовский язык был Мацкевичу знаком так же хорошо, как и второй детский — русский. Но обстановка в покинутом два месяца назад городе за это время изменилась разительно, и далеко не в лучшую сторону.

Литовцы, которых до начала советского вторжения в Польшу в двухсоттысячном Вильно было не более трех процентов, теперь считались гражданами первого сорта, поляки, чей удельный вес был подавляющим, — второго, про евреев же говорить и вовсе не приходилось, поскольку литовская администрация относилась к ним с плохо скрытой неприязнью. Межнациональные стычки вспыхивали то тут, то там — в очередях, в кафе и пивных, просто на улицах — по любому поводу.

Вернувшийся в бывшее Вильно — теперь Вильнюс — Мацкевич решил заниматься тем же, чем и прежде — изданием газеты, поскольку ничего иного делать просто не умел. Вскоре он получил разрешение на выпуск газеты на польском языке. Издание, получившее название «Газета цодзенна», начало выходить 25 ноября 1939 года и стало одной из двух польскоязычных газет, которые новые власти разрешили публиковать в Вильнюсе. Впрочем, дав разрешение на ее выпуск, они ни на мгновение не забывали о том, кто именно стал ее издателем и главным редактором. Имя Юзефа Мацкевича было хорошо известно в предвоенной Литве и ни малейшего доверия у правящей в этой стране бюрократии его личность не вызывала.

* * *

Много лет спустя, вспоминая о событиях этого драматического времени — между первой и второй большевистской оккупациями Вильно, — Мацкевич вынужден был согласиться с тем, что, издавая свою газету, он, хотя и пытался бороться с националистически настроенной литовской администрацией за сохранение особой специфики Виленского края (как он делал это на протяжении многих лет по отношению к центральной польской власти), преуспевал в этом неизмеримо хуже, чем до войны. В статье «Как оно было с литовцами», опубликованной в 1947 году в польском эмигрантском издании «Вядомосьци», оценивая тогдашнюю социально-политическую ситуацию в Вильнюсе, он писал:

«Хуже всего было с печатью. По литовским законам каждая газета обязана была помещать так называемые *privalymas* — обязательные статьи. На практике указывали место, шрифт, заголовок и подпись. Присылали статьи, в которых провозглашались тезисы, противоположные направлению газеты. Нельзя было указать, что это не редакционные статьи. Эту систему особенно использовали в отношении польской прессы. Цензура производила опустошения. В этих условиях читатели поглупее совершенно перестали ориентироваться в политических оттенках газет»^[5].

Помимо этой дурости имело место также и натуральное беснование навязанной литовцам политической цензуры, вызванной паническим страхом правительства Литвы перед Советским Союзом. Особенно обострилась эта паранойя после того как Сталин напал на Финляндию — а это случилось на пятый день после того как Мацкевич начал издавать свою газету. И хотя в сложившихся условиях собственно литовская пресса еще позволяла себе занимать профинские позиции, польской это было заказано. Мацкевич вспоминал:

«В один прекрасный день запретили помещать финские коммюнике на первом месте. Я распорядился набирать советские петитом, а финские помещать на втором месте, но жирным шрифтом. Запретили использовать для финских коммюнике жирный шрифт. Запретили использовать в заглавиях прилагательное «героический» в отношении финнов. Запретили политические статьи на тему финской войны. Если таково было отношение к делу, которому Литва сочувствовала, легко себе представить, как мешали нам в темах, неприятных для управления печати!...»^[6]

Мацкевич пытался бороться с цензурой. Он писал меморандумы литовским властям, отстаивая право доносить

до своих читателей объективную, как ему представлялось, картину мира. Власти сначала терпели наглого поляка, потом терпеть перестали. В апреле 1940 года постановлением Совета министров Литовской Республики Юзефу Мацкевичу было официально запрещено выпускать какие бы то ни было периодические издания на всей территории Литвы.

Это был форменный запрет на профессию, причем обусловленный так называемыми «высшими государственными интересами». Мог ли премьер-министр Литвы Антанас Меркис, подписавший это распоряжение, предполагать — где именно спустя пару месяцев окажется и его правительство, и он сам — вопрос, как говорится, интересный, но напрямую к теме не относящийся.

Мацкевич же оказался на улице. В буквальном смысле этого слова.

* * *

Став безработным, Мацкевич наверняка не догадывался о том, что это крайне неприятное обстоятельство на деле спасает ему жизнь. Пока он думал, как прокормить себя и жену в независимой Литве, независимая Литва доживала последние недели.

В июне 1940 года Сталину надоело играть с прибалтийскими государствами как коту с пойманными мышами, и он решил их съесть. Процесс поглощения добычи произошел по хорошо знакомой большевикам схеме. Чеслав Милош вспоминал:

«[Я сидел] в кафе Рудницкого напротив Кафедрального собора — и вдруг страшный грохот железа, въезд советских танков. До сих пор это для меня остается одним из самых печальных событий моей жизни, ибо я испытывал ясное сознание необратимости и отвратительное чувство, что я свидетель того, как топчут беззащитных, без оглядки на какие бы то ни было права наций. Именно так выглядит познание несчастья»^[7].

Отведав вкус несчастья, но не желая познавать его до конца, Милош бежал из захваченной Советами Литвы на оккупированную немцами территорию Польши. Он был уверен в том, что большевики опаснее нацистов, и сумел выжить. Мацкевичу бежать было некуда. И в то время, когда вновь утвердившиеся в Вильнюсе чекисты развернули новую охоту на «буржуазных писак», он понял, что сохранить свободу — а возможно, и жизнь — в сложившейся действительности

смогут только те, кто будет вести себя как можно более незаметно и заниматься тем, что привлекает как можно меньше внимания. Таким занятием был любой неквалифицированный физический труд, бывший в Советском Союзе главным элементом духовного рабства. На своих собственных пролетариев и крепостных крестьян большевики обращали внимания не больше, чем на бессловесную скотину, не способную ни к какому осмысленному им сопротивлению. Так же они реагировали и на чернорабочих из оккупированных ими сопредельных стран. Много лет спустя Юзеф Мацкевич писал в эссе «Снег покрывает Вильно» о своей тогдашней жизни под большевиками:

«Перебывал я <...> и дровосеком, и пни выкорчевывал, и канавы копал, и откосы дерном обкладывал... И везде было тяжело. При Советах легкой работы вообще не было: хитрость большевистской “сдельщины” в том и заключалась, чтобы на любой работе человек надрывался до седьмого пота. С непривычки и я к концу дня на ногах стоять не мог»^[8].

Вскоре журналисту и редактору пришла в голову простая мысль — пускай работает лошадь. Мацкевич приобрел коня с подводой и сделался ломовым извозчиком. И потекли трудовые будни — серые и беспросветные, как вся тупая и чудовищно бессмысленная советская жизнь:

«Загрузить и разгрузить подводу, выехать из лесу на ровное место, выбраться из глиняного карьера или каменоломни — этого одного хватало на восьмичасовой рабочий день, а тут еще приходилось долгими, долгими часами тащиться рядом с возом в тяжелых, изъеденных горячей пылью или покрытых пудовым слоем грязи сапогах.

Тащился я так, задумавшись, сбивал кнутом головки придорожного чертополоха, стогнял оводов с конского крупа, а зимой тем же кнутом полосы на снегу чертил. Чего-чего, а времени на размышления у меня тогда, в первый год Литовской Советской Социалистической Республики, было вдоволь. Из скольких водопоев пришлось тогда пить моему коню, со скольких мостов сплевывал я в воду, возле скольких мельниц, лесопилок, кирпичных заводов или сыроварен довелось мне слышать проклятья, рассуждения и неожиданные излияния...»^[9]

Именно тогда, во время второй большевистской оккупации Вильно, Мацкевич со всей отчетливостью и осознал, что если бы у него был выбор: продолжать существовать так, как

приходится ему в захваченной Советами Литве или подметать улицы где-нибудь в нормальной европейской стране — он без колебаний выбрал бы второй вариант. Вот только выбора у него не было, и приходилось запрягать коня и, вооружившись деревянной лопатой-совком, тащиться на уборку и вывоз снега из-под окон здания, в котором еще недавно располагалась редакция «Слова», а теперь была редакция «Красной звезды»...

Это был тот самый кошмар, из которого некуда проснуться. С той лишь разницей, что первая большевистская оккупация Вильно продлилась всего шесть недель, во время которых Мацкевича там не было, тогда как вторая растянулась на целый год, и весь этот год он провел или в самом городе, или в его окрестностях. И посмотрелся такого, что на всю оставшуюся жизнь хватило.

* * *

Кошмар на то и кошмар, что имеет обыкновение однажды заканчиваться. Причем чаще всего это происходит неожиданно. Вот, скажем, 1 марта 1953-го впервые вышла в эфир из Мюнхена русскоязычная радиостанция «Освобождение». И не только вышла, но и начала свою передачу словами: «Время Сталина подходит к концу!» — и не абы как произнесенными, но с особо торжественной интонацией в голосе диктора и чуть ли не под щелканье метронома. На Лубянке посмеялись и распорядились перестроить глушилки на новые частоты. А через пять дней из всех уличных матюгальников по всей бескрайней Совдепии полился Шопен...

Но один закончившийся кошмар вовсе не является гарантией того, что ему на смену не придет другой.

Двадцать четвертого июня 1941 года в Вильнюс вошли немецкие войска. Город, к тому времени уже сутки как очищенный от большевиков боевыми отрядами ФЛА — Фронта литовских активистов, подпольной организации, созданной литовскими патриотами для борьбы с советской оккупацией, — встречал нацистов как избавителей от продолжавшегося более года кошмара. Литовцы со слезами на глазах ожидали восстановления независимой Литвы в границах 1940 года. Однако Вермахт, промаршировав по Вильнюсу, отправился далее, гоня Красную армию на восток, а в город прибыла немецкая оккупационная администрация. Поблагодарив активистов за содействие в священном для каждого истинного арийца деле борьбы с мировым жидобольшевином, нацисты переименовали Вильнюс обратно в Вильно, включили Литву в

состав новообразованного рейхскомиссариата Остланд, а из ФЛА начали формировать отряды вспомогательной полиции. А кто полицаем становиться не хотел — тех отправляли по домам, предварительно отобрав оружие и приказав сидеть тихо и ни о какой независимой Литве и не мечтать.

С местной же интеллектуальной элитой немцы поступали тоже в соответствии со своими представлениями о том, где ее место и чем ей следует заниматься на благо Великой Германии.

Мацкевича вызвали и предложили снова делать то, что он умел и что делал хорошо — издавать газету. На польском языке. Но — под неусыпным немецким надзором, и Боже его упаси, если он вздумает как-то хитрить и не оправдает оказанное ему столь высокое доверие. Мацкевич отказался. Его спросили, неужели он не верит в грядущую победу Германии. Он ответил, что редактором быть не хочет, но автором — подумает. И вернулся к себе домой в деревню Черный Бор в двенадцати километрах от Вильнюса.

* * *

Первое время немецкой оккупации Мацкевич тихо жил в своей деревне и никуда из дому носа не высовывал. Существовать им с женой было практически не на что, питаться — за исключением того, что росло на огороде — нечем. Приходилось подрабатывать везде, где только можно, и всем, чем только удавалось. Основной доход приносила продажа на виленской барахолке имевшихся в наличии и пользующихся спросом у населения вещей, которые не успели разворовать в 1939-м большевики, включая собственную верхнюю одежду. Пан редактор довольно быстро понял, что зимнее пальто следует продавать не посреди лета и не в начале осени, но тогда, когда над головами тех, у кого его нет, уже кружат белые мухи, а под полы истертого пиджачка забирается пронизывающий ветерок.

Газету на польском языке немцы стали делать без него. Издание, получившее название «Гонец цодзенны», выглядело так, что ни одному порядочному поляку не хотелось брать его в руки, поскольку мыло во время войны стало страшным дефицитом. Тем не менее Мацкевич, движимый не в последнюю очередь сугубо меркантильными соображениями, опубликовал в «Вестнике» несколько статей, в том числе текст под названием «Моя дискуссия с НКВД». Статьи были пропитаны радикальным антикоммунизмом и не столько лили воду на мельницу нацистской пропаганды, сколько являлись свидетельством преступлений большевиков со стороны

выжившего очевидца. Однако сам факт публикации в немецкой газетке стал поводом для обвинений Мацкевича в коллаборационизме. Обвинения прозвучали со стороны деятелей польского националистического подполья, ориентированного на эмигрантское правительство в Лондоне. И к ним нельзя было не прислушаться.

Во время войны многие основные понятия человеческого существования заостряются настолько, что слово — произнесенное, особенно же напечатанное — начинает весить неизмеримо больше, чем при мирной жизни. А от подозрения в измене до обвинения в ней порой достаточно одного шага, то есть слова. Мацкевичу вполне определенно намекнули, чтобы он перестал сотрудничать с немцами, если хочет жить. Мацкевич перестал. И потащил на барахолку то, что можно было продать или обменять на хлеб.

* * *

Под немцами Мацкевич прожил в Литве почти в три раза дольше, чем под большевиками — с июня 1941-го до мая 1944-го. Жизнь его в эти без малого три года разделилась на два неравных отрезка — до мая 1943-го и после него. Причиной тому было событие, без преувеличения, изменившее движение если и не всей мировой истории двадцатого века, то уж, по крайней мере, существенно повлиявшее на дальнейший ход Второй мировой и во многом определившее течение последовавшей за ней Холодной.

Известна точная дата этого события — 13 апреля 1943 года. В этот день в 16 часов по местному времени Берлинское радио на весь мир передало специальное сообщение о раскрытии германскими оккупационными властями чудовищного преступления, совершенного большевиками по отношению к захваченным ими в плен во время вторжения в Польшу в 1939 году польским офицерам. Текст коммюнике гласил:

«Из Смоленска сообщают, что местное население указало немецким властям место тайных массовых казней, произведенных большевиками, где ГПУ истребило 10 000 польских офицеров. Немецкие власти отправились в Косогоры, бывшую советскую здравницу, расположенную в 16 километрах к западу от Смоленска, где и сделали страшное открытие. Они обнаружили братскую могилу 28 метров длиной и 16 метров шириной, в которой были зарыты в 12 пластов 3 000 трупов польских офицеров. Они были в полном воинском обмундировании, некоторые связаны, у всех были pistolетные раны в затылке. Оpozнание трупов не представит трудностей,

так как они находятся в состоянии мумификации ввиду особенностей почвы, а также потому, что большевики оставили на их телах личные документы. Уже сегодня установлено, что в числе убитых находится, в частности, генерал Сморовинский из Люблина. Офицеры находились сначала в Козельске под Орлом, откуда в феврале-марте 1940 года были перевезены в вагонах для скота под Смоленск, а оттуда на грузовиках в Косогоры, где большевики их всех перебили. Поиски и раскрытие новых братских могил продолжаются. Под уже раскопанными пластами находятся еще другие пласты. Общее число убитых офицеров исчисляется в 10 000, что более или менее отвечает численности всего польского офицерского состава, взятого в плен большевиками».^[10]

Сообщалось и о том, что при вскрытии могил и начале процедуры идентификации извлеченных из них трупов присутствовали также корреспонденты норвежских газет, которые своими глазами могли убедиться в истинности этого преступления и отсутствия какой-либо фальсификации. Норвегия была оккупирована Германией тремя годами ранее, поэтому ни о какой независимой и беспристрастной прессе в этой стране и речи идти не могло, но вслед за норвежским журналистами на место раскопок стали прибывать и газетчики из действительно нейтральных стран — Швеции и Португалии. Поэтому беспокоиться насчет возможных обвинений в фальсификации доказательств и намерении переложить ответственность с больной головы на здоровую нацисты нужным не считали. У них на руках оказались беспроблемные карты и теперь только от активности ведомства, возглавляемого рейхсминистром пропаганды доктором Геббельсом, зависело, насколько велик будет куш, сорванный Третьим Рейхом в этой покерной игре.

Далее следует рассказ о том, как Юзеф Мацкевич стал главным свидетелем обвинения в деле расследования обстоятельств Катынской бойни и о том, как сложилась его дальнейшая жизнь.

Текст предполагается к публикации в марте, когда исполнится 75 лет с момента принятия Сталиным и его приспешниками преступного решения об уничтожении почти 22 000 польских граждан, захваченных ими во время Четвертого раздела Польши в 1939 году и убитых только за то, что они были поляками.

1. Милош Чеслав. Конец Великого княжества. (О Юзефе Мацкевиче) / Перев. с польск. Натальи Горбаневской. // Континент (Париж). 1989. № 61. С. 247.
2. Там же. С. 248.
3. Там же. С. 249.
4. Там же. С. 247–248.
5. Цит. по: Мацкевич Юзеф. От Вилии до Изара. / Перев. с польск. Натальи Горбаневской. – London: OPI Ltd., 1992. С. 45–46.
6. Там же. С. 46.
7. Милош Чеслав. Конец Великого княжества. (О Юзефе Мацкевиче) // Континент. 1989. № 61. С. 256.
8. Мацкевич Юзеф. Вильно, 1940–1941 / Перев. с польск. Льва Шатунова. // Континент. 1985. № 45. С. 291.
9. Там же. С. 291–292.
10. Цит. по: Мацкевич Юзеф. Катынь. / Перев. с польск. Сергея Крыжицкого. – London, Ontario: Zaria Publishing, 1988.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Один из многих симптомов болезни, которой страдает польская журналистика (а болезнь опасна по той простой причине, что при демократии, в отличие от авторитарных или откровенно тоталитарных систем, журналисты являются «четвертой властью», наряду с законодательной, исполнительной и судебной), — это драматическое доминирование интервью как жанра — по крайней мере с виду — относительно простого и требующего минимальных усилий: достаточно просто отыскать нужного собеседника, задать ему пару вопросов — и «материал» готов. Не надо писать самому и напрягать мозг, вдобавок ответственность за содержание отягощает не журналиста, а интервьюируемого. Это касается, в принципе, всех изданий, сотрудники которых (между прочим, все хуже образованные и все менее обеспокоенные этическим аспектом своей работы) просто ищут, где полегче. Если еще недавно, даже при коммунистической системе, существовало явление, которое определялось как журналистское призвание, то сейчас это уже только профессия. Признаюсь, я бы даже не обратил на это внимания, если бы не должен был нашу прессу не только читать, но и делать из нее выписки. Сложившееся положение вещей составляет для меня существенное затруднение: цитировать интервью намного сложнее, чем представлять избранные фрагменты статей.

Так и на этот раз. В поисках темы для нынешнего обзора наиболее интересными текстами оказались не журналистские тексты или — даже шире — публицистика, а как раз беседы. Первая из них — это интервью с писателем и переводчиком Антонием Либерой (в тексте приводится его версия известного в других переводах стихотворения Тютчева о России, которую умом не понять), опубликованное в газете «Жечпосполита» (№ 101/2015) под заголовком «Замаскированная диктатура». Либеря рассуждает о положении, в котором оказалась Польша после 1989 года, когда, входя в структуру западного мира, столкнулась с опасным, по его мнению, кризисом ценностей, инспирированным скрытой диктатурой постмодернизма, определяемого Либерой как идеология «нарастающего нигилизма и релятивизма». На стороне постмодернизма «стоит власть: государственные институты и частные

консорциумы, которые, по разным причинам, привержены этой идеологии». И далее: «Поддержка, премии — это определенные сущности и формы. Более того, они предъявляются как «прогрессивные» или даже «революционные», а от тех, кто их принимает, требуется смелость и характер. Фактически все наоборот. Вписаться в это течение — акт исключительно оппортунистический, а чтобы заниматься искусством такого рода не нужно ни особых способностей, ни мастерства, поскольку это пустышка. Описываемая мной ситуация свойственна всей современной европейской культуре, однако в центральных странах континента, более зрелых, с непрерывным цивилизационным развитием, дело обстоит несколько иначе, чем в Польше, где эта традиция прерывалась многократно и самым разным образом. Там «иммунная система» сильнее и остались анклавы, причем не только консервативно-католические, где по-прежнему действует давнишняя иерархия ценностей. Польша, опоздавшая и загнанная в комплексы 50-летним правлением коммуны, оказалась в высшей степени предрасположенной к постмодернистской болезни».

Такой диагноз, довольно распространенный в кругах, не очень точно определяемых как «правые», удручает своей обобщенностью и поверхностностью. В самом деле, что означают такие понятия, как «определенные смыслы и формы», или «такого рода искусство», или «давнишняя иерархия ценностей»? Словно бы известно, о чем речь, да не особо. Вдобавок риторика такого типа для меня удивительным образом сопрягается с приемом, каким соцреалисты одолевали тех, в ком распознавали своих противников. Это тот самый язык, задачей которого было моделирование образа врага, тайно источающего свой яд в здоровый общественный организм, — и именно о тайном действии сил, которые «по разным причинам» (каким?) так поступают, говорит здесь Либер. Похоже, возрождается любимая мною нарисованная коммунистами картина «гнилого Запада», где подчас можно еще обнаружить закутки, ловко отгородившиеся от миазмов нигилизма и релятивизма.

Но это еще не все. Либер обнаруживает очередную угрозу для Польши: «Опасности со стороны России разнообразны, я бы сказал — разносторонни. Вопреки неверному, но, увы, довольно распространенному мнению, вдобавок усиливаемому робкой властью, Россия вообще не отказалась от доминирования на территории Восточной Европы, а в Польше в особенности. (...) Российская политика, сориентированная на эту цель с середины 90-х годов, проводится по всем фронтам.

Прежде всего, посредством пропаганды, адресованной собственному обществу. Второй элемент этой стратегии — российская пропаганда, направленная вовне. Здесь она основывается на черном пиаре в отношении Польши, что является, впрочем, давней, восходящей к середине XVIII века традицией этой империи. Используются самые разные формы очернительства нашего государства и его истории на международной арене. (...) И наконец, третий элемент, столь же опасный, как два предыдущих, если не более, — диверсии, осуществляемые на территории нашей страны, то есть деятельность русской разведки и агентуры влияния. На мой взгляд, эта деятельность никогда не была столь интенсивной, как сейчас. Я полагаю, что вся наша польско-польская война инспирирована внешней силой, подпитывается и направляется ею. Этой силе удалось разместить свои ячейки в различных сферах общественной жизни. Меня поражает, что польское государство вообще от этого не защищается. Похоже, что польская контрразведка инфильтрирована и обезглавлена».

Таким образом, по мнению Либеры, Польша вновь оказалась между двумя мельничными жерновами — гнилого Запада и имперской России. Жаль, что Либера не сказал, откуда он почерпнул свои знания о русском влиянии на «всю эту нашу польско-польскую войну», то есть длящиеся уже более десятка лет раздоры между «Гражданской платформой» и «Правом и справедливостью». Впрочем, из его слов можно извлечь вот что: новая контрразведка, после ликвидации прежней, была создана именно партией «Право и справедливость», и если столь инфильтрирована, что даже обезглавлена, то остается допустить, что и ответственность должна возлагаться именно на эту партию. Я, конечно, шучу, однако это довольно грустная шутка. Так или иначе, но остается правдой то, что Россия заинтересована в усилении своего влияния в Восточной Европе и еще кое-где в мире, что совершенно естественно, и в соответствии с этим строит работу своей пропаганды — это банальность для любой державы. Является ли здесь Польша предметом особого интереса? Конечно, является, особенно когда польская политика мешает России расширять влияние на Западе. Но это тоже банальность.

И все же в данном Либерой интервью есть один существенный сюжет, касающийся кризиса, охватившего современную общественно-политическую жизнь. Либера хочет видеть его источники в постмодернизме, что может лишь позабавить, поскольку постмодернизм как таковой — это одна из реакций на кризис. Проблема в том, что этому кризису трудно дать

однозначное определение, о чем интересно рассказывает профессор Мартин Круль в интервью, озаглавленном «Будет большой Бух!», опубликованном в еженедельнике «Newsweek» (№ 19/2015). Главная проблема, на которую указывает Круль, это распад общности, рвущиеся социальные связи — определенным образом противоположность тому, что являлось сущностным содержанием того специфически польского опыта, которым было движение «Солидарности». Причем это не только польское явление: «Сегодня весь мир переживает распад общности. Но пример Польши — особенный, потому что Польша только что жила этой общностью. Мазовецкий, которого, кстати, я очень ценю, хотел подвести под прошлым жирную черту. И что хорошего? Мы дали людям свободу, не задумываясь, сумеют ли они ею воспользоваться. К сожалению, не сумели. И неожиданно оказалось, что нет никакой склейки для сообщества, кроме запертого в музее прошлого. (...) Сегодняшние возвышенные речи политиков — это уже только декорация. Ибо оказалась прерванной личная память, передаваемая от поколения к поколению. Исчезло понятие семейного дома, в котором у каждого свой рассказ о прошлом. (...) Люди интересуются сегодня историей, как китаи на «Discovery». История утоляет любопытство, но не создает памяти. Для некоторых стран это не столь важно, поскольку непрерывность еще сохранилась в предметах или постройках. В Польше нет даже этого. Мы потерпели поражение в построении нового мира. Не следует путать с цивилизацией, которая с 1989 года необычайно продвинулась. Мы проиграли, потому что не смогли построить общего представления о самих себе. Картины того, кто мы, поляки, такие. (...) Сообщество не возродится без усилия разума. Что хуже, Польша ужасно отстала в этом отношении по сравнению с Западом. Там еще в XIX веке буржуазия уничтожала культурные ценности. У нас процесс экспансии новой гражданственности только начинается. (...) Конец века идеологии был хорошим замыслом, но только на несколько десятилетий, чтобы отдохнуть после тоталитарных режимов. Дальше так продолжаться не может, пора провозгласить начало нового века идеологии. Занять крайнюю позицию и взорвать к чертям этот унылый мир! Он возник в результате социально-экономических перемен, когда мы обольщались, что дух «Солидарности» сохранится навсегда. Никто не знал, что с этим делать. (...) Туск был самым талантливым, я его считаю самым замечательным политиком 25-летия. Хотя, по правде говоря, он не проявил себя как политик, потому что даже не пробовал возродить сообщества».

В отношении перспектив на будущее Круль выносит впечатляющий вердикт: «Закат Запада, увядание демократии и

замена ее чем-то новым. Или серьезное обновление». А называя механизмы противодействия, подчеркивает: «Духовные преграды. С фундаментальным вопросом Католической церкви. Франциск — папа неординарный, но его неординарность блекнет перед нашими ожиданиями. (...) Метафизическое измерение не удастся изъять из человеческого естества. Но наша цивилизация без участия Католической церкви будет уже другой цивилизации. Церковь сегодня — это элемент деструктивный. И не оставляет надежды на обновление. Я также не верю в классический социалистический бунт на почве неравенства. Возмущение банками — этого мало. Чтобы случилось что-то существенное, должно возникнуть возмущение политикой. (...) Люди снова должны поверить, что жизнь — это политика, которая дает нам необычайные инструменты для формирования мира. Будь я сейчас молодым человеком, меня бы кондратий хватил: я бы не понял, почему нельзя все поменять. Конечно, отсутствие альтернативы — явление не только польское. Вы помните надежды, связанные с Обамой? «Yes, we can!» И что? И ничего». Говоря об устремлениях людей, Круль утверждает, что они ожидают, что «мир разобьется на другие структуры»: «Может быть, уже нет смысла реанимировать государство, которое оказалась фатальным созданием. Этот пузырь не выдержит и скоро лопнет. Государство взвалило на себя столько задач, что будет не в состоянии рассчитаться по своим обязательствам. Будет бух! Ведь мы зависим от государства во всем. (...) Может также вспыхнуть война. Это исключительный важный носитель перемен; Вторая мировая война спасла демократию. (...) Я не знаю, что будет. Я знаю, что мы на пороге чего-то серьезного».

Иллюстрацией к этому представляется развитие антисемитских движений почти по всей Западной Европе, а в последнее время в Польше, — то, что можно было бы с грехом пополам назвать антиполитической политикой. Это влечет за собой своеобразную гонку движений «возмущенных» прежним положением вещей, и в эту гонку до определенной степени включаются также традиционные партии. Подобным образом комментирует ситуацию перед вторым туром президентских выборов в Польше Людвик Дорн в интервью «Газете выборчей» (№ 110/2015): «Я не хочу, чтобы это прозвучало как обида и претензия. Это констатация. Нас ждет далеко продвинутая анархизация политической жизни и война всех против всех. Польшу ждут плохие времена. В поисках поддержки внесистемных избирателей системные партии (...) будут подрывать доверие к системе, к самим себе, утрачивать достоинство, лишать польскую политику последних остатков авторитета». Стоило бы при случае заметить, что давно еще

поделился подобными предчувствиями в беседе с Барбарой Торунчик редактор парижской «Культуры» Ежи Гедройц: «Я думаю, это будет анархическая революция. И повсюду вы видите основания тому. Никакой идеологии. Решать будет вся эта нынешняя молодежь, все то, что у молодых в головах. Это будут страшные вещи».

«ИЗ ОСКОЛКОВ»

Год назад, 21 марта 2014 года, умерла переводчик и поэт Татьяна Дубинина. Ей было всего 45 лет. В 2011 году Таня заняла второе место в конкурсе переводов Чеслава Милоша на русский язык, тогда же начала сотрудничать с «Новой Польшей». Последним текстом, который она подготовила для журнала, был отчет о вечере памяти Натальи Горбаневской.

Таня говорила, что теперь, когда дети выросли, она может наконец-то заняться любимым делом — переводить польскую поэзию. Увы, времени на переводческую «карьеру» ей было отпущено совсем мало.

Мы познакомились в 2012 году во Вроцлаве, на семинарах для финалистов милошевского конкурса. Я приехала в гостиницу рано утром и обнаружила Таню сидящей за столом: она переводила Ружевица и даже не думала ложиться спать. За эти несколько дней Таня стала близким и важным для меня человеком.

Потом мы встречались еще несколько раз — в Москве, в Кракове, переписывались по электронной почте. С Таней можно было разговаривать обо всем, секретничать, как в школе, и обсуждать литературу — или, наоборот, биатлон. У нее было замечательное чувство юмора и то умение воспринимать вещи и события со стороны, которое отличает настоящих писателей. Она избегала сентиментальности — и в поэзии, и в жизни, но была открытым, щедрым, веселым и стойким человеком.

Таня очень любила польский язык и саму Польшу, особенно, наверное, Варшаву. Варшавская топография запечатлена в ее стихотворениях и подписях к ним, а некоторые даже написаны по-польски или по следам польских поэтов (как, например, «из осколков Ружевица»). Вот один из ее текстов:

Отгремев, ушли сапог, огонь и железо,

И уже принялись за дело дикие травы,

И казалось, больше нет на земле Варшавы,

Плакать поздно, камень к камню класть — бесполезно.

Но сегодня снова жизнью кипят Аллеи —

Поднялась, из рыжей глины руин восстала.

...Я тебя построю в сердце квартал за кварталом,

и ты будешь всегда со мной и навек моею.

И признаешь ты мое дочернее право

прибегать и прятать слезы в твои колени,

отводить со лба седые пряди сирени

и шептать тайком: Варшава! Моя Варшава!

Мне кажется, что для Тани перевод был способом установления человеческих связей — ее самой с автором, а автора — с новыми читателями, для которых она переводила. Переводя, она хотела поделиться (сначала — с друзьями и близкими) своей любовью к польскому языку и польской литературе. Таня прекрасно умела увидеть, как «сделан» поэтический текст, и четко представляла, что самое главное в переводе. В интервью Польскому радио для заграницы, взятому после конкурса, она сформулировала свое переводческое кредо:

— Чем заинтересовал вас Милош?

— Когда я первый раз прочитала тексты, разные тексты, я увидела, что Милош очень долго жил, и вся его жизнь была каким-то поиском, который имел и отправную точку, и точку возврата. Милош все время как будто возвращался на свои следы, пройдя какую-то окружную дорогу, меня очень заинтересовал этот кружной путь, с постоянным возвращением к каким-то истокам. Это оказалось мне близко. И все его пробы отхода от регулярного стиха — он его не любил, попытки его избежать... Он старался лишить поэзию этой музыки... Не то чтобы лишить, он не хотел, чтобы это было слишком поэтично, чтобы были какие-то созвучия, просто приятные уху, чтобы это не было бреньканьем струн. Ему, мне кажется, всегда был важнее смысл. Ему было важно передать суть. Поэтому форму он всегда выбирал очень разборчиво. То есть, читая Милоша, я всегда понимала, почему что-то написано регулярным стихом, что-то написано стихом свободным. И вот эта его неслучайность, его продуманность, логичность, — это мне тоже очень близко, потому что я, в общем, тоже человек логичный.

— Что самое сложное в переводе вообще и в переводе Милоша?

— Что самое сложное в переводе? Наверное, чтобы текст состоялся на языке перевода. Чтобы было не только буквально передано то, что написано в оригинале, но чтобы это несло с собой какой-то новый контекст, которого, может быть, нет в той принимающей культуре, в которую этот перевод делается, но в то же время, чтобы это не было для нее чем-то совершенно чуждым. Тут нужно соблюдать пропорцию — пропорцию отчуждения и пропорцию приязни. Наверное, соблюсти этот баланс — самое трудное.

Вот переводы Милоша, которые Таня опубликовала в своем «Живом журнале».

Чеслав Милош

Перевод с польского Татьяны Дубининой

«МИР (НАИВНАЯ ПОЭМА)»

Дорога

Уже долину выстилает зелень,
Травой дорога надвое разъята.
Дубовой рощей, тронутой цветеньем,
Из школы по домам бегут ребята.
Под крышкой выдвижной гремят в пенале
Мелки и крошки булки вперемешку,
И медный грош, который припасали
Тогда все дети для кукушки вешней.
Картузик брата и сестры беретка
Мелькают среди верб пушистой гущи,
Стрекочет сойка, прыгая по веткам,
И косяком поверх деревьев тучи.
Вот наконец краснеет черепица,
В саду отец с мотыгой, отслоняет
Листву, едва успевшую раскрыться,

И с грядки видит землю — всю до края.

Калитка

Потом ее затянут хмеля гроздья,
Но по весне она того же цвета,
Как лист кувшинки, на глубоководье
Добытый при вечернем свете лета.
Концы штакетов выбелены чисто,
Как язычки огня остры их пики,
Да только это не помеха птицам –
На них садился даже голубь дикий.
А ручку день за днем ладони гладят,
До блеска полируя древесину.
Крапива любит здесь сидеть в засаде,
И маячком желтеет куст жасмина.

Веранда

Веранда за день солнцем разогрета.
Большие окна, и на запад двери.
Отсюда видно вдаль все части света,
Леса, поля, и воды, и аллеи.
Когда дубы уже листва оденет,
А двор накроет липы тень густая,
Из далей мир сквозь синеву и зелень
Проглядывает пестрыми зубцами.
За низеньким столом склонив колени,
Погони и бои рисуют дети.
Их язычки прикушены от рвения

И гонят корабли навстречу смерти.

Столовая

Здесь низких окон свет, и тени бронза,

И гданьские часы в углу примолкли.

Два беса ухмыляются с угрозой,

Застыв над спинкой низкого дивана,

А их котел сверкает пузом с полки.

На стенке, на картине, видим зиму:

На льду среди стволов резвятся парни

Большой ватагой, вьются струйки дыма,

И вороны кружатся в серой хмари.

А вот еще часы. Живет в них птица,

Три раза крикнет и головку спрячет,

И не успеет ставенка закрыться,

Зачерпывает мама суп горячий.

Лестница

Поскрипывают узкие ступени,

От них мастикой желтой пахнет сладко.

У стен ботинком нужно точно целить,

А у перил уже не встанет пятка.

Тень головы кабаньей, как живая,

Клыки покажет, а потом все дальше

Потянется, по своду рылом шаря,

И растворится свет в пыли дрожащей.

Мать сносит вниз мерцающее пламя,

Высокая, в подвязанной сорочке,

И тенью тень огромную пиная,
Со страшным зверем бьется в одиночку.

Картинки

Раскрыта книжка. Вслед за колесницей,
Колеблясь, моль летит. Одно касанье –
И позолота кроет на странице
Порядки греков, вставшие в осаде.
Выносят сами колесницу кони,
Шлем глухо ударяет по граниту,
И умирает моль, шлепком ладони
К груди героя павшего прибита.
Идет гроза. Бьет гром. С погодой споря,
От скал спешит на глубину армада.
Волы покорно тянут плуг вдоль моря,
И пахарь нагишом шагает рядом.

Отец в библиотеке

Вихры взлохматив, пред собой огромный
Том разложил, и солнца луч сквозь шторы
Лоб увенчал сияющей короной,
А платье выткал золотым узором.
Себе под нос заклęcia бормочет
Отец, как чародей над свитком старым.
Кто приобщиться книжных тайн захочет,
Того пускай Господь научит чарам.

Заклинания отца

"О сладостный мудрец! Каким покоем

Твой ясный светоч одаряет сердце.
Тебя люблю я, ты владеешь мною,
Пусть не могу в лицо твое взглядеться.
Твой прах давно тому уже развеян,
Твои безумства ныне — грех прощенный,
И ты уже навеки совершенен,
Подобно книге, мыслью извлеченной
Из пустоты. Не сохранило время
Сомнения и горечи улики,
И оттого ты мне сегодня ценен:
Мал человек, его труды велики".

Из окна

За полем лес, за лесом поле снова
И зеркало воды — большой, блестящей,
На ней лежит земля каймой понёвы
И пьет из моря, как тюльпан из чаши.
Отец сказал, что это всё Европа.
В погожий день увидишь как на блюде,
Еще парится водами потоков,
Живут в ней кони, кошки, псы и люди.
Там башни пестрых городов сверкают,
Сучится рек серебряная пряжа,
А гор изгибы землю накрывают
То здесь, то там, как будто пух лебяжий.

Отец объясняет

«Смотрите, где коснулся луч равнины

И тень отходит, обращаясь в бегство,
Варшава там стоит, открыта миру —
Нестарый город, но весьма известный.
А дальше протянулся дождик с неба
Как струны к взгорьям с рощами акаций.
Там Прага. Замку дивному над нею
Велит обычай древний возвышаться.
Вот Альпы делят сушу белой пеной,
Чернеет хвойный лес на горных склонах,
И как тарелка в солнечной купели
Италия за ними — темный кобальт.
Меж городов ее притянет взоры
Столица христианства, — так о Риме
Мы говорим, — вон купола собора,
Апостола Петра он носит имя.
Теперь через залив, на север, дальше,
Где расстелилась дымка голубая.
Париж там что ни шаг возносит башни
И стадом над рекой мосты вздымает.
В стекло и ковку вслед парижской моде
Другие города оделись тоже.
Но с вас, пожалуй, хватит на сегодня,
При случае мы разговор продолжим».

Притча о маке

Построен дом на маковом зерне,
На садик опустилась тьма ночная,

И тьявкают собачки при луне,
О большем мире не подозревая.
Земля — такое зернышко, планеты
И звезды — тоже зерна. Если даже
Есть мириады зернышек на свете,
И сад, и домик могут быть на каждом.
Всё в маковой головке. Дети летом,
В саду играя, маков цвет колышут.
Выходит месяц вечером, и где-то
Псы брешут — то погромче, то потише.

Возле пионов

Цветут пионы розовым и белым,
Внутри, как в полном запахах кувшине,
Жучки, своим довольные уделом,
Толкуют о житье-бытье жучином.
Бывало, мать возьмет цветок в ладони
И, пышный венчик бережно распутав,
Глядит подолгу в тот мирок пионий,
Где длится год не более минуты.
Отпустит мать пион, додумав мысли,
И повторит их вслух себе и детям.
А ветерок перебирает листья,
Бросая нам на лица пятна света.

Вера

Вот вера: видишь лист на водной глади
И капельки росы, и знаешь — это

Есть потому, что так необходимо.
Пусть ты глаза закрыл и замечтался,
Но мир вокруг как был, так и остался,
А лист по речке проплывает мимо.
Вот тоже вера: сбил о камень ногу
И знаешь твердо, для чего все камни
На свете существуют — для подножек.
Лежат косые тени на поляне —
Деревьев, и людей, и трав с цветами:
Что тени не имеет, быть не может.

Надежда

Она бывает, если ты уверен,
Что зрение и слух нам не солгали,
И что земля — не сон, а есть взаправду,
И все те вещи, что мы здесь узнали, —
Как сад, который виден сквозь ограду.
Нам внутрь попасть нельзя. Но несомненно
он существует. Мудрый взгляд и острый
Позволил бы открыть в саду вселенной
Невиданный еще цветок и звезды.
Есть те, кто мыслит мир игрой рассудка
И сущее — лишь зрения обманом,
Для них не может быть надежды, точно.
Послушать их, нам стоит отвернуться,
И мир исчезнет, как фата моргана,
Разорванный рукой злодея в клочья.

Любовь

Любовь — когда не различаешь четко
Меж внутренним и внешним ты границы,
Вставая в ряд единый, бесконечный.
Кто смотрит так, пусть даже безотчетно,
Тот водит дружбу с деревом и птицей
И от любых печалей сердце лечит.
И он стремится, чтобы был исполнен
Он сам и мир предназначенья светом.
И не беда, что смысл служенья тёмен,
Ведь разум — не помощник службе этой.

Прогулка в лес

Закатным солнцем в пурпур лес окрашен,
Вершин не видно — до того огромны
Деревьев свечи. Заблудиться страшно:
Бредем лесной тропинкой, будто гномы,
Скрывает нас травы густая чаща,
И задираем головы с опаской.
Ночь на цветы уже легла печатью,
И с неба сходят слой за слоем краски.
Над нами пир. Там золота кувшины
И красное вино в древесной меди.
Возы с дарами гонит по вершинам
К лесным царям или медведям ветер.

Птичье царство

Ввысь глухари взлетели стаяй тучной,

Над лесом небо крыльями взрезают,
И голубь рвется вглубь чащоб воздушных,
И ворон блещет самолетной сталью.
А что земля им? Озеро ночное
И темноты извечная добыча.
У них за кромкой черного прибоя
Спасенный светом остров и жилища.
Когда, перебирая перья клювом,
Вдруг выронят одно — на дно глубоких
Озёр перо с небес слетает долго
И прикасается к щеке, напомнив
О мире чистом, теплом и свободном.

Испуг

"Отец, ты где? В лесу темно и дико!
Звериный шорох чащу наполняет,
Огнем ятрышник вспыхнул ядовитым,
Таятся под ногами волчьи ямы.
Где ты, отец? Ночь сбросила оковы,
И навсегда отныне тьма настанет.
Умрут скитальцы без еды и крова,
И хлеб наш горький высох, точно камень.
Все ближе пасти, и горячей вонью
Чудовища нам дышат прямо в лица.
Куда ушел ты, отче, как позволил
Любимым чадам в дебрях заблудиться?"

Обретение

"Я есть... Я здесь. Не плачьте, что за глупость!

Ночь на исходе, день не за горами.

Рожок заслышав, стадо потянулось,

Бледнеют звезды над пунцовым краем.

К опушке тропка выведет прямая.

В селе уже к заутрене звонили,

Там петухи орут, зарю встречая,

И вьется дым над пашней изобильной.

А здесь еще темно. Тумана струи

укутали черничник полусонный,

Но в них рассвет ступает на ходулях,

И солнце катит, расточая звоны".

Солнце

Отдельной краски солнце не имеет,

Но все цвета своим рождает светом.

Земля — поэма, солнце же над нею

Стоит как живописец над мольбертом.

Но пусть не смотрит тот на солнце прямо,

Кто мир изображать стремится в цвете:

О виденных вещах сотрется память,

А взор его от жгучих слез ослепнет.

Пусть преклонит колени и уткнется

Лицом в траву. И возвратит утраты

Землею отраженный отблеск солнца –

Рассветы, розы, звезды и закаты.

Утро

(из сборника "Спасение", 1945)

Под мерный дождь, в предутреннем тумане,

В гусином стане, в крике петушином

Встает село, и сторона родная

Дол предрассветный застилает дымом.

Всю ночь давил меня и эту землю

Больной тяжелый сон, тревожный гнет,

Мне чудилось — они стоят под дверью

И с фонарями рыщут у ворот.

Под мерный шум дождя опять забыться,

И сердцу пусть пригрезится свобода.

Бормочет тополь, в окна бьются листья,

Накрапывает осень с небосвода.

Да, так, поэт! Кто дома не покинул

И не платил тоской за безопасность,

Тому и в горький день достанет силы.

Хотел остаться — значит, не напрасно.

Сверкающая тихой гладью бухта,

Английский луг, Италии лоза —

О них ли помнить здесь, во время бунта,

И плакать ли теперь по волосам...

О вы, певцы глухого захоlustья,

Чьей песни стан печалью переломлен,

Вы, кто не смог от жалоб отряхнуться,

Вот хоть Некрасов или Сырокомля,

Как понимаю вас! Каким мотивам

Отчаянье людей не будет в тягость!
Его печать так ясно различима,
Толковым мыслям места не осталось.
Но красота и в мрачную годину
Волнует, силу не соразмеряя.
Раскрой же, стих, златую сердцевину,
Родится в блеске пусть земля другая.
Где рос бурьян — пусть замки засияют
Грядущего лучами. Как сосёнка,
Среди песка проросшая, кривая,
Плач скрипок завьется тонко.
И подчиняясь легкости их зова,
В цветах и бликах девушка закружит,
Ведя оркестр, и расцветут все грезы снова,
А из преданий возродится день минувший.
И вот колодцы залов вновь задышат,
Раздастся эхо вздохов, слов, оваций...
Похожий сон навеял занесенной крыше
Декабрь ненастный.
Актеры снимут грим и явят лица,
На смолкшем басы темнота заблещет,
И красота стократно повторится
В том эхе и проступит в каждой вещи.
А слёзы что ж? За давностью — забыты.
И грош цена отчаянью и тлену.
Хранит молчанье выбитый в граните

Знак белого орла или сирены.

А слёзы что ж? Прощай, туман рассветный,

Сгинь, грусти морок, реющий над Вислой...

Не в польской песне быть тебе воспетым —

Донесся новый звук, пронзительный и чистый.

Шлембарк, 1942

Таня была человеком очень скромным, по крайней мере в том, что касалось признания собственных талантов, даже суровым: это видно из небольшой биографической заметки, предшествующей публикации подборки ее стихов на странице сетевого альманаха *Litera*. В ней видна постоянная самоцензура, самокритика, — но еще и постоянная рефлексия над текстом и языком с его инерцией и традицией:

«Родилась в 1969 году в Москве в семье кинооператора-документалиста. "Родился в семье..." — так обычно пишут, если сам ничего из себя не представляешь, а похвастаться родителями хочется. Или наоборот, поднялся из низов, преодолев тернистый путь. Но мы имеем дело, несомненно, с первым вариантом. Способной, но лишенной мотивации и амбиций девочке никто не прочил большого будущего. Предсказания сбылись: будущее действительно получилось небольшим и день ото дня уменьшается. Окончив заочно Санкт-Петербургский педагогический университет по специальности "учитель русского языка и литературы", подобно тысячам выпускников педвузов, занялась делом, совершенно далеким от специальности: редактированием статей в научных медицинских журналах. То есть двинулась по пути Чехова и Булгакова, только в обратную сторону: от литературы к медицине».

Таня помогала фонду борьбы с раком Адвита, а еще расписывала стены в московской детской больнице — рисовала деревья, цветы, зверей. Таня успела сделать очень много хорошего, но это не утешает, потому что она могла и хотела сделать гораздо больше.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Май, как всегда, прошел под знаком книги. С 14 по 18 мая на Национальном стадионе в Варшаве проводилась VI Варшавская книжная ярмарка. Новинки и бестселлеры представляли свыше 850 экспонентов и 800 писателей из Польши и заграницы. Поклонники литературы стояли в длинных очередях за автографами любимых авторов, таких, например, как Анджей Стасюк, Малгожата Шейнерт, Ольга Токарчук, Сильвия Хутник, Катажина Грохоля, Юлия Хартвиг, Юзеф Хен, Дорота Масловская и многих других. Характерно, однако, что еще более длинные очереди протянулись к столам, за которыми восседали пишущие знаменитости и популярные актеры, такие как Анна Муха, Гражина Шаполовская или Кшиштоф Ковалевский.

Почетным гостем ярмарки была Франция. На французском стенде были представлены книги около 60 издательств, предлагавших более тысячи новинок. Из Франции приехало 30 писателей, иллюстраторов и переводчиков. Польские переводчики и издатели были отмечены французскими отличиями кавалеров и офицеров Ордена искусства и литературы. Среди награжденных были, в частности, Яцек Гищак, Анна Василевская, Виктор Длуский, Рафал Скомпский и Кристина Родовская.

По традиции в первый день ярмарки были объявлены номинанты на литературную премию «Нике». Жюри под председательством профессора Рышарда Козёлека выбрало 20 книг, претендующих на присуждаемую в девятнадцатый раз премию. Это семь романов, семь поэтических книг, два репортажа, два сборника эссе, биография и сборник рассказов. Трудно перечислить все названия; отметим лишь, что среди романов оказались, например, «Мать Макрына» Яцека Денеля, «Сонька» Игнация Карповича, «Восток» Анджея Стасюка и «Якубовы книги» Ольги Токарчук. А номинированные репортажи — это «Ангола» Эвы Винницкой и «Чудотворная» Петра Нестеровича. В начале сентября мы узнаем имена семи финалистов премии, а в первое воскресенье октября — имя лауреата. Пост секретаря премии вновь — после пятилетнего перерыва, во время которого он был директором Польского института в Москве — занял Марек Радзивон.

В тот же день на ярмарке были объявлены 20 книг, номинированных на юбилейную (в десятый раз присуждаемую) литературную премию «Гдыня». Наряду с эссе, прозой и поэзией жюри под председательством Агаты Белик-Робсон рассматривает также переводы иностранной литературы на польский язык. В этой последней категории среди номинантов — Виктор Длуский за новый перевод «Мертвых душ» Николая Гоголя. Лауреатов премии нынешнего года мы узнаем 4 сентября.

А вот на эту премию шансы есть лишь у писательниц. «Упрямое сердце. Биография Посвятовской» Калины Блажеевской, «В стране волшебства» Сильвии Хутник, «Бексинские. Двойной портрет» Магдалены Гжебалковской, «Якубовы книги» Ольги Токарчук и «Ангола» Эвы Винницкой — вот пять книг, которые оказались в финале присуждаемой в четвертый раз «Грифий» — всепольской литературной премии для женщины-литератора, учрежденной «Курьером щецинским». Имя лауреата мы узнаем 20 июня.

Еще до открытия ярмарки стали известны лауреаты премии имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Вердикт жюри под председательством шведского журналиста польского происхождения Мацея Зарембы-Белявского оказался сенсационным! Впервые за шесть лет своей истории премию разделили два автора. Михал Ольшевский, главный редактор издания «Газета wyborcza Краков» награжден за сборник репортажей «Лучшие ботинки в мире», а Светлана Алексиевич — за «Время secondhand. Конец красного человека» (Алексиевич стала лауреатом этой премии во второй раз: в 2011 году был отмечен премией ее сборник репортажей «У войны не женское лицо»). Лауреатом премии для переводчика стал Мариуш Калиновский за перевод со шведского «Короткой остановки по дороге из Освенцима» шведского репортера Горана Розенберга. Все награжденные книги вышли в издательстве «Чарне».

Специальным гостем на церемонии вручения премии имени Рышарда Капустинского был Мартин Поллак — австрийский писатель, журналист, переводчик польской литературы. Ему присуждено «Перо Свободы» в связи с 35-летием событий Польского августа.

В конце апреля много шума вызвала ситуация, возникшая вокруг литературной премии Столичного города Варшавы. Поэт Ярослав Марек Рымкевич, много лет поддерживающий партию «Право и справедливость» и ее председателя Ярослава Качинского, отказался принять премию в категории «варшавский творец года» (100 тыс. злотых). «Эта премия

присуждается городом, которым правит Ханна Гронкевич-Вальц», — объяснил свое решение поэт, который не появился на церемонии в Национальной библиотеке. «Я выписываюсь из этого государства, это не мое государство, не хочу иметь с ним ничего общего. По-прежнему существует две Польши, я бы очень хотел дожить до такой, о которой мы мечтаем», — объяснял Рымкевич Иоанне Лихоцкой — журналистке, связанной с правым лагерем. Варшавские премии, однако, приняли другие лауреаты: Анджей Стасюк за книгу прозы «Восток», Уршуля Козел за сборник стихов «Курлыканые», Анна Пивковская и Эмилия Боянчик за книгу для детей «Францишка» и авторский дуэт Эльжбеты Марковской и Катажины Наливаек-Мазурек за книгу «Варшава 1939–1945. Оккупация. Судьбы музыкантов».

В Кракове в середине мая проходил «Фестиваль Милоша», на этот раз под девизом «Книга озарений». Во Дворце под баранами в течение четырех дней встречались с читателями выдающиеся современные поэты, такие как Чарльз Симик, Роберт Хасс, Рышард Крыницкий, Корнелиус Плателис, Юрий Андрухович, Кшиштоф Сивчик, Войцех Бонович, Марта Подгурник. Прошли тематические дискуссии, читались стихи, обсуждались проблемы поэтического перевода. Вечер поэзии «Реквием для поэтов», посвященный памяти недавно ушедших творцов — Станислава Баранчака, Хуана Гельмана, Шеймаса Хини, Филиппа Ливайна, Тадеуша Ружевица, Марка Стрэнда, Томажа Шаламуна, Тумаса Транстрёмера — вел Адам Загаевский.

Агнешка Косинская, секретарь Чеслава Милоша, представила во время фестиваля свой дневник «Милош в Кракове». Она вспоминает в нем годы работы с нобелевским лауреатом, атмосферу, царившую в квартире поэта на улице Богуславского, рассказывает о людях, с которыми Милош встречался, и делах, которые его занимали. «В Милоше был необычайно силен дух бунта, — говорила Косинская. — Он посвятил свою жизнь раздумьям о смысле жизни, религии, иерархии ценностей, о том, может ли современный человек быть счастлив и какую цену приходится за это платить».

С 11 мая в Хайнувке (Подляское воеводство) в течение недели проводился международный фестиваль «Хайнувские дни церковной музыки». В конкурсных выступлениях приняло участие 28 хоров из Польши, Белоруссии, Украины, Грузии, России, Франции. Молдавии. «Церковная музыка — это, прежде всего, молитва и сакральное искусство, так что, наряду с художественной, важна и ее духовная ценность. Это не

собственно концертная музыка, но такая, которая вводит человека в несколько иной мир», — подчеркнул директор фестиваля ксендз Михал Негеревич. Гран-при получил академический хор Саратовской государственной консерватории им. Леонида Собинова.

Во Вроцлаве с 15 по 31 мая проходил фестиваль «Май со старинной музыкой», посвященный средневековой, ренессансной и барочной музыке. Цель мероприятия, наряду с пропагандой старинной музыки, — поддержка молодых музыкантов, выпускников музыкальных академий и школ. Во время концертов, которые проходили во Вроцлаве и других местах Нижней Силезии, можно было услышать, в частности, произведений Иоганна Себастьяна Баха и Антонио Вивальди. Во время фестиваля проводились также учебные классы для детей и молодежи.

21 мая в варшавском театре «Народовый» прошла премьера монодрамы «Месса за город Аррас» на основе текста Анджея Щипёрского. Главную роль в спектакле исполняет популярный актер Януш Гайос. Это произведение — повествование о морали, власти, религии, политике. А также об опасности идеологического ослепления. Текст Щипёрского 1971 года был одним из крупнейших литературных событий своего времени. Говоря о еврейских погромах и гонениях на ведьм в XV веке во французском городке Аррас, автор скрытно намекал на антисемитизм польской коммунистической власти, ее нападки на интеллектуалов. «Мир все время совершает одни и те же ошибки. Об этих проблемах не только стоило бы — о них необходимо говорить», — подчеркнул Януш Гайос во время предварявшей премьеру встречи с журналистами.

Щецинская филармония, строительство которой завершилось в прошлом году, отмечена престижной наградой Европейского союза — премией им. Мис ван дер Роэ в области современной архитектуры. На «архитектурную Нобелевскую премию» претендовали также два иных объекта из Польши: Новый силезский музей и варшавский Музей истории польских евреев. Необычное, напоминающее ледяную глыбу здание Щецинской филармонии сооружено по проекту испанского проектного бюро «Estudio Barozzi Veiga». В здании размещается главный концертный зал на 1 000 зрителей, камерный зал на 200 мест, выставочная часть и конференц-зоны, просторное фойе. Сооружение расположено в месте, где до войны находился немецкий «Konzerthaus», уничтоженный в ходе налетов союзников на Щецин во время Второй мировой войны.

Свыше 100 тысяч посетителей привлекла в Национальный музей в Варшаве выставка «Ольга Бознанская (1865–1940)». Экспозиция была открыта с 26 февраля по 2 мая. «Мы глубоко удовлетворены выставкой Ольги Бознанской, — сказала Агнешка Моравиньская, директор музея. — Оправдались наши предположения, что польской публике больше всего нравятся классики польской живописи». Предыдущим рекордсменом был Александр Герымский, его выставку в варшавском Национальном музее посетило почти 100 тысяч зрителей. «Мы, музейщики, признаем выставку действительно успешной, когда число зрителей переваливает за 100 тысяч, — подчеркнула госпожа директор. — А 28 мая мы открываем новую выставку «Папа римский авангарда — Тадеуш Пейпер в Испании, Польше, Европе». Эта выставка строится вокруг фигуры и творчества выдающегося поэта, критика и теоретика искусства Тадеуша Пейпера.

В ночь с 16 на 17 мая вся Варшава вышла на улицу. В двенадцатый раз проводилась Ночь музеев. Впрочем, были открыты не только музеи и галереи, но и различные объекты, обычно недоступные для публики, такие как Бельведер, посольства, трамвайные парки и шоколадная фабрика. В Музее истории польских евреев «Полин» можно было увидеть снимки Романа Вишняца и фотографии тех, кто выжил в Варшавском гетто, услышать записи голосов. Что скрывают подземелья варшавского Дворца культуры и науки, можно было узнать во время ночного посещения самых нижних уровней сооружения. А пассажиры ночного рейса прогулочного корабля «Loewentin» имели возможность полюбоваться панорамой города и послушать рассказы о Варшавском восстании, достопримечательностях столицы и роли, которую сыграла Висла в обороне города.

В Кракове Ночь музеев прошла под девизом «Ночь света в музее». В музее Старого театра можно было узнать секреты работы художника по свету. В музее ПНР, который пока находится в стадии организации, бывшие оппозиционеры провели экскурсии по экспозиции, представляющей историю создания «Солидарности» в Новой Гуте. Показывались также фильмы о переломе 1989 года и Новой Гуте.

В городе Катовице в Ночь музеев как магнит притягивал к себе фарфор. Фонд «Giesche» пригласил жителей Силезии на исторический Фарфоровый завод. Было подготовлено четыре выставки, связанных с историей завода и фарфора, можно было осмотреть сохранившиеся заводские здания, которые

помнят времена концерна «Giesche», поработать в керамической мастерской и самостоятельно расписать чашку.

Во Вроцлаве жители и гости города в эту ночь прежде всего массово посещали объекты, расположенные в центре, то есть Королевский дворец, Арсенал и Музей архитектуры. Своих посетителей дождались также форты XIX века, которые открылись для публики только на одну ночь. По Вроцлаву до рассвета перемещалось около 150 тысяч человек. И так было, пожалуй, во всех крупных польских городах. Впервые Ночь музеев была организована в Берлине в 1997 году, а первым польским городом, где провели такое мероприятие, стала в 2003 году Познань.

Прощания

20 апреля в Варшаве скончался Ян Матыяшкевич, актер театра и кино. Ему было 86 лет. Выпускник Варшавской государственной высшей театральной школы, он выступал на подмостках театра «Молодой Варшавы», театра «Атенеум», Театра миниатюр, Театра на Воле, Польского театра. В 1991 году вновь вернулся на сцену театра «Атенеум» им. Стефана Ярача. Выступал также в спектаклях Театра телевидения, сыграл в нескольких фильмах, в том числе в картине «Большой, еще большей и самой большой», «Горельщина», в телевизионном сериале «Божья подкладка». Характерный, неподражаемый голос принес артисту за выступления на радио престижную премию — «Золотой микрофон». Радио было вторым, рядом с театром, истинным призванием актера.

Труппа театра «Атенеум» простилась с Яном Матыяшкевичем словами: «Почти половина из 60 лет его артистической работы прошла в коллективе нашего театра, где он сыграл свыше 50 ролей. Его герои волновали и развлекали зрителей, а сам актер завоевал сердца нескольких поколений театральной публики».

3 мая в Познани в возрасте 63 лет скончался профессор Петр Пётровский, художественный критик и историк искусства, ученый с международным авторитетом, выдающийся исследователь искусства Центральной и Восточной Европы XX века.

Выпускник искусствоведческого факультета Университета им. Адама Мицкевича в Познани, он много лет работал в своей альма-матер научным сотрудником. В 90-е годы как куратор отдела современного искусства Национального музея в Познани он подготовил ряд значительных выставок, среди которых «Галерея odNowa 1964—1997», «Оттепель. Искусство

около 1956 года», «Зофья Кулик. От Сибири до Киберпространства». В феврале 2009 года его избрали директором Национального музея в Варшаве, в этой должности он проработал до 2010 года. Пётровский — автор многих серьезных трудов. В 2000 году был номинирован на премию «Нике» за книгу «Значения модернизма», а в 2006 году — на премию им. Яна Длугоша за «Авангард в тени Ялты». Во время военного положения был деятелем подпольного независимого профсоюза «Солидарность», работал в редакции издания «Обсерватор велькопольски». Профессор Петр Пётровский умер после многолетней борьбы с лейкемией.

3 мая в Варшаве в возрасте 90 лет умерла Мечислава Бучек — поэтесса, переводчица, автор книг для детей. Она была женой поэта, эссеиста и переводчика Мечислава Яструна (1903–1983) и матерью Томаша Яструна (род. 1950), поэта, прозаика и фельетониста.

Мечислава Бучек дебютировала в 1945 году на страницах еженедельника «Весь». Ее стихи и статьи публиковали такие издания, как «Кузница», «Нова культура», «Пшеглэнд культуральный», «Жиче литерацке». В 1965–1972 гг. она заведовала отделом польской поэзии в журнале «Поэзия». Первый ее сборник стихов «Расставания» увидел свет в 1949 году в издательстве «Ксёнжка и ведза». Как и во многих произведениях, созданных в то время, ведущими мотивами ее стихов были война и оккупация. Мечислава Бучек издала более десятка поэтических сборников и книг, а также два сборника рассказов, параллельно занимаясь переводами французской, шведской и русской поэзии. Переводила стихи акмеистов, в частности Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама. Большое место в ее творчестве заняли произведения для детей, которые публиковались в периодической печати и выходили книгами, главным образом в издательствах «Читательник» и «Выдавництво литерацке» (такие как «Ослик Йоко», «Пётрусь первоклассник», «Тайна белого камня», «Сказки для Эвы» и др.). За литературное творчество для детей и молодежи в 1987 году она получила премию председателя Совета министров. Была членом-учредителем Объединения польских писателей.

РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ ЯРОСЛАВА ИВАШКЕВИЧА

«Ты плохо знаешь русский язык, я не однажды ловил тебя на непонимании текстов (...), во всяком случае, ты знаешь его хуже, чем я — поэтому не делай таких непродуманных замечаний», — писал Ярослав Ивашкевич в письме Павлу Герцу в июне 1945 года. Герц — это превосходный польский поэт, выдающийся переводчик Льва Толстого, Ивана Тургенева, выпускавший послевоенные польские издания Александра Пушкина, Федора Достоевского и др. Когда Ивашкевич писал это письмо, Герц был редактором еженедельника «Кузница», вскоре после этого он стал, в частности, главой редакции классической русской литературы в Государственном издательском институте. Так что немалая часть русской классики, издававшейся в те времена в Польше, проходила через редакторский стол Павла Герца.

Обидное и, кажется, намеренно острое мнение Ивашкевича не говорит правды о квалификации Павла Герца как знатока России, зато кое-что говорит о близких дружеских отношениях между поэтами. Они были настолько хорошо знакомы, что не докучали друг другу официальным этикетом и могли позволить себе всякие колкости. Свидетельствует это, однако, и еще кое о чем — о большом значении, которое Ивашкевич придавал русской классической литературе и культуре русского языка.

В своей книге, посвященной русским увлечениям Ярослава Ивашкевича, Эугениуш Соболю не цитирует это письмо, но понятно, что мир русской культуры и литературы является для Ивашкевича важной и непреложной точкой отсчета, а тема книги Соболя «Ярослав Ивашкевич и русская литература» — одной из важнейших страниц писательской биографии Ивашкевича.

Ярослав Ивашкевич принадлежал к поколению, росшему в конце периода оккупаций — последнему, которое, хоть и вошло во взрослую жизнь уже после обретения Польшей независимости в 1918 г., все же училось в русских школах. Он сам был выпускником гимназии в Елисаветграде, на русском

языке изучал юриспруденцию в Киеве, его будущие друзья и важнейшие поэты «Скамандра»^[1] тоже окончили русские гимназии — Антоний Слонимский в Варшаве, Юлиан Тувим в Лодзи. Все они разговаривали по-русски настолько бегло, что иногда их попросту принимали за русских: «видимо, вследствие хорошего русского произношения», как писал в разоблачительном по отношению к большевикам «Моем путешествии в Россию» 1932 года Слонимский, вспоминая короткий разговор с официантом московской гостиницы «Метрополь».

Русский мир и знакомый со школьных лет язык, хочется нам того или нет, это одно, а русская литература как осознанное увлечение, а порой даже источник вдохновения для собственного творчества, это, однако, нечто совсем другое. Одним из наиболее интересных для Ивашкевича русских поэтов и писателей был Александр Блок, но с некоторыми оговорками: «Ивашкевича не слишком интересовал Блок — поэт, клеймящий социальную несправедливость в царской России, и певец революции», а тем более не интересовал его (и Соболев сразу же поясняет, почему) «Блок, который выражал пафос России, воспевал ее необычность, исключительность, а также великодержавность, к которой Ярослав Ивашкевич, как поляк и сын январского повстанца, относился довольно подозрительно». Может быть, пользуясь случаем, стоит добавить, что, вопреки распространенному мнению, отец писателя Болеслав Ивашкевич и дядя Зигмунт не сражались в Январском восстании^[2]. Правда, они довольно серьезно готовились, у них даже имелось оружие, с которым они успели попозировать для нескольких фотографий, но были заблаговременно арестованы и не успели ни разу пальнуть из дустволки. Тем не менее, остается фактом, что отец Ивашкевича был исключен из училища в Киеве; несостоявшийся эпизод восстания фактически испортил ему жизнь, отец был вынужден влачить существование значительно ниже своих возможностей и ожиданий, без шансов на большую карьеру, годами скитаясь по украинским сахарным заводам в качестве бухгалтера. Важно, однако, что миф восстания 1863 года не только как национальной катастрофы, но и как семейного несчастья, которое печальным образом повлияло на дальнейшую судьбу всей семьи, долго оставался живым в семье Ивашкевичей.

Важные источники вдохновения обнаруживаются в поэме Ивашкевича «Азиаты», написанной, несомненно, под влиянием «Скифов» Блока. «Написанная в январе 1918 года поэма Блока создавалась в переломное для России время, когда

решались судьбы революции. Были сорваны мирные переговоры с немцами в Брест-Литовске (...), в январе 1918 года японские корабли вошли в порт Владивостока, а российская пресса писала о неизбежной конфронтации на Дальнем Востоке с Японией и Китаем», — пишет Соболев и цитирует патетические фрагменты из дневников Блока: «тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним. (...) на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток. Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары».

«Азиаты» Ивашкевича, как напоминает Эугениуш Соболев, появились в совершенно иной ситуации, во время Второй мировой войны, то есть в то время, когда происходило столкновение Запада и Востока, когда свершалась эта варварская история, предвиденная Блоком.

Однако наиболее занимал Ивашкевича другой Блок — художник и интеллектуал, «путешествующий по Европе, прежде всего, по Италии — русский художник, явленный в открытом европейском культурном пространстве и в соединении с европейским искусством». Ивашкевич сам ощущал себя европейским художником, связь провинциала с Востока со Старым континентом имела основополагающее значение, и выглядит естественным, что подтверждения собственного пути к западной культуре Ивашкевич искал у других.

Важнее всего была, очевидно, Италия — у Ивашкевича она появлялась часто, во многих рассказах, в том числе, в «Венецианских кружевах» и конечно же в «Книге о Сицилии» и в «Путешествиях в Италию». Оба поэта хорошо знали не только Италию как таковую, но и главные русские книги, посвященные Италии, включая классические «Образы Италии» Павла Муратова. При этом Ивашкевич охотно признавался в своем восхищении Муратовым: очерки Муратова появляются, например, в списке самых важных из прочитанных Ивашкевичем книг, который приложен к «Путешествиям в Италию». Блок же упоминает о путешествии, скорее, лаконично — в письме к матери: «если смотреть с Лидо, весь север окаймлен большими снежными вершинами, часть которых мы проехали. Вода вся зеленая. Это все известно из книг».

Другие значительные литературные дорожные указатели появляются в позднем «Петербурге» Ивашкевича. Это,

конечно, прежде всего, Федор Достоевский, хотя как раз Достоевскому, если не считать «Петербурга», Ивашкевич не посвящал много места. Значительно более важным оказалось творчество Льва Толстого, но тоже не сразу. В автобиографической «Книге моих воспоминаний» Ивашкевич признавался: «все толстовские идеи, состязания с Богом, отрицания абсолютной ценности искусства (...) были мне в наивысшей степени чужды».

Больше всего в творчестве Толстого, как утверждает Соболев, Ивашкевича занимало соединение творчества и биографии, представление в литературе собственной жизни. Примером такого удачного объединения могла бы служить, прежде всего, юношеская духовная биография «Детство, Отрочество, Юность», но также «Севастопольские рассказы» — Толстой, как мы знаем, во время Крымской войны в 1855 году был артиллерийским офицером. В статье, посвященной Толстому, Ивашкевич так писал об этих автобиографических сюжетах: «в образе Левина и его жены Китти Толстой стремился нарисовать портрет свой и своей жены. Уже сама фамилия Левина, происходящая от имени автора, указывает на это». Этот текст, посвященный Толстому, в целом свидетельствующий, между прочим, о внимательном прочтении биографии Толстого, написанной Виктором Шкловским — у Ивашкевича можно проследить информацию и мысли, почерпнутые из книги Шкловского — был опубликован в качестве предисловия к польскому изданию, правда, не «Анны Карениной», а «Войны и мира».

Но об интересе к Толстому свидетельствует не только этот очерк. Толстовские мотивы Соболев распознает также в романах Ивашкевича. К наиболее известным параллелям относится сюжет «Блендомежских страстей» — ссора писателя Замойло с женой, побег из заглавного Блендомежа и заканчивающаяся трагическим финалом поездка в переполненном поезде — в подробностях отражающий побег Толстого из Ясной Поляны. Придуманная Ивашкевичем сцена, в которой жена Замойло тайком обыскивает его кабинет, почти повторяет запись из дневника Толстого от 28 октября 1910 года.

Восхищения европейской культурой, отсылок к ней и, может быть, прежде всего, попыток убедиться в том, что он такой же европеец, как жители Запада, у Ивашкевича немало. Это, в первую очередь, классическая традиция и Италия, но это еще и довоенное увлечение, хотя и кратковременное, немецкой культурой и конечно же Франция и Париж как центр современной Европы. И все же в писательской перспективе

наибольшим весом обладает не итальянская или французская литература, а именно русская. В ней, кажется, чаще, чем в других литературах, Ивашкевич встречал те вопросы, которые пытался ставить сам.

Эугениуш Соболев. Ярослав Ивашкевич и русская литература.

– Торунь: Издательство «Адам Маршалек», 2014.

-
1. «Скамандр» — польская поэтическая группа, основанная в 1918 г. Юлианом Тувимом, Антонием Слонимским, Ярославом Ивашкевичем, Казимежом Вежинским и Яном Лехонем. Название взято от названия мифологической реки, согласно «Илиаде» обтекающей Трою – Прим. пер.
 2. Январское восстание 1863 года – шляхетское восстание на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Волыни, целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года – Прим. пер.

СИМОН ПЕТЛЮРА

Украина понесла невосполнимую утрату в связи со смертью Симона Петлюры, убитого в Париже 26 мая [1926 года]. Его убийца старался создать видимость, что мстил таким способом за еврейские погромы на Украине. Эти уловки — очевиднейшая ложь. Ведь Петлюра никогда не был антисемитом. Напротив, при его правлении было достигнуто соглашение между украинцами и еврейским населением, живущим в этой стране многие века. В знак этого соглашения, положившего конец некоторым казацким традициям на Украине, в правительство Петлюры вошел министр по еврейским делам, который оставался в нем до самого конца. В то же время Петлюра был самым заметным врагом большевизма на Украине, и это обстоятельство достаточно объясняет причину его трагической гибели.

Симон Петлюра родился в Полтаве 10 июня 1879 года. Он был сыном небогатых родителей. Еще учеником духовной семинарии в Полтаве он принимает участие в украинском движении за независимость и подвергается преследованиям царских властей. С момента основания украинской социал-демократической партии Петлюра вступает в ее ряды и посвящает себя публицистике. В 1896 г. становится редактором социалистического «Слова» и остается на этом посту до 1911 года. За это время он выпускает ряд трудов, касающихся истории движения за независимость на Украине.

В 1911 г., по причине закрытия царским правительством украинских журналов, Петлюра переезжает в Москву и издает там на русском языке ежемесячник «Украинская жизнь». Во время войны он становится представителем украинских земств при русском штабе в Минске, где ближе знакомится с военными вопросами. Во время революции он занимает пост председателя Украинского войскового комитета и на этой должности стремится создать украинскую армию, преодолевая препятствия, которые воздвигает на этом пути правительство Керенского. В момент формирования царско-немецкого правительства Скоропадского Петлюра является председателем Союза украинских земств. Арестованный Скоропадским, после нескольких месяцев тюрьмы, он выходит на свободу и в ноябре 1918 г. организует восстание против гетмана. В конце декабря

того же года Петлюра входит в Киев в качестве главы правительства Украинской Народной Республики.

Не находя поддержки великих держав, которые содействовали тогда Деникину, при саботаже со стороны русифицированного и симпатизировавшего большевикам городского населения, это правительство сразу оказалось в больших затруднениях, будучи вынужденным вести войну как против армий царских генералов, так и против красных армий Троцкого. Сражаясь с переменным успехом с теми и другими, Петлюра ищет поддержки в Польше, закладывая фундамент так называемой польской политической ориентации Украины, по-прежнему имеющей непредсказуемое значение для будущего обоих народов.

В 1920 г. заключено польско-украинское соглашение^[1], душой которого был Симон Петлюра, в результате польскую и украинскую армии в борьбе против большевиков объединяет общая судьба. Однако великие политические перспективы, следовавшие из польско-украинского альянса, не были тогда во всей полноте ни поняты, ни оценены в польском обществе. Рижский мир положил конец дальнейшим прямым следствиям этого альянса. После отчаянной борьбы с превосходящими силами противника остатки украинской армии осенью 1920 г. перешли в Польшу, где были разоружены. Вместе с ними отправился в эмиграцию их вождь Симон Петлюра. Первые годы своей эмиграции Петлюра провел в Варшаве. Только в 1924 г. он уехал в Швейцарию, а оттуда в Париж.

У своих польских друзей в Варшаве Петлюра оставил о себе самые приятные воспоминания. С учетом трудностей, создаваемых тогдашними польско-советскими отношениями, Петлюра придал своему пребыванию в Варшаве благородную скромность, общаясь лишь с небольшим кругом знакомых. В трудных условиях эмигрантской жизни он демонстрировал впечатляющее спокойствие и веру в будущее, присущие человеку действия, который умеет с достоинством встречать неблагоприятные повороты судьбы. Его благородный оптимизм передавался всем, у кого тогда выпадал случай поговорить с ним. До самого последнего дня Симон Петлюра сохранил рыцарскую верность своей политике. Польша теряет в нем истинного друга, выдающаяся роль которого осталась незамеченной многими нашими современниками, но память о котором будет крепнуть как у нас, так и на Украине.

«Голос правды», №144 от 29 мая 1926 года

-
1. Соглашение между правительствами Польши и Украинской Народной Республики (Варшавский договор), заключенное в разгар Советско-польской войны 1919–1921 гг. Подписано Юзефом Пилсудским и Симоном Петлюрой 21 апреля 1920 года. В соответствии с соглашением, правительство Петлюры взамен на признание обязалось оказывать помощь полякам в борьбе с большевиками. Прим. пер.

ХВАТИТ УЖЕ «ПОМОГАТЬ» УКРАИНЕ

Мы помогаем... Наверное, нет уже никого, кого бы не тошнило от этого слова. Сторонники активного включения Польши в дела Украины страдают от похмелья, потому что знают, что слова о помощи пусты, как барабан, и нет больше сил объяснять, что более активное участие в том, что происходит на Востоке лежит в интересах самой Польши.

Польская общественность, обожающая выступления разглагольствующих лидеров, позволила политикам убедить себя в том, как замечательно Польша «помогает» Украине, и переживает, хватит ли нам средств, чтобы подкармливать собственных детей в Мазовии. Украинцы постоянно слышат о помощи со стороны Польши и никак не могут дождаться наших даров — наверняка они скоро разочаруются. Только что из Киева вернулся наш президент. Не так давно на Днепре была премьер-министр Эва Копач. Сыпались обещания, слова ободрения и уверения в дружбе. Главной темой была, конечно, «помощь».

Похоже, что никогда еще за столько веков польско-украинские отношения не складывались так хорошо. Не правда ли? СМИ расписывают горячий прием Бронислава Коморовского в Верховной Раде, социологические данные показывают, что после Майдана в украинском обществе стремительно возросла симпатия к Польше. Слишком рано, однако, радоваться. Нет смысла ни в том, чтобы поддерживать украинские реформы, высылая нескольких экспертов на пару дней в Киев, ни в том, чтобы переводить закон и отправлять его по электронной почте.

Польша должна по примеру немцев, грузин и литовцев разместить при украинской Раде постоянных советников, наметить с партнерами какие-то задачи, например, реформу самоуправления, и провести ее вместе с украинскими министрами от начала до конца. Ключевым с точки зрения интересов Польши будет то, в каком направлении изменится сельское хозяйство Украины. Что будут производить хозяйства на черноземе, когда Украина спустя несколько лет войдет в ЕС? Будем ли мы тогда конкурировать или, напротив, дополнять друг друга? Это только один пример, какими последствиями

могут быть чреватые сегодняшние упущения в конкретных разговорах с украинцами.

Грошовая польская помощь не затмит больших кредитов из МВФ или Евросоюзных организаций. Так, может быть, пора подумать не только о помощи, но и об общем польско-украинском плане в Европе? Есть ли шанс для серьезного разговора польских и украинских лидеров о будущем? Президент Коморовский любит цитировать украинцам известное высказывание Юлиуша Меровского из парижской «Культуры», что не будет свободной Польши без свободной Украины. Петр Порошенко произносит обращения к полякам не хуже, чем президенты США. Он прекрасно знает, когда стоит упомянуть папу, когда жертвы войны, а когда «Солидарность». Разве что об особенностях национальной кухни не вспомнил. Пора, однако, задуматься, как будет выглядеть наш кусочек Европы лет через двадцать. Невзирая на войну, угрозы Путина и страх перед завтрашним днем, поляки и украинцы должны уже сейчас поразмыслить над тем, что мы посеём вместе, а чем займемся отдельно.

КВАСНЕВСКИЙ: ЕВРО УКОРЕНИТ НАС В ЕВРОСОЮЗЕ

Александр Квасневский, бывший президент Польши и учредитель фонда «Amicus Europae» [Друг Европы] (этот фонд вместе с клубом «Executive Club» выступит организатором указанного мероприятия), оценивает положение Европейского союза в современном мире.

*

— *В каких лидерах нуждается сегодняшняя Европа?*

— Сложно ответить на это однозначно. В хорошем лидере должны присутствовать все элементы. В нормальных, не кризисных реалиях превосходно оправдывают себя демократические механизмы привлекающие к управлению значительную часть населения. В условиях кризиса на такого рода действия нет времени, и тогда лучшие результаты приносит иное лидерство, конкретное и решительное. Надеюсь, мы не доведем дело до положения, в котором нам придется перейти на кризисное управление. В подобной ситуации многие права переходят непосредственно в руки лидера, и тогда стране должно очень повезти, чтобы нашелся человек, способный вынести на своих плечах такое тяжкое бремя.

— *Мы живем во времена ускоренных изменений.*

— Изменение не является сенсацией, но скорость происходящих изменений становится небывалой. В настоящий момент степень непредсказуемости ситуации, а в связи с этим и значительного риска, будет большей, чем когда-либо ранее.

— *Много говорится о кризисе идентичности ЕС. Мы наблюдаем победу «Сиризы» в Греции, растущую силу популистов в Европе. Не явится ли это тормозом, блокирующим восстановление того порядка, который существовал перед кризисом?*

— Я бы не оценивал этого столь радикальным образом. В нескольких странах мы имели дело с весьма глубоким кризисом. Подобные события приносят серьезные последствия. Последствием кризиса на юге Европы является снижение уровня жизни в сочетании с усиливающимся чувством

несправедливости, так как богатые остались богатыми, а бедные еще больше обеднели. К этому добавляется самая высокая в истории безработица среди молодых людей, уровень образованности которых высок как никогда прежде. Иными словами, это не безработица людей, которые не подготовлены в профессиональном смысле, а отсутствие работы для лиц, имеющих по два или три диплома. Если мы присовокупим к этому, что на протяжении многих лет в обсуждаемых странах у власти стояли социалисты и консерваторы, ответственные за доведение дел до такого состояния, то можем признать партии вроде греческой «Сиризы» или испанской «Подемос» (в переводе — «Мы можем!») чем-то вполне естественным. Вопрос лишь в том, несут ли эти партии какие-нибудь конкретные позитивные ценности.

— *А несут?*

— Пока что несут силу гнева и разочарования. Сегодня я с большой охотой читаю высказывания нового министра финансов из Греции, который своей оригинальностью напоминает Гжегожа Колодко^[1]. Вынужден, однако, признать, что в стратегии Колодки было гораздо больше внутренней логики и ответственности.

— *Придется ли Европе пойти навстречу ожиданиям «Сиризы»?*

— Разумеется. Хотя, на мой взгляд, как раз «Сириза» будет искать сотрудничества с Европой, потому что в одиночку она будет не в состоянии решить греческие проблемы. Необходимо прийти к консенсусу, так как греки в какой-то момент отдадут себе отчет, что в их распоряжении не слишком-то много аргументов. Зато мы должны признать тот факт, что у «Сиризы» есть свой электорат, причем ей необходимо выполнить хотя бы часть своих обещаний, поскольку альтернатива может оказаться еще хуже.

— *А возможен ли Евросоюз без Греции?*

— Да, но только это будет ослабленный Евросоюз. Его возможный распад отнюдь не обязательно должен закончиться одной только Грецией. Сначала Афины, потом Лондон, потом кто-то еще... Я принадлежу к решительным приверженцам идеи удержать Грецию в Европейском сообществе, а тем более в зоне евро, но при условии, что сама Греция выразит волю к сотрудничеству. У Греции мало аргументов. Туризм, оливковое масло и сыр фета — это никак не признаки державы.

— Угрозы Лондона на тему выхода из Евросоюза звучат посерьезнее?

— Это более серьезная вещь, поскольку такой выход был бы не результатом кризиса, а следствием размышлений и абсолютно сознательного решения. Великобритания — влиятельная страна с сильной экономикой, у которой в отличие от Греции в рукаве припрятано немало тузов. Я, однако, полагаю, что, когда британцы перед референдумом взвесят все плюсы и минусы, они все-таки выскажутся в пользу того, чтобы остаться в Евросоюзе. Для самого Евросоюза это окажется тем более трудной темой, постольку Дэвид Кэмерон, ведя кампанию перед указанным референдумом, будет ожидать уступок со стороны Брюсселя^[2]. Что несомненно, так это то, что обеим сторонам предстоят трудные, кропотливые и утомительные переговоры.

— Есть ли у Европы аргументы в экономическом соперничестве с Китаем и США?

— О Европе мы должны говорить с гораздо большим энтузиазмом. Сегодня мы как Евросоюз имеем свыше 500 млн жителей, наиболее образованное общество и самую крупную экономику в мире. Чтобы целиком и полностью предаться европейскому тщеславию, приведу олимпийский пример. В последние годы все увлеченно следят за медальным соперничеством Китая и США. Тем временем, если мы соберем воедино все золотые медали европейских государств, то окажется, что у нас их больше, нежели у Америки и Китая, вместе взятых.

— А в более деловом аспекте?

— Таким аргументом не может быть ни дешевая рабочая сила, ни способность завалить весь мир примитивными товарами. Если мы хотим, чтобы в новой структуре мира с нами считались, то должны делать ставку на три области: образование, инновационность и конкурентоспособность.

— Как увеличить конкурентоспособность?

— В первую очередь следует позаботиться о более дешевой энергии, поэтому абсолютно необходимо добиваться единой энергетической политики в рамках Евросоюза. Далее, мы не можем выбрасывать деньги на неэффективные системы субсидирования некоторых секторов экономики. Кроме того, следует урезать расходы на бюрократию. Все перечисленное как раз и образует те элементы, которые позволяют наращивать

конкурентоспособность. Нельзя забывать, что за спиной мы уже чувствуем дыхание Китая, Индии и Бразилии.

— Не испытываем ли мы сегодня нехватку лидеров с характером, сильных личностей?

— Думаю, если бы сегодня кто-либо составлял список таких личностей, то Ангела Меркель наверняка оказалась бы в первой тройке.

— А кроме нее?

— Наверняка к числу таких индивидуальностей принадлежат Маттео Ренци в Италии, Виктор Орбан в Венгрии или, например, скандинавские лидеры.

— Но ведь нельзя же поставить Ренци в один ряд с Путиным.

— Авторитарные системы создают совершенно другой тип лидерства, нежели системы демократические. Лица, которые руководят столь мощными странами, как Китай, уже по причине самого умения вскарабкаться на позицию один номер в этой сложной иерархии и удерживаться на вершине в течение столь длительного времени вызывают в некотором смысле уважение. Третий срок правления Путина — это еще и пример того, что в такой большой и нелегкой для управления стране, как Россия, можно выработать для себя сильную позицию, которая с психологической точки зрения дает своего рода перевес.

— Политика Евросоюза по отношению к России — это успех или поражение?

— Успех. Я убежден, что Путин надеялся на сильные раздоры и на отсутствие общей позиции в вопросе о санкциях.

— Считаете ли вы, что введенных санкций уже достаточно?

— Если минское перемирие будет нарушаться так же, как это происходило до сих пор, никакого другого выхода нет — санкции нужно будет усилить. Если, однако, Минск-2 заработает, то откроется перспектива дальнейших переговоров.

— Не была ли Польша слишком пассивной в этом противостоянии?

— Безусловно да, но это слишком сложный вопрос, так как это вытекает из многих факторов. Зато я понимаю, что в той конфигурации, в которой мы находимся, требовалось принять

нормандский формат и отдать поле переговоров самым крупным игрокам.

— Верите ли вы, что еще до 2020 г. мы в Польше будем расплачиваться в евро?

— Многое зависит от того, каким образом сформируется польская политическая сцена. Если конституционным большинством располагали бы проевропейские силы, переход на евро будет скорее всего очевидным. К 2020 г. усилится и сама европейская валюта, а польская экономика и банковская система успеют лучше подготовиться к подобному изменению. Перед лицом угрозы со стороны России, иначе говоря, с политической точки зрения такое окончательное укоренение Польши в Европе имеет глубокий смысл. По моему убеждению, и евро будет полезно Польше, и Польша будет полезна евро.

1. Г. Колодко в 1994–1997 и 2002–2003 гг. был вице-премьером и министром финансов в четырех левых правительствах В. Павляка, Ю. Олексы, В. Цимошевича и Л. Миллера, причем почти все это время президентом Польши был А. Квасневский. Прим. пер.
2. Впечатляет прозорливость Квасневского. Ведь он, давая это интервью за месяц с лишним до майских парламентских выборов в Великобритании, исход которых в тот момент представлялся почти всем аналитикам абсолютно неясным, считает как бы само собой разумеющимся, что победу на этих выборах одержат именно консерваторы Кэмерона, обещавшего, в частности, провести референдум о членстве страны в ЕС. Прим. ред.